

Сергей ФИЛАТОВ

Калина Иванович и его кочегары

Глава первая. Письмо из-за океана

«Здравствуйте, дорогие друзья мои, ты Калина и ты Людочка! Вот и добрался я, наконец-то, до той самой Новой Зеландии, куда вы меня не так уж давно проводили. Многого, конечно, в пути насмотрелся, впечатлений от морского путешествия – море, на три письма хватит. Однако всех своих дорожных перипетий теперь описывать не буду, как-нибудь в следующий раз.

Немного о месте, куда я прибыл и где мне предстоит отныне, как говориться «коротать дни свои». Природа здесь от нашей отличается значительно, горы... вулканические озёра... побережье... океан... И небо. Красиво, слов нет.

Люди, тоже, вроде, как люди, хотя и иностранцы. И говорят по-иностранному. Так что с первого же дня в срочном порядке осваиваю я английский, не так как в нашей доброй советской школе, по-настоящему, в самой, что ни на есть непосредственной разговорной языковой среде... Хожу по улицам, пытаюсь с людьми общаться, в магазинах с продавцами разговариваю. Иногда меня даже понимают, чаще – нет. Так что забот и дел на новом месте у меня, как понимаете, хватает.

Но всё равно временами такая тоска гложет, всё её – Сибирь нашу родимую вспоминаю... Может это сначала так, потом пройдёт? Как думаете?..

Хотя, жить, я так для себя понял, умному человеку и здесь можно... Опять же, если разобраться, где только наш советский инженер эс-эс-эс-эровского разлива, какими мы с тобой, Калина Иванович, собственно и являемся, не сумеет к жизни приспособиться? Думаю, без преувеличения, – везде сможет. По крайней мере, в любой точке нашего Земного шара...»

Читает Калина Иванович письмо, не торопясь, и листки в сторону откладывает. Вон оно как всё повернулось... Письмо это – от своего давнего дружка Яши Адаева он недавно получил. Теперь вот осваивает, точно книжку какую-то интересную, приключенческую. Прочтёт немного, призадумается слегка, усмехнётся в усы, да чайку с мёдом прихлебнёт.

С Яковом-то Адаевым, если что, они в политехническом пять с половиной лет в одной группе проучились, потом, с ним же, – так уж случилось – после окончания политеха вместе на местном химкомбинате отинженерили, ещё лет двадцать пять, не меньше.

Там, на комбинате он, Калина Иванович дорос до начальника экспериментально-технологического цеха, а Яков у него в цехе технологом был, можно сказать, правой его рукой. По жизни Яша умный чертяка, может, хозяйственная жилка у него поменьше развита, чем у Калины, но вот в вопросах технологии, пожалуй, такой же грамотный, как и сам Калина Иванович, а ежели вдруг задача на соображаловку попадалась, то, обыкновенно, Яков даже побыстрее Калины с ней справлялся.

С огромным интересом Калина Иванович письмо читает. Он вообще по натуре своей шибко любознательный, а здесь вдвойне любопытственен ему, как там люди в других странах, далёких, за океаном живут. Как Яков там?..

Кто бы подумал, более тридцати лет почитай они бок – обок прожили: институт, работа... семьями, опять же по жизни дружили. Хорошо помнит Калина Иванович и жену Яшину покойную – Марию, и дочурку его Наденьку. Последняя-то соплюха – соплюхой ещё была, махонькая такая девчонка, с косичками. Боевая.

Калина Иванович её ещё на руках вверх над собой подкидывал. Хохотала тогда Наденька заразительно, косички у неё в разные стороны разлетались прямо над головой

Калины Ивановича, а потом она вся растрёпанная к нему тут же снова на коленки лезла, просила: «Дядь, Калина, а, дядь Калина, давай ещё полетаем!.. Ну, немно-ожечко...»

Теперь вот выросла Наденька, выучилась. МГУ окончила, вышла замуж за иностранца. И укатила с ним – не куда-нибудь – ажно в Новую Зеландию. А Яков, как на пенсию вышел, не в пример Калине Ивановичу больше не работал, тут как раз и горбачёвская перестройка началась, не смог он в новую жизнь встроиться, потому, в основном, садом своим занимался, всё лето, считай, на даче проводил. А не так давно жену схоронил. Болела Марина у него последнее время. Онкология, опять же, «спасибо» оборонке, комбинату «спасибо»...

Как схоронил, одному Якову сильно грустно стало. Нет, пить не пил он, но в состоянии таком пребывал, что хуже пьяного. Забывчивым стал совсем, встанет за чем-нибудь, пока идёт, забывает, зачем вообще вставал, а то ещё пообещает что-то кому-то, а через какое-то время чего он пообещал – и вспомнить не может. Вот тогда дочка с зятем и решили забрать его к себе, в Новую Зеландию.

Помнит Калина Иванович, перед отъездом бегал Яков, какой-то неестественно оживлённый, суетился всё, документы на выезд оформлял. А вечерами к Калине Ивановичу с Людмилой Михайловной частенько забегал по старой дружбе, сядут чай пить, а Яков им всё про Новую Зеландию рассказывает и рассказывает, как там хорошо, как там прекрасно... Причём всё в таких подробностях излагает, что иногда даже хотелось Калине Ивановичу подковырнуть Яшку: «Ты-то почём знаешь? Бывал там что ли?»

Однако вовремя сдерживался, не спрашивал. Что толку в тех подковырках, ежели видно – человека и без того лихорадит, волнуется, думает об одном и том же, вот и пересказывает им истории, скорее всего, с Надюшкиных писем да телефонных разговоров. Так говорит, словно сам себя в чём-то убедить хочет. Да и со стороны посмотреть, конечно, волнительно ему все хлопоты с переездом связанные, всю жизнь свою до этого времени, он, Яков здесь в Сибири, вот в этом маленьком городишке – родился, вырос, прожил здесь, а теперь, на старости лет – на тебе, в Новую Зеландию!..

Как бы то ни было, собрался всё же Яша с силами... уехал. С месяц, наверное, точно уже он там, в новозеландских прелестях обвыкает. Вот и письмо Калине Ивановичу написал. Письмо по интернету прислал, на адрес жены – Людмилы. Сам-то Калина Иванович с интернетом не очень дружит, как-то особой нужды у него в этом не появляется, да и зрение, честно сказать, слабовато уже, чтоб в монитор часами пялиться. Так если по необходимости что посмотрит, справочники какие технические, либо характеристики оборудования.

А вот Людмила Михайловна его, в институте, пока в учебной части работала, всё время у компьютерного монитора просидела – ей как-то оно привычнее с этой техникой ладить, продвинутая она у него – а как на пенсию вышла, вообще две заботы у неё теперь осталось: днём – огород, вечером – интернет. До полночи может перед компьютером в каких-нибудь «Одноклассниках.ру» просидеть.

Калина Иванович по этому поводу даже над ней подтрунивать взялся, слово специальное, модное у молодых парней для пушей важности перенял – «чатиться», это чтобы Людмилу позадористее подковырнуть. Придет, бывало, он домой с работы, а Людмила его родненькая, у монитора глаза проглядывает. Спросит её Калина Иванович нарочито строго,

– Здорово, мать. Чё, опять чатишься?

Людмила поначалу злилась на мужа,

– Ты, старый, вроде мудрым пора быть, а достал до печёнок... Сколько раз повторять тебе, не чатюсь я, погоду на завтра смотрю. Помидоры, поди, высаживать завтра надобно... Ты же мне погоду не предскажешь.

– Конечно, не предскажу. Нашла «гисметео»!

– Вот и помалкивай!

– Ладно, рас-сказывай... По-ми-до-ры... Не иначе – чатишься!
– Да тебе, хоть рассказывай, хоть пешком промолчи... Всё одно зубоскалить будешь, неугомонный...

Потом Людмила Михайловна как-то привыкла, смирилась с его подшучиванием, а после и совсем внимания обращать не стала. А то и огрызнётся. Спросит её Калина Иванович,

– Чатишься, родная?..
– Чатюсь, чатюсь, милый...
Вот он и поутих, реже спрашивать стал. А порой и сам же попросит её,
– Людмил, а, Людмил!
– Чего тебе?
– Ты бы зашла в интернет, что ли...
– Зачем это ещё?
– Да мне бы справочник по химии поглядеть нужно...
– Зашёл бы сам, да посмотрел...
– Ты же знаешь, слепой я нынче – туда глядеть. Да и не разбираюсь во всех ваших интернетах, у тебя-то быстрее получится...
– Ну, ладно, пошли уж, так и быть, поищу чего тебе нужно.

С письмом, тоже интересно получилось. Пришёл Калина Иванович с работы, по обыкновению приспросился,

– Чатишься?
А Людмила ему – на тебе получи,
– Чатюсь, чатюсь, дорогой! Мне вон Яшенька письмо прислал!..
Поначалу остолбенел даже Калина Иванович, не понял,
– Яшенька? Что за Яшенька?!
– Он, он – родненький...
– Кха-а... Чё ещё за фрукт!?
– Тако-ой, вот!..
Сообразил, наконец, Калина,
– Яшка Адаев, что ли?
– А то!..
– Кха-а... – Задумался Калина Иванович, помолчал, немного погодя спросил. – Чего пишет-то?..

– Чего надо, то и пишет! Тебе-то что за разница... – Людмила явно издевалась над ним, мстила за подковырки что ли.

– Не-е, правда?
– Садись вот, сам и почитай.

Пришлось Калине Ивановичу в этот раз за компьютер сесть, как-никак письмо от лучшего друга,

– Тэ-эк... «Здесь в Новой Зеландии каждый городок, каждая самая малая деревушка чем-то примечательны...» Послушай, мать, ты бы мне распечатала письмо-то, а то глаза устают. Можно распечатать?

– Можно, почему нельзя. Завтра к соседке схожу, у них дома вроде у ребятешек принтер есть. Там и распечатаю...

– К соседке, или к соседу? – Калина Иванович шутливо брови насупил.
– А это уж, как получится! – Шутливо отмахнулась от мужа Людмила.

По распечатанному сразу как-то приятнее читать. Прочёл, скажем, несколько строчек, потом листок на время в сторону отложил, мысленно всё представил, в картинках, попутно ещё и о чём-то своём подумал. Получается всё как-то более размерено, обстоятельно, что ли...

Вот, скажем, читает Калина Иванович: «Если даже в прошлом какого-то здешнего, самого маленького селения нет, и не было никакого события исторически важного, знакового, то местные жители стараются сами его придумать. Более того, стараются сделать это настолько правдоподобно, в таких мельчайших деталях преподнести, что со временем и сами начинают верить, что всё на самом деле так и было. Да и ещё и обустроят всё, чтобы подлинность эту какими-то материальными свидетельствами подкрепить. Тоже выдуманными конечно, но это специально для туристов, чтобы заинтересовались...» А про себя думает Калина Иванович, стало быть, так соврать, чтоб туристы поверили...

И тут же представляет. Вот его дом, он, скажем, ещё до революции построен был, так, первый хозяин, который его строил, был человеком не бедным, владелец маслобойни. А почему бы ему вон в том углу не спрятать что-нибудь ценное. Ведь наверняка мужик с прибыли откладывал «копеечку», копил, наверное, чтобы дело своё со временем расширить... или на свадьбу дочери, скажем... А почему нет?..

Потом усмехнётся грустно в свои усы – размечтался! – он, когда ремонт делал после покупки дома, буквально каждый угол, каждый сантиметр сам просматривал да простукивал. Всё ли ладно, нет ли где щели, не подгнили ли брёвна... Нет, нету там тайника.

И дальше читает: «Здесь почти у всех населённых пунктов, даже самых маленьких, есть своя эмблема. Если селение рядом с небольшой горной речкой расположено, это может быть, допустим, форель, если, скажем, пасеку фермер держит – может быть, пчела, а коли жители селения скотоводством занимаются, то овца, ну и так далее... У городков тоже свои эмблемы: у одного – бутылка с газированной водой, у другого – пицца, у третьего... Словом, упражняется здесь народишко – кто во что горазд, в меру своей фантазии. И ведь интересно, хочешь ты того – не хочешь, а местечко лучше запоминается...»

Глава вторая. На гадючем болоте

В последние годы жизнь течёт у Калины Ивановича постепенно, своим чередом, даже однообразно как-то: дом – работа, работа – дом... И так изо дня в день.

И на работу, и домой Калина Иванович всегда на своей старенькой «шестёрке» ездит. Хотя и через весь город вроде, но по обводной дороге, самым его краем. Там и движение поменьше, да и дорога получше сохранилась. В городе-то весь асфальт поразбили, а новый когда положат, вопрос?..

Уезжает он из дома ещё засветло, возвращается – затемно, так что непосредственно в центр города – хотя и рядом совсем от дома центр этот – выбраться у Калины Ивановича с женой получается крайне редко. Разве что в выходной, да и то чаще пройдутся они за продуктами до ближайшего магазина, что на соседней улице. Чего ноги зря бить, когда и здесь всё необходимое купить можно. Да и время, дома тоже дел невпроворот: летом – огород, осенью – урожай опять же, всё собрать, всё заготовить, всё в погреб спустить. Зимой – снег по ограде чистить, да и весной работы в своём-то доме у настоящего хозяйственного мужика всегда хватает...

На работе?.. Уже много раз Калина Иванович отмечал для себя невзначай, что на Гадючем болоте, время точно замерло. Почему так? Бог его знает. То есть, не то чтобы оно остановилось совсем, часики-то тикают, только вот какой век, какие годы они считают? Доперестроечные?.. Девяностые?.. А может, и вообще начало прошлого двадцатого века?.. Здесь, на Гадючем болоте, похоже, особой разницы этому нет. Всё те же древние тополя стоят – сейчас вот жёлтые, те же здания... Какие-то из этих зданий ещё работают, как эта старая кочегарка, или пять соседних, огороженных добротным хозяйским забором из новомодного нынче металлосайдинга.

Пожалуй что, забор этот единственная примета сегодняшнего дня во всей округе, оттого и выглядит он как новая цветастая заплатка на старых изношенных штанах Калины Ивановича. А чё, штаны-то рабочие, ну поизносились, ну дырка на коленке протерлась. Отнёс он их домой, Людмила ему штаны постирала, заплатку аккуратно пришила, а то, что цветастая заплатка – уж какой лоскут у жены под рукой был – да и кому какое дело, не на свидание же в этих штанах ходить. А здесь, на Гадючьем болоте, штаны эти ему ещё послужат!..

Там, за сайдинговым забором – небольшой частный заводик, достаточно процветающий. Только процветание это, скорее, редкое исключение как для окружающего пейзажа, так и для их небольшого провинциального городка... В основном же, здесь вокруг – здания, полуразрушенные, недоразобранные, стоят ветшающими памятниками-остовами из несущих бетоноконструкций.

Точно поселилась тут какая-то тоска по прошлой жизни, настоящая на этих вот старых тополях, на этом полном ощущении убаюкивающего безвременья. Может потому-то и притягивает Гадючье болото, точно магнитом, тех людей, которые по циничному замечанию одного из идеологов нынешних горе реформ, «не вписались в рынок».

Это там, в самом городе, где-то в жилых кварталах его что-то постоянно да происходит. Может и не совсем то, чего желалось бы простым рядовым горожанам, но всё же происходит. Особенно сейчас, когда творится вокруг одна полная неразбериха и сплошное безвластие. Кажется, только-только выборы в местную думу прошли, старую переизбрали с треском, а новая ещё не вступила в свои законные права, но никак не покидает Калину Ивановича чувство – и не только его – странная какая-то эта новая дума – не городская, не местная, не для горожан...

О чём эта дума думает, какие опять новшества людям готовит?.. Неужели не видят, в городе сегодня ни одно промышленное предприятие толком не работает, зато, что ни день – очередную ленточку режут, какой-нибудь новый магазин с помпой открывают – будто старых мало – полки от разных товаров ломятся: рынок!.. Покупай-не хочу! Или не могу... Да и было бы на что. Зарплату людям месяцами задерживают, а если и дают какие копейки, то тут же всё сразу за жильё уходит... Куда деваться, не оплатишь – обрежут тебе свет или воду, да ещё и судебных приставов нашьют. Как дальше людям жить?..

Хотя, если, справедливости ради, те же девяностые вспомнить, теперь хоть и мало, но всё же деньгами отдают, выбор у человека есть, на продукты те копейки потратить или коммуналку оплатить. А было время, Калина Иванович помнит, все предприятия на бартерные взаимозачёты перешли, чтоб налоги не платить. Деньги вообще из оборота куда-то пропали. Вот и взяло руководство комбината – да и других предприятий – моду людям зарплату выдавать, чем Бог послал, точнее, чем партнёры рассчитались. Получит человек три ящика, скажем газировки, куда её? Самому пить – обопьёшься! Вот и идет с ней на базар... Таким образом народ к рынку приучали, что ли... Обменяет горе коммерсант там газировку с другим таким же «продавцом» на колбасу... – ба-артер!

Карточки ещё тогда на комбинате ввели, по ним в магазине комбинатском, который специально для этого в бомбоубежище оборудовали, можно было зарплату выбирать товарами, полученными по бартеру. Заходишь в бомбоубежище, а там почти вся площадь заставлена всякой всячиной – плитка керамическая, ящики с консервами, упаковки конфет шоколадок... носки. Помнится, как-то Калина Иванович решил зарплату отоварить, много у него на карточке накопилось. Жену с собой прихватил, она лучше знает, что дома нужнее. Ходили, ходили по бомбоубежищу, пасты стиральной набрали, конфет, консервы... ещё-то чего?

– Слушай, – Калина Иванович Людмиле кивнул. – Вон носки лежат... У меня-то почти все поизносились.

– Давай возьмём. – Согласилась Людмила.

Ну и взяли сразу с запасом – тридцать пар! Он тогда эти носки лет пять изнашивал – никак износить не мог...

Ещё, ко всему прочему, конец сентября выдался нынче какой-то затяжной и промозглый. И в головах людей, и в общей логике их поступков царит сплошное осеннее обострение, и какая-то беспричинная озлобленность. Вот, недавно – с какого спрашивается перепуга? – кто-то слил целую ассенизаторскую машину жидких вонючих отходов прямо в окно строящегося коттеджа бывшего городского главы, подъехали ночью к недостроенному дому, вставили сливной шланг прямо в форточку и всю машину целиком выкачали. Мол, вот тебе довесок, к тому, что уже из казны наворовать успел... Может и воровал, конечно, но зачем же дом портить, дерьмо в форточку лить!?

Или взять митинги эти постоянные у здания городской администрации... Каждый раз, когда через город едет, возвращаясь с работы, видит Калина Иванович: вот они, стоят болезные. Соберётся человек сто и простаивают днями с плакатами и транспарантами – других забот у них что ли нету, как под окнами администрации стоять? Вчера против прошлых правителей стояли: «разрушили...», «порастащили...», «москвичам сдали...», сегодня – против нынешних, вновь избранных... К слову, вот ещё одна причина, чтобы ездить по обводной.

Самое печальное, что есть во всём этом народном протесте, в стоянии у здания администрации своя сермяжная правда – и порастащили, и сдали... и нынешние, что теперь в депутаты повылазили, из той самой команды засланцев-федералов, что комбинат разорили – теперь вот, как бы в местные прописались и до города добрались. Зачем бы им город?..

Хотя, по справедливости разобраться, вроде, рано говорить, эти-то, вновь избранные, ещё и сделать ничего толком не успели... Только, нагребут ещё под себя – какие их годы! – в этом-то у Калины Ивановича сомнений почему-то нет, иначе зачем бы во власть лезли. Всё нынче как-то так, единым днём люди живут, а что там после нас будет – никого не тревожит. Потому как, а будет ли оно вообще это «после»?..

Поиссякла как-то вера у людей, что здесь, в их глухой провинции, жизнь может когда-то поменяться в лучшую сторону. Зато сколько уже поменялось и градоначальников, и чиновников, и депутатов, только за последние-то годы... и в девяностые, и в начале двухтысячных... а света, даже на центральной городской улице, как не было, так и нет. Начальства развелось – на каждого работягу человек по пять, а лампочку по-прежнему вкрутить некому.

По случаю Яшино письмо с горечью вспомнилось: «О чистоте новозеландских улиц, газонов, парков скажу образно: в сточных водах, даже после первых капель дождя, можно бельё полоскать. А в Окленде с населением более миллиона человек на весь город одна единственная лужа... Хотя дворников здесь ты не встретишь, изредка на городских улицах можно увидеть человека-пылесос. Но всё чисто и убрано, что у тебя дома. Потому, наверное, и люди здесь столь улыбочивы и вежливы, так доброжелательны и приветливы друг с другом. Чистота, она невольно к вежливости и приветливости располагает...». Там, в Новой Зеландии, наверное, располагает, Якову, как говорить, виднее...

А здесь в городе – Калина Иванович никак понять не может – сами живут, здесь же сами и гадят: замусорили все улицы, все подъезды домов пачками своей предвыборной макулатуры – газеты, листовки, буклеты... «нашему городу достойное будущее», «всё для людей», «всё для моего города»... Моего... Посмотришь на их «портреты» – сказать бы порезче, да неудобно, депутаты как-никак... – понимаешь: этим до народа дела нет, эти под себя гребут, руки у них так повёрнуты. Или, может, мозги...

Впрочем, как известно, одно другого не исключает, не зря же сказано, разруха начинается в головах.

Да-а... В городе, конечно, что-то происходит... Зато здесь, на Гадючем болоте, день изо дня перед глазами Калины Ивановича один и тот же сюжет прокручивается. На работу он, по старой советской ещё привычке – годами так сложилось – обыкновенно приезжает рано, часам к семи, а то и к половине седьмого. Как бы то ни было, а посмотреть надо, всё ли ладно, всё ли своим чередом идёт-движется, если даже стоит.

Опять же проследить надо, чтобы кочегар у кочегара вахту должным образом принял. Чтоб всё обсказал сменщик сменщику: как котёл работает, нет ли каких новых проблем. Старых-то полно, пересчитать пальцев на обеих руках не хватит... Узнать опять же надобно: сколько пару за сутки израсходовано – на себя, на сторону... И всё это обстоятельно, неторопливо доложить, как он, Калина Иванович, то любит.

И смысл в этом сложившемся порядке видит он самый что ни на есть необходимый: оборудование всё старое, зима, вот она, на подходе... Это сейчас ещё – пока ночью ниже минус пяти не опускается, а днём и вовсе плюсовые температуры стоят – если и потёк котел, потушить его можно, и ремонтируй спокойно, не торопясь. А зимой как? Когда за минус двадцать на улице! Тут всю систему слить нужно обязательно, иначе так перемерзнут коммуникации, а то и трубы порвёт – до весны не расхлебаешься...

Уж он-то, Калина Иванович, знает, проходил это. Когда весь город разморозили из-за разгильдяйства и несогласованных действий руководства местной ТЭЦ и администрации города – это ещё когда он в институте учился. Одни сказали, что неполадку быстро устранят, другие распоряжение дали – воду не сливать. И это в сорокоградусный мороз! Бегали тогда они студентики вместе с преподавателями с паяльными лампами по институту, трубы отогревали... А сколько регистров отопления поменяли, которые размёрзлись. Чугун, как картонка рвался ото льда – такая силища! Как потом им преподаватель по сопромату говорил назидательно: «Вот вам яркая иллюстрация законов физики!»

А после окончания института, сколько производств за свою бытность он запустил, когда работал здесь – начальником цеха на огромном некогда химкомбинате. Да-а, был здесь комбинат... Мощнейший, закрытый, оборонный! Практически весь город за счёт этого комбината жил. Теперь, остались от комбината вот такие островки, как эта небольшая котельная, которая работала ещё на памяти Калины Ивановича целиком на всё производство товаров народного потребления, и здания обогревала, и всю технологию паром снабжала, и пара в техпроцесс шло немало...

Да-а, было время!..

Это сейчас вон Васька, сменщику своему Афанасию Григорьевичу – правда это он для Васьки Григорьевич, а для него, Калины Ивановича, как есть, Афоня, слава Богу, не первый год друг друга знают – докладывает, сколько он за смену соседям гигакалорий отдал на технологию. Смех, да и только! Раньше-то, Калина Иванович помнит, на один только этот цех в десятки, а то и сотни раз больше пара уходило. Только «теперича – не то что давеча»... Слушает Калина Иванович, на ус мотает, а усы у него и впрямь роскошные, одно слово – чапаевские, есть на что мотать!

– Ты, Григорич, поглядывай, вроде опять труба какая-то засвистела... Я, правда, точно не понял какая... – Васька живо жестикулирует руками.

Он всегда так руками машет, когда разговаривает. Эта привычка у него с многочисленных северных «командировок» образовалась. Из своих сорока годков, почти двенадцать провёл Васька в местах не столь отдалённых. Не по своей, конечно, воле. Теперь, вроде, за ум взялся. Женился вот, а семью кормить как-то нужно. Пришлось Ваське вспомнить, что за время своих «командировок» каких только профессий он не освоил, и кочегарил, бывало. Вспомнил, да устроился сюда на Гадюче болото. Больше-

то куда ему пойти – нынче в городе с работой и для тех, кто перед законом чист, туго. А для Васьки с его-то «заслуженной» трудовой биографией – и того подавно...

– Ладно, посмотрю... – Всегда спокойный и внешне невозмутимый Григорьевич, согласно кивает Ваське. – Змей-то нынче в гостях не было?

– Ни-и, не приползали.

– Приползут ещё... Сентябрь.

Обычно змеи ползут в цех осенью, когда земля уже успевает остыть за ночь, а за световой день не прогревается должным образом. В эту пору, в редкие ясные дни всё ещё создаётся полная иллюзия лета. Хотя листья на окрестных тополях и берёзах уже быстро желтеют, но солнечные лучи, пробиваясь сквозь них, пока всё ещё согревают спину приятными, расплзающимися по телу струйками тепла.

Гадюки на болоте в эти дни тоже оттаивают, и ползут поближе к живому теплу, в кочегарку. Вроде и мерзость, а всё одно, живое к живому тянется... Невольно Калина Иванович Яшино письмо вспомнил, усмехнулся – вот вам и «эмблема места». Недавно он убил тут одну гадюку, прямо в помещении. Здоровую, матёрую. Она лежала, свернувшись, прямо посреди кочегарки, недалеко от котла. Когда он зашёл, змея быстро юркнула в угол, промеж пустых бочек, которые Калина Иванович приготовил, чтобы разводить соляную кислоту для промывки котла. Он осторожно откатил бочки, гадюка в самом углу напряжённо изготавилась, на миг замерла и угрожающе приподняла голову с острыми колючими глазками, стала покачиваться мерно из стороны в сторону, того и гляди кинется.

Несколькими короткими и точными ударами ледокола – длинной трубы с приваренным на конце топором, которой зимой кочегары лёд скалывают перед входом в котельную – Калина Иванович отрубил змее голову. Не первый раз уже, и здесь на болоте частенько бывало, и в детстве ещё на пасеке у отца... Так что не боялся, что укусит. К тому же, здесь на работе ходил он всегда в сапогах кирзовых, из хорошей толстой кожи, и знал наверняка – эту кирзу гадюка не прокусит, если даже кинется.

Калина Иванович смёл аккуратно останки змеи на деревянную лопату для чистки снега и вынес на улицу. Хвост змеи, хоть и отделённый от головы ещё извивался, а глаза застыли, широко открытые и всё ещё жутковато притягивающие к себе.

– Ты вон, на тропку брось её... – Взлся подсказывать Калине Ивановичу Григорьевич. – Которая на поле чудес... Где «металлисты» по утрам шныряют...

– Соображу. – Калина Иванович отмахнулся от Григорьевича, но не преминул и поворчать немного. – Ты, вроде, Афоня Григорьевич, старый человек, а всё бы тебе людей поугать.

– Лю-дей... – Недобро усмехнулся Григорьевич.

– А как, тоже по образу и подобию? Тоже твари Божьи...

– Эт-то, точно, твари.

– «Добрый» ты, Афоня, как моя тёща. Та тоже так твердит каждый раз: кушай, зятёк, кушай, я супчик-то пересолила, как ты любишь...

Глава третья. Поле чудес и тропа «металлистов»

Подобные полушутливые препирательства между Калиной Ивановичем и Афанасием Григорьевичем были делом обычным для них ещё со времён химкомбинатовских, где им вместе пришлось поработать. Тем более, Калина Иванович знал прекрасно и причину такого отношения Афанасия Григорьевича к «металлистам», а если точнее к самой опустившейся их части – наркоманам. Впрочем, Григорьевич особой разницы между частью и целым в данном случае не делал, и всех копателей схороненного здесь некогда людьми металла готов был стричь под одну гребёнку.

Оно и понятно, в последнее время в городе наркоманы действительно порасплодилось, точно тараканы из щелей повылазили, и причиняли много беспокойства другим законопослушным горожанам. Просто идёшь по улице, и редко, чтобы одного – другого не встретил, шарахаются обкуренные или уколотые, в основном молодёжь. Калина Иванович и сам это давно заметил. А особенно усугубилась ситуация с наркошами после того, как в городе на территории бывшей «малолетки», был создан «усилок» – или колония строгого режима. Пацанов, тех, у кого провинность была незначительной – амнистировали, других же перевели в близлежащие колонии для малолетних преступников.

С полгода назад такие вот амнистированные торчки, среди бела дня напротив отделения полиции, выхватили у жены Афанасия Григорьевича сумочку. С кошельком, с документами, с сотовым телефоном, с ещё какими-то чисто женскими мелочами... Документы и сумочку потом правда нашли, малолетние наркоши выбросили их за гаражами неподалёку. Зачем они им.

А вот кошелек и сотовый... Увы! И денег-то в кошельке было немало, практически вся его, Григорьевича, месячная зарплата, которую он – угораздило же! – честно отдал жене накануне. Только небольшая заначка у мужика и осталась. Припрятал было от жены на чекушку, да вот пришлось всё отдавать. А куда денешься?

Для Григорьевича это было серьёзно!.. С тех пор, он этих наркош на дух не переносит, и каждое утро, как только начинается их шествие, Калина Иванович снова слышит его ворчание,

– Опять потянулись... Чё мухи на говно...

Обыкновенно самое оживлённое шествие начиналось каждое утро, примерно с половины восьмого. Народ шёл и с небольшими тележками, проезжали на велосипедах, кое-кто и на машинах подъезжал – прям, как на работу – мимо кочегарки, в сторону поля чудес. Народ самый разношёрстный: и лица без определённого места жительства, и просто алкаши, и ветераны-пенсионеры-оборонщики, отчаявшиеся перебиваться на нищенскую пенсию, тем более теперь, когда правители наши, «заботясь» об их благосостоянии, каждый день с телеэкрана вещают – де, вот-вот мы вам пенсионный возраст увеличим... Работай – не хочу! Было бы где. Вместе с другими, в строю металлистов шли и наркоманы, их сразу было видно по затуманенному, вроде бы отсутствующему взгляду и, одновременно блуждающим с определённой целью – где бы что стибрить – глазам.

Раньше здесь, за кочегаркой, неподалёку, где Гадючье болото подходило к самой территории производства товаров народного потребления, находилась бывшая комбинатская свалка отработанного металла. На неё свозили отходы со всех механических цехов – и обрезки штамповочных лент, из которых вырубали различные детали, и просто металлическую стружку, а порой и сами бракованные изделия... Всё это сваливалось в заготовленную яму, потом, когда яма наполнялась, её заравнивали бульдозером. Рядом копалась новая яма, потом ещё одна...

Говорили – а Калина Иванович, как человек, имеющий, хоть и косвенное, но непосредственное отношение к начальствующим кругам бывшего комбината, знал это точно – что на поле чудес закапывали иногда даже станки, полученные прямо с завода-изготовителя, новенькие, ещё в смазке. Комбинату как предприятию оборонной отрасли ежегодно выделялась определённая сумма на техническое перевооружение. Сумма довольно значительная, при Советской власти на оборонку денег не жалели. И если предприятие не успевало потратить все деньги в подотчётном году, на следующий год сумму урезали. А кому ж из руководителей такое надо!

Вот и приобретало руководство комбината, как впрочем, и руководства других подобных госпредприятий, в конце года всё подряд, лишь бы «освоить» все выделенные государством деньги, потом отчитывались, что оборудование установлено на комбинате

и работает... и закапывали. А через какое-то время списывали, как пришедшее в негодность. Знает Калина Иванович – чего греха таить – было...

Только теперь-то разве лучше?.. Да-а... Что тут говорить!..

Сейчас-то само поле чудес заросло давно полынью и коноплей, и болота там уже почти нет, одно название. Но змеи остались. Змеи, и «металлисты».

Гадюки были здесь всегда, сколько Калина Иванович себя помнит. Строилось производство товаров народного потребления из всех производств комбината в последнюю очередь. На отшибе, у болота. Сначала в срочном порядке основные цеха комбината возвели, отрапортовали, как положено, политбюро, правительству, мол, задание партии и правительства выполнено, комбинат построен и введён в эксплуатацию!

А потом уже кумекать стали, а почему бы попутно и всякую мелочёвку здесь не производить, вроде шампуней, детских конструкторов, жевательной резинки... – всё, что близко по сырью, по технологии к основной оборонной продукции. Опять же показать, мол, вот, и для народа мы что-то делаем. Да и легенда-маскировка для врагов-империалистов. Тех, что нынче «партнёры», правда, непонятно партнёры по «чему», разве что, потому что имеют нас как хотят?..

Помнит Калина Иванович, делали здесь и бензопилы, плохонькие, но делали. Что их роднило с оборонной продукцией комбината сказать трудно... Разве что из тех соображений исходили, что механическое производство на предприятии было достаточно мощным и оборудование позволяло, может ещё из каких-то соображений, но бензопилы выпускали на комбинате в огромном количестве.

Куда их отгружали? Сложно сказать. Остаётся только предполагать: в братские ли республики, в соседние ли соцстраны, на Кубу ли – пальмы пилить, а может, и директива была какая негласная от ЦК КПСС, вроде «каждому жителю СССР – по собственной бензопиле»... Насчёт последнего, конечно, Калина Иванович как всегда ухмылялся в усы, про себя, молчком, но с глубокой иронией.

Да-а... Много таких несуразностей и при социализме было. Да разве теперь меньше!? Главное, справедливости как не было, так и нет.

Как бы то ни было, построили тогда несколько цехов здесь, на болоте, в том числе и «бензопильный» – сборочный. Шумно и людно на болоте стало, гадюки, вроде, на время отступили, меньше их было во времена расцвета ТНП, но всё равно, изредка попадались. А когда цеха комбинатские позакрывали, опустела площадка товаров народного потребления, они снова сюда откуда-то поприползали.

«Металлисты» появились на болоте в девяностые. Хотя были потуги и раньше. Помнит Калина Иванович, как в конце восьмидесятых, ещё на заре перестройки, изо всех комбинатских столовых пропали алюминиевые подносы, затем алюминиевая посуда, вилки, ложки. Тогда на производстве ТНП эту проблему решили мухой – стали выпускать пластмассовую посуду. Правда, ложку тогда каждый носил свою. Приходили в столовую, доставали ложку из кармана и обедали. Покушав, каждый облизывал, свою ложечку с любовью, до блеска... А поскольку проблему решили быстро, то относить это явление к массовым и заострять на этом внимание не было смысла.

Другое дело в девяностые. Здесь поначалу копали очень серьёзно, порой по два три экскаватора на поле враз работало, при каждом бригада – человек пять. Машины вокруг поля стояли всё больше импортные, крутые, никакой мелочёвки.

Оно и понятно, металлу полно, экскаватор металл выворачивает, сыпает в кучки вместе с землёй, а бригадные мужики выбирают из кучек, голимые рубли! Потом подгонят КамАЗ, загрузят его доверху, и везут на металлоприёмку. Зарабатывали помногу, правда, в основном – «бугры», работягам поменьше перепадало. Но это всегда и везде так, пора бы к тому привыкнуть.

Наиболее предприимчивые из этих бугров – по несколько железнодорожных вагонов, бывало, за день вывозили. Потребность в металле в то время была огромная, мощнейшая добывающая промышленность СССР в девяностые почти вся, как говорится, «накрылась медным тазом», и металлургические заводы и на Урале, и в Сибири простаивали без сырья. Цену за вторичный металл давали высокую. Бывало, посмотришь на поле чудес, и впечатление возникало, что все работоспособное население города и то, что побогаче, и работяги, а в основном безработные, только и делало, что занималось сбором металлолома, чисто пионеры времён СССР...

Это теперь основное всё на поле уже вырыли, и только ветераны, те, кто раньше работал на производстве, вспоминают изредка, где конкретно были какие ямы, какой металл в них сваливали, и сколько того металлу там было...

– А помнишь вон там, на краю оврага тогда свинцовых чушек целый прицеп вывалили?..

– Не-е, там всю дорогу вырубку сваливали с конвейера, ленту... Её ещё в прошлом году Саныч загрузил и вывез всю. А чушки – туда, ближе к берёзе...

– Пугаешь ты, говорю, точно – сюда...

Поговорят, поспорят, да роют. Худо-бедно, а за день килограммов сто – сто пятьдесят разных железок всё равно насобирать можно. Сдашь металл, и на хлеб, на курево всё одно – хватит. А повезёт, так и цветнина попадётся: медь, алюмишка, латушка... На неё и вовсе цена нынче высокая.

Наркоши держались от прочих обитателей поля чудес поодаль, своей особой группой. В основном, конечно, особенно в сезон созревания конопли, прутся они сюда за ней родимой. В другое же время не гнушаются и металлом поживиться. Только больше всё же вид делают, что добросовестно роют наравне со всеми в уже копанных-перекопанных кучках, а представится случай, – дюзнут из мешка у кого-нибудь из соседей-старателей пару килограммов меди или алюминия, если хозяин отвлёкся и оставил мешок без присмотра. Сдадут металл, дозу прикупят, ширнутя и снова до очередной ломки у них жизнь налаживается.

Но больше всё же они, наркоши, по окрестным зданиям промышленяют, брошенным, впрочем, не совсем растасканным. Где «улитку» ржавую от вентиляции открутят да стащат, где трубы еще не срезанные на стенах под самым потолком висят, их спилят, кусок кабеля опять же оборвут. Это, что снаружи зданий. А когда и внутрь заберутся, чего и посерьёзнее сопрут.

Как-то, Калина Иванович, увидел и изумился: вал из нержавеющей стали, который в чугунную станину заходил – вытащить, видно, не смогли, так, ту часть вала, что снаружи была, спилили обычным ножовочным полотном по металлу... Это ж надо – суметь! Вал – сантиметров пятнадцать толщиной! Попробуй-ка – если ты не терминатор какой-то, а нормальный, средний человек, в нормальном состоянии – спили!

Спилили!..

Конечно, у всех этих зданий на площадке ТНП, в том числе и брошенных, номинально свой смотрящий есть. Это Федот Саныч, бывший начальник службы безопасности бывшего производства товаров народного потребления. Неведомо то Калине Ивановичу кто Федота смотрящим здесь поставил, может бывшее начальство по безопасности, а то и повыше кто – из «конторы», которая ту безопасность курировала... Только со стороны всё это так выглядело – пришёл сюда Саныч, сам себя смотрящим назначил, и всё. Вроде как охранять территорию надо, и комбината-то уже нет, но территория-то осталась. А у него – «душа болит», да и, как говаривал таможенник Верещагин, «за державу обидно», хотя её, державы нынче, пожалуй что, и нет.

Когда металлу здесь вдоволь было, Саныч и сам бригады на сбор ставил – вряд ли это без ведома «конторских» обошлось – наберёт он бомжей, к ним одного бригадира посообразительнее приставит, одного газорезчика. Мужики соберут металл, разрежут,

Федот подгонит металловоз и вывезёт всё. Не то сам отправлял куда-то, не то через приёмку какую... Благо в то время уже почти в каждом гаражном кооперативе по приёмке металла – а то и не по одной – работало.

Расплачивался Федот с мужиками по договорённости, но всегда сразу и налом привозил, не жлобился. Но основной-то куш, видимо в свой карман складывал, ну и, как вариант, делился с кем-то там, наверху. И вроде законно всё. Кто придерётся: территория вроде как вся брошенная, вроде как – ничья. А он, какой-никакой, бывший начальник службы безопасности...

Теперь-то как-то интерес к полю чудес у Федота Саныча ослаб. Но всё равно, появляется здесь Федот раза два в месяц, построжится на мужиков, построит их, соберёт – как бы по инерции уже – рублей по сотне с каждого копателя за то, что якобы он, добрая душа, глаза закрывает на их безобразия, и запустит их всех на поле. Но пригрозит при том,

– Смотрите, мать вашу... чтоб после вас порядок был! Где каких ям понакопаете, всё засыпать потом. Все до единой! Чтобы – ни-ни!.. И, особливо предупреждаю, в здания не лазить. Не дай Бог кого поймаю!.. Вы меня знаете!

Изловил как-то, Калина Иванович сам то видел. Один парнишка-наркоша в здание залез, хотел кабель медный срезать. Наручники на него Федот надел – всё по серьёзному! – притащил к Калине Ивановичу в котельную,

– А что, Иваныч, котёл у тебя нынче горит ли?

– Не-а... Потушили пока.

– Ну, тогда хоть топор дай что ли?

– Зачем тебе?

– Да вот, воришку поучить хочу. В топку бы его сунуть задницей, чтоб поджарилась!.. Ну, коли котёл потушен у тебя, хоть лапы ему укоротить. Чтоб боле на чужое не зарился!

Глянул Калина Иванович, парнишка тощий, точно год не кормленный совсем, побелел весь с лица, трясётся,

– Н-н-не на-надо... му-му-жики... В-в-сё отработаю...

– Отработаешь! – Федот грозен, что царь Иван на картине, когда он сына своего прикончил, да только, знает Калина Иванович, это Федот так – куражится, страха на парня поболе нагнать хочет.

Правда, парнишка-то этого не знает, колотит его всего от страха, зубы ажно стучат. Пожалел пацана Калина Иванович, хоть и пакостник, конечно, но живой человек, а вот на Федота как глянешь – сразу испугаешься, даром что «по безопасности» – а с виду, бандит бандитом, такой прибьёт, не поморщится.

– Слышь, Федот, отпусти малóго-то. И так вон в штаны намочил уже...

– Я-то отпущу, а завтра он к тебе в котельную залезет, здесь напáкостит.

– Не-е, не залезет. Он и дорогу-то сюда забыл. Верно, ху-лю-ган?

Парень ничего даже ответить не смог, только испуганно и часто утвердительно затряс головой.

– Ладно, до десяти считаю. И чтоб я тебя больше здесь!.. – Федот снял наручники, дал парню пинка под зад, и того действительно, как ветром сдуло.

– Во, потёк! – Удовлетворённо усмехнулся Григорьевич, который как раз на смене был, и всё это время, молча, наблюдал, как Федот строит парня. – Зря ты всё-тки, Калина Иванович, жалеешь, таких пожётче учить надо...

– Ладно... Учитель...

И уже Федота спросил,

– Ты-то как, что-то совсем в последнее время здесь не появляешься?

– А оно мне надо, Иваныч?.. Мне государство пенсию назначило, а эту территорию бросило, мне за её охрану никто не платит... Вот и пенсионерю понемногу, в баньке парюсь да рыбку ловлю.

- Рыбку, говоришь... А как пенсии от государства, хватает? – Усмехнулся в усы Калина Иванович.
- Федот только плечами пожал, мол, сам же знаешь, чего спрашивать.
- Вот я и смекаю, кормишься, поди, с копателей-то?
- Говорю же, нет.
- Кому другому рассказывай! Знаю, поживился здесь в своё время, когда вагонами металл отсюда вывозил...
- Когда это было, Иваныч... Теперича – не то, что давеча...
- И то верно, давно...

Глава четвёртая. Время репу чесать

Конец сентября – начало октября, время особенное. Именно сейчас, перед началом отопительного сезона, особо тревожно мыслится Калине Ивановичу. Всё ли готово в зиму? Как котёл, сдюжит ли?.. Этим летом потёк вот, пришлось сразу две трубы заглушить с обеих сторон деревянными чопиками. Пока – слава Богу – держат. Да только, ежели две трубы прохудились, значит и остальные на подходе уже. Это он точно знает, как-никак инженер. Любой металл устаёт, а этому котлу пятнадцатый год пошёл, ещё и с двумя капитальными ремонтами...

Да и топят они нынче чёрти чем, мазут летом хозяин по дешёвке где-то урвал. Одно слово, что мазут, а на поверку – отработка это с прокатных станков – СОЖ – смазывающая охлаждающая жидкость, короче масло с водой, одно название что топливо.

Опять же к котлу за всё лето никто даже и не притрагивался, кроме него и кочегаров, и то когда чопики вбивали, а гарантия у котла – четырнадцать лет... почти год, как вышла... У хозяина на ремонт как всегда денег нет. А сам всё гонит, гонит – надо пар соседям на технологию давать – так и говорит: «Мужики, пар – это наши деньги... Ты-то, Калина Иванович, должен понимать». А спросить его: «Куда ж тогда те деньги уходят?» – не ответит, промолчит. Или в другую сторону разговор завернёт.

Хотя, Калина Иванович-то точно знает – куда. Вон в августе сынок хозяйский, «мажорчик» – как кочегары промеж собой молодого барчука называют – на новом Мерсе на завод прикатил... Выпендрился! Будь маленько поумнее, понял бы, ни к чему народ лишний раз раздражать: зарплату задерживают, зато сами на новых машинах разъезжают. Вот они и деньги. Да только не его – не Калины Ивановича – это дело, давно уже не его, хозяйское...

Как говорят, хозяин – барин. Да только, опять же, не любой барин – хозяин... Словом, зима на подходе – самое время затылок чесать. Да только, не хозяину – ему, Калине Ивановичу. Хозяин-то не шибко расчешется – приедет, задачу поставит, скажет: «Надо!», – как в былые советские времена... Да только ведь времена нынче не советские, тогда «надо» было, вроде как, для завода, а завод – государственный, а государство, оно – наше, стало быть, и «надо» для государства, то бишь для всех нас... А теперь что? – «надо» это ему, барину, а ты голову ломай, как всё сделать, да ещё чтоб и без особых затрат. А коли так, стало быть, и не затылок вовсе чесать надо – батя Калины Ивановича покойный когда-то точнее в таких случаях говорил: «Время репу чесать».

– Ну что, адова команда... – Вот и хозяин, лёгок на помине, подкатил на своём Лексусе. – Всех ли желающих парком нынче обеспечили?

Шутник... Мать его ети... Чё ответить-то? Разве что отшутиться тоже, чтобы отстал,

– Кто сильно просил, того и парили... – Калина Иванович спокоен до безразличия.

Давно уже с хозяином такую тактику для себя принял. Это раньше, когда «надо» как надо воспринимал, душа за производство у него болела, вот и высказывал своё мнение любому начальству по любому вопросу. А недавно дали ему понять – и кто! –

соплюха, бухгалтерша, её хозяин недавно по знакомству принял, не иначе, дочурка чья-то. Так и сказала деваха ему, рыжая такая, наглая: «Вы, Калина Иванович, не спорьте со мной. Говорю надо, значит надо. И коли я запрашиваю данные, предоставьте мне их в том виде, как сказано. Я всё-таки второе лицо на предприятии...». Надо же, вто-рое!.. Ли-цо!.. А он тогда какое? Или и вовсе рожей не вышел...

Хотя, куда ни кинь, всё здесь – и эта котельная, а раньше и всё производство, которое у хозяина ихнего, у Боброва здесь было – только на нём, на Калине Ивановиче, и держится. Особенно теперь, когда всё посократили, нет у него в штате ни слесаря, ни электрика, ни токаря... – всё сам, всё своими руками он ремонтирует... Душа она и нынче болит, конечно, только теперь больше молча болит, нынче дело его телячьё – мычать да молчать, пусть хозяин с главбухшей промеж собой разговоры разговаривают, да вопросы решают...

Не удержался, однако, на всякий случай напомнил осторожно хозяину,

– Зима не за горами...

– Да, близится... – Согласился тот, выдохнул парок, ладони потёр, мол, действительно, холодает уже.

Будто дурака включил – хотел вид сделать, что не понял, к чему это Калина Иванович про зиму разговор завёл. Чтобы направить всё-таки хозяйские мысли в нужное русло, добавил на всякий случай,

– Котёл...

– Знаю, Иваныч, знаю... По правде говоря, забодал ты меня своим котлом. Вот только денег подкопим, сразу новый ставить будем...

– Не своим, твоим... – Коротко сказал, остальное подумал.

А чего, собственно, забодал-то, не бодал он хозяина ещё вовсе. А по поводу денег и так все ясно. Как же, под-ко-опит!.. Который год обещает. Всё ставит, ставит, только ничего у него почему-то не ставится. Сказал бы Калина Иванович покрепче, да только нет у него в душе ни зла, ни желания уколоть хозяина, одно только усталое разочарование. Не то от жизни, не то погода на него так влияет...

Виталий Васильевич Бобров когда-то приехал на этот комбинат, только что отстроенный. Молодым специалистом приехал, как многие в то время. Работал мастером, потом технологом и... был избран, читай – назначен, секретарём парткома всего огромного комбината...

И как ступил тогда Виталий Васильевич на дорогу партийную, так, по ней не сворачивая, и пошёл: ВПШ окончил, то бишь, высшую партийную школу... И дальше шёл бы да шёл, если бы не горбачёвская перестройка, да ельцинский разгул демократии... будь они неладны.

Сколько привилегий сразу лишился тогда Виталий Васильевич! Однако хорошо хоть сумел вовремя сориентироваться, в сторону свернуть с тупиковой ужé к тому времени партийной дорожки. Партбилет сдал сразу же, мол, извиняйте, далее мне с вами не по пути будет... С завода его новые хозяева потихоньку выжили, была у них на то своя причина.

Потом бизнес в девяностые... Успел Виталий Васильевич тогда в мутной водице даже «рыбку половить», кое что «прихватизировать» успел, в том числе и эту вот старенькую котельную с небольшим цехом. На них варяги московские, которые комбинат растаскивать приехали, лапу как-то наложить не успели.

К чести Виталия Васильевича удалось ему запустить здесь в здании этом, какое-никакое производство бытовой химии. Только не один он бизнес тогда начинал, с компаньоном. Один бы не потянул, пожалуй. Но, другая беда, когда речь о деньгах идёт, особенно о делёжке, договариваться с компаньонами ох как сложно!.. Рассобачились они, повздорили и разделились.

Тут другая беда приспела: производство, оно вложений требует, а у хозяина дети подросли – один сын, второй, надо их как-то на ноги ставить, да обеспечивать... Один – старший, тот в Москве институт окончил, да там потом и остался. Вроде, нынче самостоятельный.

А вот младший – раздолбай-раздолбаем вырос. Впрочем, это его, Калины Ивановича личное мнение... Сейчас подрос, Васильевич его второй год уже пытается в свой бизнес как-то встроить. Да только – никак не встраивается парень, другие у него, видно, на уме. Вот и приходится барину, вместо производства, усилено в барчонка вкладывать – хоть и избалованный, но свой, куда его теперь денешь. А сюда, в завод вложить – уж извините! – что останется. Какое тут развитие, хоть бы людям долги по зарплате отдал! Пока же только наращивает из месяца в месяц.

Мужики, те, что на бытовой химии у Василича работали, конечно, долго ворчали, но терпели. Как известно народ, он у нас терпеливый. Только любому терпению когда-то конец приходит. Поувольнялись многие... Нынче-то практически никого из тех, с кем бытовую химию начинали, не осталось. Он, Калина Иванович, только, да Григорьевич ещё.

Калина Иванович, не то прикипел здесь, то ли бросать всё жалко – вроде родное, его руками деланное, то ли ещё что-то... Как будто, и правда, корни он здесь пустил... Калина Иванович усмехается. А если серьёзно, пожалуй, и сам себе он не ответит – почему так? Что ещё его здесь держит?

Его, да ещё трёх кочегаров. Хотя мужиков-то понять можно. Кому-то, как и ему, Калине Ивановичу, на пенсии дома сидеть скучно и непривычно, кому-то голодно, а кому-то просто по жизни совсем податься некуда.

Словом, с бытовой химией они тогда завязали – и работать некому, да и оборотных денег у хозяина постоянно нет, сырьё закупать не на что – теперь осталась одна котельная. Дают пар соседям – тоже предпринимателям. Только у тех-то хозяевá из московских, те покруче будут. У них свои подвязки с шахтёрами да с нефтяниками, потому шевелятся и, по слухам, сильно не бедствуют, живут вполне прилично. Соседнее полуразрушенное здание практически с нуля отстроили, потом ещё одно, ещё... всего пять в общей сложности. Территорию вон забором сайдинговым обнесли, железнодорожную ветку на территорию подвели... Работают, продукцию производят да реализуют.

Да-а... А у них здесь... Калина Иванович только и слышит каждый год: «Будем производство возрождать... котёл новый поставим... сейчас поднимемся немного, машину тебе, Калина Иванович, новую купим, чтоб на работу ездил. Япошку, покруче твоей шестёрки...».

Послушает он трёп хозяина, поглядит критически на свою старенькую шестёрку, которую ещё от комбината получал, по квоте – тогда с машинами сложно было, новые без очереди только передовикам производства выделяли – ничего, бегаёт ещё вроде его шоха, не к спеху ему пока новая...

А хозяин, тот, знай себе, всё обещает и обещает, сам-то потом вспомнит ли, что говорил. Слова, слова... Промолчит Калина Иванович. Чего зазря языком чесать, ежели всё уже на десять раз перемолото. А что там за мысли у хозяина в голове, действительно ли чего хочет или так опять...

Нет, не его, не Калины Ивановича, то дело...

Только хозяин отъехал, Васька из кочегарки вылез, одна щека красная, не иначе опять топчан давил. Подошёл к Калине Ивановичу,

– Чё приезжал-то? Денег привёз?

«А, действительно, чего?» – подумалось,

– Ага, веник... – Калина Иванович в усы усмехнулся. – Да лопату. Мести да грести...

– Всё у тебя через ха-ха, Иваныч... Тут дома деньжищ – хрен да маленько, последний хвост без соли доедаем. Я на серьёзе, чё барину надо было? О чём тёрли-то?..
– Да, х...то его знает, Васька. Приезжал и приезжал. Не наше то дело, хозяйское. Захотел – приехал, не захотел – нет. Захотел – привёз денег...
– Значит, не захотел... Чтoб у него эта его хотелка пересохла! Видал я таких хозяев с их хотелками...

Промолчал Калина Иванович, так ничего по существу Ваське и не ответил. Пусть себе ругается, ежели ему так легче. Его тоже понять можно. Да и прав он, в сущности, Васька, наглеет в последнее время хозяин, совсем платить не хочет... или не может?

У сынка-то потребности всё растут – то квартиру ему новую подавай, то ремонт дома нужно делать, то машину... Чё уж тут скажешь. Предложил только Ваське,
– Пойдём – покурим, можешь, угомонишься. Шебутной...

Даже прикурить не успели, Мерс нарисовался. Мажорчик подъехал.

– Этому-то чего?.. – Сплюнул Васька.

– Счас и узнаем всё.

Младший подошёл, поздоровался, почти как отец, будто подражал Васильевичу,

– Ну что, адова команда! Парите?.. Привет!

– Здорово, коль не шутишь. – Васька сегодня был настроен решительно, сильно прижало его с деньгами видать. – У нас-то всё парит! А ты бабки, привёз что ли?

– Ага, и бабку, и дедку... Самому бы кто дал!

– А ты привози мне побольше, я тебе, так и быть, столтник на нищету кину!..

– Хамишь... Тебе-то деньги зачем? – Младший ухмыльнулся. – Всё одно – пропъёшь.

– Ты, может, и пропил бы, а я завязал. Да и деньги, они тебе, может, и незачем, а мне сгодятся – веришь-нет, как-то почему-то куцать очень коцется!..

– Иди вон травку пощипай. – Попытался отшутиться мажор, только очень уж неуклюже попытался, да и не в том настроении сегодня Васька, чтобы шутки с ним тут шутить. Видать понял мажор, что не то ляпул, осёкса, замолчал.

– По-нят-на всё... – Васька снова сплюнул, нарочито смачно, в сторону отошёл.

Спорить с хозяйским сынком не стал, себе дороже – может так случиться, вообще ни копейки не получишь. На зоне, конечно, врезал бы он за такой базар нефилтрованный, чтоб в следующий раз следил что мелет, а здесь... ну, смолчал, даже самому противно стало. Ещё раз сплюнул – ну, а что поделаешь?

Пока Васька курил в сторонке, хозяйский сынок что-то с Калиной Ивановичем перетирал. Было видно, что Иваныч нервничает, пытается что-то доказать. Мажор не соглашается, потом по телефону набрал, наверное, отца, и уже громко, видать, чтоб и Васька слышал,

– Пап, они не хотят...

Васька презрительно поморщился, мужику за тридцать, а он всё папке на всех жалуется, детский сад и только! Барчонок передал трубку Иванычу, тот что-то говорил в неё, раздражённо, что на Иваныча совсем не похоже – редко его таким раздражённым Васька видел – потом ещё дольше слушал, в конце концов, безнадежно махнул рукой, отдал трубку мажору – а-а, мол, делайте вы что хотите...

Когда барчонок уехал, Васька снова к Калине Ивановичу подошёл,

– Узнал?..

– Узнал, будь они неладны.

– Чего так?

– Видишь вон трубу?

– Ну, вижу. – Васька глянул вверх, где на высоте метра два к соседям шла резервная паровая коммуникация.

– Говорит, режьте всё. На металл сдавать будем.

– Дóжили! Видать, совсем хреново.

– Ну да, соседи нашим барам ещё летом денег на мазут дали, а они, видать, всё в новый Мерс с сынком впалили... Потом барин ко мне подходил, помню, когда барчонок того Мерса пригнал, будто извинялся, мол, хочется молодым пожить красиво... Чё извинялся? Мне-то чего, их деньги, им и считать. Не мои то заботы... Лишь бы мои мне вовремя отдавал. Ну, а теперь вот соседи звонят барину, на следующей неделе контейнера придут с сырьём. Греть их надо. А нам чем топить-то?.. Этим вот говном. – Калина Иванович кивнул в ту сторону где стояла мазутная ёмкость. – Мазута-то у нас с тобой, Васька, хрен да маленько... И это перед зимой.

– Ага, мы трубу резать будем, да грузить... Ещё и навернёшься оттуда, со стремянки... А потом этот приедет, – Васька явно на молодого хозяина намекал. – Заберёт весь металл, да опять деньги на карманы им с Василичем... Пусть вон сами сено своё щиплют, да им и топят... – Выругался Васька. – Про зарплату-то молчит?..

– Он тебе всё сказал.

– За такой сказ – да в глаз!

– Дурак ты, Васька. Тебе же потом весь «в глаз» и вернётся...

– Какая разница, Иваныч, ни так, ни так денег не прибавится, хоть душу отвести.

– Точно, как есть, дурак.

– Знаю. Был бы умный, на этих козлов здесь бы не горбатился...

– Эх, снять бы ремень, да выдрать тебя, Васька!

– А ты попробуй, Иваныч... Отец вона тоже хотел как-то в детстве, да только ремень-то снял, а у него штаны спали...

– Дурак.

Сегодня в аккурат к обеду снег пошёл. Только-только они с Васькой баллоны с кислородом и пропаном из здания вытащили, шланги все раскрутили... и посыпало мелкой ледяной моросью.

«Только бы не подморозило, – подумал Калина Иванович, – а то стремянка скользить будет по свежему снежку, лёд, опять же, накатается, попробуй лестницу в одиночку удержи».

Пожалуй, что ему внизу держать придётся, Васька-то он полегче, да и помоложе всё же, пусть вверху газом режет. Парень хваткий, поднаторел слегка в сварном деле, Калина Иванович сам его учил, смогёт, пожалуй. А уж он, и лестницу поддержит, да и трубу потом перехватит внизу, когда Васька её обрежет.

На том и порешили.

Трубу, пятидесятку, заранее обвязали, верёвку через арку перекинули, чтоб снизу держать удобно было. Вырезали небольшими кусками, метра по два. Васька поначалу предложил своё,

– Иваныч, чего с ней возюкаться! Давай сразу поболее кусок резану...

– Не спеши... – Калина Иванович, как всегда был спокоен и непреклонен. –

Сказал по два, значит по два.

– Ясно, сказал начальник, бурундук – птичка, значит летает...

– Выходит, что так...

– Вредный ты, Иваныч!

– Осторожный и мудрый.

– Ну да, ну да, мудёр... в смысле мудр.

– Как ни назови, а только бурундук – как есть, птичка.

– Ну-ну...

Резали недолго, потом пропан закончился.

– Да-а, ёшкин ты кот. – Калина Иванович растеряно тёр затылок. – Я-то думал больше пропана в баллоне оставалось. Ладно, счас хозяину позвоню, пускай везёт.

– Говорил тебе, давай большие куски... – Недовольным тоном высказывал свою правоту Васька. – Разрезали бы, и сегодня отправили. Глядишь, сдал бы мажор металл, денег бы привёз!.. Разве ты послушаешь! Одно слово, вредный!

– Ладно ты... По-лезный нашёлся. Кувыркнулся бы с лесенки вместе с трубой, лови тебя здесь потём...

Немного попрепивавшись, поворчав, разошлись. Васька в кочегарку отправился, снова шконку давить, Калина Иванович – в бытовку, чаю попить, да позвонить барину, пусть пропан везёт. Потому как, уж, коль сказал барин трубу резать, да и барчонок уже своим носом втянул – деньгами запахло! – всё одно не отступятся.

Нет, не зря, не зря, видимо, чуйка ему подсказывала, ведь сразу не хотел он эту трубу вырезать. А теперь как? Случись теперь что с основной магистралью, и переключиться-то некуда будет. Как тогда соседям пар давать? Сами же и запрыгают – барин с барчонок. Не-ет, совсем, совсем хозяевá думать не хотят, всё им теперь подавай, всё сейчас... а дальше будто и трава не расти. Единым днём нынче люди живут.

Хотя, с другой стороны, ну и ладно, ему то что. Пусть вон бухгалтерша теперича Василичу подсказывает, что к чему. А он, Калина Иванович – молчок, ни-ни...

Пока в бытовку вдоль цеха шёл, глянул – поляну перед зданием почти всю сплошняком крупной снежной засыпало. Хотя сквозь небольшой слой снега, кое-где пробивались ещё зелёные, не успевшие пожухнуть травинки, всё-таки холода ещё сильного не было, земля совсем промёрзнуть не успела.

А снег всё крупнее и крупнее сыпал... Невольно мысль у Калины Ивановича мелькнула, пора бы уже и своё здание подтапливать понемногу, надо калорифер подключить да пар на него приоткрыть. Только вот мазута маловато, да за котёл душа болит, потянет ли в зиму?

Глава пятая. То ли кончить ВПШ...

Виталий Бобров хорошо помнил время, когда приехал он сюда, на химический комбинат, приехал переполненный надеждами и светлыми жизненными проектами, молодым дипломированным специалистом, сразу после института, по распределению.

Как это было заведено, отстажировался он, поставили сменным мастером, а через полгода Виталий уже до технолога участка вырос. По справедливости сказать, техпроцесс он знал на «отлично» – не зря красноярский политех с красным дипломом окончил. Да и здесь, на комбинате, за первые полгода, пока по сменам мастерил, успел неплохо поднатаскаться, так сказать, на практике все знания институтские закрепить.

Выбранная специальность ему тоже нравилась – химическая технология – недаром в институте ещё на выпускном курсе парню аспирантуру прочили. Не беда, что с аспирантурой не сложилось, по ряду причин, как в таких случаях говорят, бытового плана. Ещё когда он учился, и практику проходил, на этом же комбинате, здесь же с девчонкой познакомился. Не из местных, тоже приезжая после техникума, красивая, кареглазая, озорная... Дальше, как водится, на танцы сходили, в кино... А уезжал когда, договорились они с Катериной, что Виталий после института по распределению сюда проситься будет.

Так и вышло. Когда диплом получил, приехал к своей Кате, устроился на комбинат, сразу почти и расписались. Жили поначалу в общежитии, у Кати там комната своя была. Нужды особой не терпели, у Катерины родители неподалёку в деревне жили, свой огород у них, продуктами всегда помогали. Да и сами на комбинате, получали неплохо.

Что касемо работы, то её Виталий никогда не боялся, сам он родом из деревни был, парень до знаний хваткий, да и руки у него под то что надо заточены. К тому же, инженер он был грамотный. Начальство это заметило – оценили. Дальше – больше пошло: технологом участка назначили, потом цеха... А как-то вызвали в партком, прямо в лоб и сказали,

– Хватит Виталий Васильевич тебе комсомолить-то, чай не мастер уже – технолог цеха, глядишь, месяца через два начальником будешь. Давай заявление в партию пиши!

Тогда долго не убеждали, да и опять же, многие помнят – «если партия скажет надо...» – ну и понятно, чего комсомол отвечать должен. Попробуй только не скажи «есть», сразу крест на всей дальнейшей карьере поставишь.

Впрочем, совсем по другой причине не получилось у Боброва начальником цеха стать: комбинатского парторга тогда в горком срочно перевели – там, в горкоме место освободилось. А, как известно, свято место – особенно если оно тёплое – пусто не бывает. Вот и провели на предприятии досрочные выборы партийного лидера. А перед тем, видимо, руководство комбинатское на досуге покумекало, да и решили дружно, нужно молодого на эту должность двигать, по крайней мере, лет пять точно не тронут, да, и то сказать, не каждую пятилетку парторгов с заводов в горком забирают, глядишь, молодой и подоле задержится.

Вызвал его тогда бывший, которого в горком двинули. Официально. К себе в кабинет.

– Есть такое мнение, Виталий Васильевич, – бывший говорил медленно с чёткой расстановкой слов, глядел куда-то сквозь Боброва, как бы давая ему понять – решение принято, и обжалованию не подлежит, – Выдвинуть тебя на должность парторга нашего краснознаменного, ордена Трудового Красного Знамени...

Сначала смысл его слов как-то слабо воспринимался, словно пролетал мимо Виталия,

– Меня?.. За что?..

Бывший едва заметно улыбнулся понимающе его оговорке, но именно эта едва заметная улыбка заставила Боброва вернуться в реальность происходящего,

– То есть... Я не знаю, достоин ли... У меня ведь и опыта совсем нет...

– Не переживай, опыт – дело наживное. – Отрезал бывший. – А комбинату без «партийной головы», сам понимаешь, оставаться нельзя.

– Да... конечно... понимаю...

– Ну, вот и хорошо, что понимаешь. – Бывший даже не закрыл, хлопнул резко какую-то папку с документами, лежавшую на столе. – Значит договорились. Завтра собрание будет, изберём тебя.

Собрание прошло как по сценарию: проголосовали, выбрали, запротоколировали... И дальше всё честь по чести, как надо.

А месяца через два направили Виталия в ВПШ, то бишь, в высшую партийную школу, обучаться заочно основам партийного руководства. Три года Бобров на сессии ездил, грыз твёрдый гранит партийной науки.

Не сказать, чтобы слишком упорно грыз, всё же заочник. Но, тем не менее, добросовестно изучал. И историю КПСС, и марксистско-ленинскую философию, и политэкономия, и научный коммунизм... И прочие науки о партийном строительстве, о международном коммунистическом и национально-освободительном движениях, о советской экономике, об искусстве управлять народным хозяйством... Что-то, из всего этого, по его мнению, полезное, что-то не очень, а что-то и вовсе «мимо кассы» – для общего, так сказать, развития.

Но главное он для себя уяснил: отныне и теперь он – уже часть системы, в которую вход – копейка, а выход из неё – пожалуй, дороговато станет. Как говаривал один партийный деятель из «верхних» чинов: «Из партии обратной дороги нет». Система либо принимает тебя целиком, либо выплёвывает на самое социальное дно. Видимо, на то самое, про которое ещё известный пролетарский писатель Максим Горький свою пьесу писал.

Видал он и таких выпускников партшколы, даже среди его сокурсников были, которые потом, спустя некоторое время, не найдя себя в этой системе, бросались во все тяжкие, спивались, становились изгоями, презираемыми системой.

Был, конечно, и другой выход, как у них шутили: «Или кончить ВПШ, или дёрнуть в США», но он-то себе такой судьбы искренне не желал. Потому смирился, и мысленно попрощался Виталий и с любимой химией, и с технологией. Крепко и бесповоротно встал на широкий и прямой путь строительства коммунизма. Как шутливо добавлял обыкновенно его вэпэшовский сокурсник, новосибирец Игорь Теплов, посланный на учёбу с новосибирского секретного завода имени Чкалова,

– На путь трезвый, и светлый как стёклышко.

Иронично, конечно, но Бобров в глубине души такого тепловского цинизма не поддерживал, не потому что не одобрял, просто – опасно это. Хотя обычно и говорилось это где-нибудь в неформальной обстановке: на дружеской вечеринке, в общаге, где они жили на сессиях, да только мало ли какие люди могли там случиться. Тук-тук куда надо, и прощай родная ВПШ... А вместе с ней и все мечты о будущей успешной карьере.

Конечно, особого восторга от самих занятий он не ощущал, но с другой стороны – снова погрузиться в некое своеобразное нежданное продолжение счастливой студенческой вольницы, представлялось заманчивым. Это общение, эти споры-разговоры вечерами в какой-нибудь из общежитских комнат! Опять же, не всегда трезвые разговоры, не всегда идеологически-правильные. Однако опасение осознавалось, чаще всего задним числом, наутро. Вспоминалось мучительно, а не ляпнул ли вчера под хмельком чего лишнего.

Иногда, бывало, на тех сборищах включал кто-нибудь и негласно запрещённого тогда Высоцкого, и все напряжён вслушивались в хрипящие, шипящие магнитофонные записи весьма отвратительного качества, крутились огромные катушки какой-нибудь «Веги», а Володя, как они его демократично называли промеж собой, хрипло пел,

– Где мои семнадцать лет?

На большом Каретном...

С сессии обычно Виталий возвращался помолодевший, в бодром приподнятом расположении духа. Жена Катя обыкновенно спрашивала его с нескрываемой, подчёркнутой ехидцей,

– Не пойму, ты учиться ездил, или как?..

– Конечно же, или как... – Виталий отвечал супружнице нарочито бодро и уверено, да и то сказать, чего ему бояться было, ничем предвзвешенным он на сессиях не занимался.

Учёба – учёбой, только работу на комбинате тоже никто не отменял. Тем более, было её всегда невпроворот, практически каждый месяц на комбинате внедряли новые изделия, сдавали их представителям военных заказчиков, запускали в серию. И каждая комиссия проходила под его – и горкомовским, а то и крайкомовским – неусыпным идеологическим контролем. Все такие мероприятия заканчивалась, как правило, развёрнутым торжественным обедом в честь очередной приёмки или пуска. Чего греха таить, в организации таких обедов он тоже изрядно поднаторел.

Ни для кого не секрет, что нередко успех подписания приёмочных документов, зависит от масштабов гостеприимства, даже если никаких недочётов комиссия на объекте не обнаруживала. Поэтому членов комиссии старались задобрить, как могли. До анекдотов доходило. Скажем, на пульте, куда комиссию планируют привести, сядят молоденькую операторшу с ногами от ушей, ни дать – ни взять, модель, да и только. Заходит комиссия, начальник цеха начинает техпроцесс объяснять, а члены комиссии – министры, генералы, маршалы – с длинных ног операторши глаз не сводят. Умора, да и только...

А потом руководство комбинатское и партийное везут комиссию куда-нибудь на бережок «ухи откушать». Насчет последнего Виталий Васильевич большую изобретательность и выдумку проявлял. Потому-то, через некоторое время, стал он на комбинате человеком уважаемым и почти незаменимым, особенно по части организации комиссионных торжеств.

Опять же, почти... поскольку совсем незаменимых людей, как известно, – нет. Запомнился ему тогда один случай, как-то раз сдавали очередное изделие. На приёмку приехал незнакомый войсковой маршал, заметим, до этого в основном на приёмку приезжали министерские. А здесь военное начальство решило почему-то послать человека «от сохи», точнее «от лафета».

Вроде маршал как маршал, ничего в нём такого особенного, ну штаны с лампасами, ну рожка красная – почти как в той байке Михаила Евдокимова – такое впечатление даже создалось, будто до сегодняшнего дня маршал тот неделю кряду пил не просыхая. Только порой внешность обманчива бывает, принципиальный дядька оказался. Нашёл в изделии недочётов кучу, хоть и мелких, исправимых, но вцепился в них, буквально, как клещ. Виталий и так, и так крутился возле него, всё ситуацию разрулить пытался. Намекал маршалу, что водка де, кипит уже, что шашлыки к кондиции подошли, но тот уперся рогом – нет, и всё!

А потом и вовсе разошёлся вояка,

– А тебя, сынок, – напирал он на Виталия своим животом, – Надо к нам на полигон, чтобы ты там грязь помесил, да в лужах поплюхался... И в Афган! В Афган!.. А то, срочную, поди, не служил? А всё туда же, ракеты делать! Зря, я бы там, в армии из тебя человека-то сделал! Вот тогда понял бы, каким должно быть оружие! А то сидите здесь по кабинетам, яйца парите! Бездельники!..

Так и не подписал тогда он акт приёмки. И от банкета напрочь отказался. И без того расстроенный, Виталий напрочь голову себе сломал ещё и над тем, куда продукты-то девать, всё же заранее заготовлено было? Ну, начальство потом посидело за столом. Ну, выпили, не чокаясь. Закусили. Как на поминках.

Потом, конечно, недоделки все устранили. Изделие сдали. Куда деваться, коли так вышло. Но маршала того Виталий надолго запомнил. Да и как не запомнить, ему тогда строгий выговор по партийной линии вlepили. Первый в его карьере. Едва совсем с должности не слетел. Тогда-то он для себя раз и навсегда зарубил на носу – незаменимых людей нет. И впредь об этом уже старался никогда и нигде не забывать...

Глава шестая. Ликвидатор

Да-а, Калина Иванович хорошо помнит все перипетии девяностых: гласность, демократия... ваучеризация... акционирование... приватизация. Тогда-то и развалили-растащили комбинат. Кто тогда во всеобщей неразберихе принял это, даже не глупое – глупость ещё как-то понять и оправдать можно – преступное решение акционировать крупнейшее оборонное предприятие?.. Теперь вряд ли крайних найдёшь, разве что кого-то взять и назначить, да только и этого, видимо, новым хозяевам жизни не особо нужно было... Тогда-то и прозвучало, что ждут на комбинате нового директора, специалиста по выводу промышленных предприятий из кризисных ситуаций.

А месяцем позже этот новый пришлый антикризисный не то директор, не то управляющий и появился на комбинате. Как потом выяснилось, предыдущий директор позиции и свои, и общекомбинатские втихую сдал. Съездил в министерство, получил предварительное согласие на акционирование, верно, к тому времени откат свой уже получил за все свои тихушные дела... да в Москву укатил, точнее в Подмосковье, доживать с семьёй в покое свою безбедную и теперь вполне обеспеченную старость.

Помнит Калина Иванович, и о том, что как только-только разговоры о предполагаемом акционировании с последующим банкротством пошли – откуда бы?.. да

земля, как известно, она слухами полнится – сразу и догадки-пересуды о внешнем управляющем начались, по привычному народному принципу, мол, вот приедет барин – он всё рассудит.

Гадал-думал народец комбинатский, что за барин такой, с какими мыслями-директивами придёт?.. Оно и понятно, волновались люди: тогда делёж собственности по стране бурными, опережающими время темпами шёл. По «ящику» только и слышно, то там, то здесь завод банкротом объявили. Это потом, когда уже всё, что можно и нельзя, поделили, как-то поутихло в «ящике», поустаканилось...

Собственно, он, управляющий этот, хоть и антикризисным назывался, только при нём речь о спасении предприятия как-то изначально не велась. А разговоры в народе такие шли, мол, назначили на комбинат своего смотрящего из Москвы. И он, смотрящий этот, сделает всё, чтобы акционирование завода ускорить, а потом быстро и выгодно распродать все комбинатские активы – здания, оборудование, территории, коммуникации. И распродать не просто так, не абы кому... Посвящённые, из тех, кто поближе к руководству комбината был, понимали, на некоторые особо жирные куски ротки уже заранее разинуты были. Словом ждали, барина, приехал барин...

Раньше, в шестидесятые, Калина Иванович об этом много от своих старших коллег слышал неоднократно, съехались сюда со всей страны энтузиасты-романтики по призыву партии и правительства, и по зову сердца – после техникумов, после институтов... на строительство, на пуск нового комбината – и они, люди эти, буквально жили на предприятии, комбинатом жили. Всё их восприятие самого процесса возведения этого грандиозного нового промышленного оборонного гиганта, и всего, что с ним связано, было коротко и точно вложено в одно ёмкое слово «надо!». Именно так, именно с восклицательно-утвердительным знаком...

Да-а, было, было... Захватил ещё самым краешком Калина Иванович это могучее, одержимое жаждой созидания поколение энтузиастов... Можно, конечно, говорить об этих людях, как нынче народу внушают, что зомбированное идеологией марксизма-ленинизма было поколение... Только, что с тех разговоров, главное вера в людях была заложена могучая, и с верой этой великие дела они вершили ради общего блага...

А этот приезжий... Как потом Калине Ивановичу жена в интернете показала, так там чёрным по белому в биографии этого нового управляющего в графе «специализация» написано – поверить дико! – ликвидатор. Конечно же, какое ему, ликвидатору дело до того, что комбинат-гигант этот всем миром был создан. Опять же не просто так его создавали, а по решению правительства. Мудрому решению, выстраданному. В первые годы Великой Отечественной войны наше правительство столкнулось с тем, что многие крупные предприятия из европейской части страны пришлось в срочном порядке в Сибирь эвакуировать. Потому-то в первые же послевоенные годы и приняли такое решение, что стратегически важные оборонные предприятия должны дублироваться в разных концах нашей огромной Родины.

И какое, опять же ему дело, ликвидатору этому, что столько людей свои усилия, свой труд, свои лучшие годы, своё здоровье отдали, чтобы решение это с честью выполнить, чтобы комбинат этот построить, чтобы он жил, работал и развивался на благо Родины... Что ему эти люди!.. Родня? Друзья? Нет... Стало быть пусть они сами голову ломают, как им дальше в нынешних экономических условиях выживать. Мол, время такое теперь, как откровенно-цинично заявил один из идеологов ваучеризации всей страны: «Ну, вымрет тридцать миллионов... Они не вписались в рынок». Так вот запросто – «ну, вымрет... ну, не вписались...».

С другой стороны, понятно Калине Ивановичу, другого чего-то от парня трудно ожидать, ну, закончил парень своё МГУ – как в том же интернете, в той же биографии сказано, опять же окончил не в то героическое время, а в перестроечное, когда и в учёбе совсем другие приоритеты уже были. Отец у него, человек влиятельный, больше

половины своей жизни в министерских кругах вертелся. А в чубайсовско-гайдаровской мутной водице вовремя сориентироваться сумел, вошёл в совет директоров одной крупной промышленной корпорации...

И сынка ему, как любому нормальному родителю, тоже пристроить надо было, но для начала парня стоило поднатаскать, чтобы сам дальше по жизненной лестнице продвигаться смог, без его отцовского вспоможения. Да и про себя забыть – грех. Вот и решил член совета директоров огромного холдинга Василий Васильевич Уткин так – во всей этой неразберихе, когда для предприимчивых людей многия возможности открыты были, пусть-ка сынок на их общее дело потрудится, пусть поможет строительству фундамента будущего семейного благополучия, для его же будущей сыновней выгоды. Чтобы потом спокойно жить, и жизнью наслаждаться...

Ибо, прав, прав был старик Эпикур – полюбил Уткин-старший в институте философию, ведь именно в её недрах и отыскал он близкого для себя мыслителя с его мировоззрением об общественном обустройстве – как это там у него: «Целью любых наших деяний является безмятежное и блаженное состояние души...». Так, кажется. Ну, или примерно так, со временем всё уже как-то забываться стало... Но смысл понятен, живи, чтобы наслаждаться!.. Или ещё: «К государству и культу мудрец должен относиться дружественно, но сдержанно». Сдержанно... От себя Василий Васильевич обычно добавлял: «Дабы извлекать и из государства, и из культа по возможности личную выгоду». Он почему-то уверен был, что и старик Эпикур с ним бы непременно согласился.

При всём притом рассуждал Уткин здраво – слава Богу, жизнь его житейскому прагматизму выучила – скажем, нынче выгода самая, при нынешнем-то переделе, в чём скрывается?.. Да в том, что самое время теперь, пожалуй, под шумок откусить от государственного пирога в личное пользование кусок пожирнее, да поувесистее. Схема вся нехитрая до них с сыном отработана уже – ничего придумывать не надо – акционирование, которое выводит материальные активы из-под юрисдикции государства... потом банкротство акционированного предприятия... и распродажа по частям за бесценок, по сути – передел собственности. Конечно, насчёт жёсткого передела со стрельбой и прочими маски-шоу в том смысле, в каком это братва в девяностые понимала, у Василия Васильевича и в мыслях не было. Всё проще гораздо и гениальнее: акционирование – банкротство – распродажа и выгодное приобретение.

А почему бы нет, все нынче так живут, только вот возможности у всех разные, да и умственные способности тоже. Во все века так было – есть мыслители, мозговой центр; остальные – рабочие муравьи, муравьи-воины и прочие... которые весь муравейник со всеми мыслителями содержат и защищают... Так почему бы не воспользоваться ситуацией, когда такой раздел такого муравейника пошёл, ведь всё равно кто-нибудь ни сегодня-завтра комбинат этот к своим рукам приберёт, больно уж кусок лакомый.

Вот только у сына свои интересы. Хоть и взрослый Кирилл, только по жизни, по разумению, по поведению своему – пока дитя-дитём. Носится как пацан по заводу на мокике дорогушем, японском, наверное, под миллион мокик этот ему обошёлся. Хотя, вроде, джип-япошка у парня в гараже стоит.

Да и не парень Кирилл, мужик уже – Василий Васильевич себя в его возрасте вспоминает, он тогда на машиностроительном заводе токарем начинал. Не в Сибири как Кирилл теперь – на Урале. Год оттокарил, в институт поступил... а дальше аспирантура, кандидатскую защитил, три года директорствовал, там же на Урале, уже на другом заводе, старания его заметили – в министерство пригласили, ещё больше постарался Василий Васильевич и закрепился в министерстве...

А Кириллу... – опять же, невольно в мыслях Василий Васильевич «ребёнком» его назвал – четвёртый десяток ребёнку уже пошёл. А он, мечется по жизни, куча увлечений разных: мокик этот, на параплане опять же любит полетать, специально для этого в горы каждую неделю летом выезжает.

Ещё, говорят, какого-то дружка нынче завёл, с собой всё возит. Тот восточной философией на голову больной, да восточную гимнастику в ихнем местном дворце культуры преподаёт. Что за друг, надо бы пробыть поподробнее всё, но так чтоб Кирилл об этом не догадался. Говорят, сын тоже увлётся востоком, занимается этой гимнастикой, конечно, не в общей группе – слава Богу, хоть здесь ума хватило на люди не выставляться – а в специально выделенные часы, вдвоём с другом-тренером вдохи-выдохи отрабатывают...

Впрочем, если по большому рассудить, ему-то, Василию Васильевичу, до того какое дело – как говорится, чем бы дитя ни тешилось, лишь бы кушало да на горшок вовремя... – ну занимается и занимается. Почему бы нет, если ему интересно. Главное, проследить, чтоб рецидива не возникло, ибо всё, что помимо дела, так называемые хобби – в меру хороши.

Вопрос об акционировании этого комбината Уткин заранее на достаточно высоком уровне пролоббировал – он комбинат этот в министерстве курировал, потому состояние дел на предприятии досконально знал, и активы его, и возможности. А большие министерские знакомые твёрдо его заверили, что с комбинатом всё как надо будет. Естественно, он отблагодарил их сердечно и материально. С бывшим директором комбинатским пришлось повозиться, понервничать, но в итоге и здесь выход нашёлся, конечно большую компенсацию Василий Васильевич ему выплатил – хваток оказался мужик и до денег больно жаден – ну да бог с ними, с деньгами, в конце концов, кусок комбинатский того стоит...

Глава седьмая. Счастливые люди или главное правило жизнеустройства

Если по-честному, Кириллу Уткину действительно до завода особого интереса поначалу не было. Как говорят, совершенно фиолетово. Он бы после окончания университета лучше в Москве остался, скажем, где-нибудь в институте преподавать, а там может быть и в аспирантуру поступил бы, со временем, может быть, как отец кандидатскую написал бы...

Но у отца, видать, свои мысли касаясь сына были. И то сказать, в силу прожитых лет и опыта нажитого, он по жизни лучше сына ориентировался, что вокруг происходит и к чему всё идёт, а потому задумывался Василий Васильевич, как Кириллу дальше оптимально всё устроить, чтобы впоследствии жилось сыну спокойно и комфортно.

Не сказать, что в семье проводил Василий Васильевич с сыном много времени, сколько Кирилл помнит, выходной – не выходной, всегда отец на работе днями пропадает. Поэтому воспитывала его в основном мама, от неё у Кирилла любовь к путешествиям, к экстриму. Она и по Золотому Кольцу его возила, и на море каждое лето... и на яхте они в море с маминым дядькой ходили, и в аквалангах погружались... Однако, справедливости ради, сказать, что внимания сыну Василий Васильевич не уделял, нельзя. Он за него и думал, и решал, пока Кирилл в школе учился. И дальше – в университете, правда, уже чуть-чуть поменьше. И Кирилл как-то не особо этому противился, привык уже, что «батя всё знает, всегда подскажет»...

С другой стороны, когда это нужно было и обстоятельства того требовали, отец всегда оказывался рядом. Так, когда в десятом классе Кирилла забрали в отделение милиции за попытку джинсы перепродать – а чего, все его друзья тогда таким образом на карманные расходы зарабатывали! – его как фарцовщика и повязали, хотели даже дело завести.

Отец сразу же вмешался, подключил все свои связи, штраф какой-то даже, помнится, заплатил. Кирилла тогда отпустили, дело заводить не стали. Уткин-старший не стал ругать сына, просто посмотрел строго и спросил,

– Ну, всё понял?

– Понял. – Кирилл действительно не соврал, тех денег, что родители ему на карман давали, вполне хватало, а здесь просто с друзьями заодно пошёл, не желая выделяться.

После этого случая подумал, мысленно спрашивал себя: «А зачем?». Ни разу не нашёл, что ответить. Вот и выходит, что просто по глупости.

Окончив университет, Кирилл, как и планировал, поработал немного в институте. Отец молчал, присматривался, как сын год читал студентам лекции по праву и экономики в химико-технологическом. А год спустя, призвал его к себе в кабинет. Было у него дома, как у любого уважающего себя работника министерства, своё личное рабочее пространство, которое нарушать всем домашним, без особой на то надобности, было заказано. И сказал сыну спокойно и твёрдо, внимательно глядя на него сквозь очки,

– Вижу, вырос ты Кирилл Васильевич. Пора тебе и за настоящее большое дело приниматься. – Выдержал паузу, и продолжил. – В ссылку я надумал тебя отправить. В Сибирь. Там опыту поднаберёшься, да и мне кое в чём поможешь...

Как-то не особо тогда Кирилл расстроился этой своей ссылкой, наверное, даже и осознать всё толком не успел. Ну, говорит отец надо, значит надо. Опять же знал, отец плохого ему не пожелает. Просто собрался и поехал. С министерским назначением в кармане...

Это теперь, когда прожил он здесь в Сибири уже несколько лет, в его активе были – как про то местные газетёнки-желтушки писали – пара небольших местных успешно ликвидированных обанкроченных предприятий, Кирилл втянулся в отцовский бизнес, у него даже азарт какой-то появился. На самом деле ничего сложного в этом нет: главное правильно, по порядку и в точности инструкции отца выполнить – оформить всё юридически грамотно, предусмотреть заранее все шероховатости, чтоб с законом в конфликт не вступить.

Образование Кириллу позволяло – юрфак МГУ как-никак. Да и, глядя на батю, как он свои дела делает, опыта Кирилл Васильевич кой-какого поднахватался. Понял, как с людьми разговаривать надо. Уж кто-кто, а отец умеет убедить собеседника. Причём, он как бы и не спорит с человеком, а терпеливо, старательно и аргументировано подводит своего визави к той мысли, которую сам определил для него как «верную», ну или «желательную». Главное, что оппонент абсолютно искренне начал думать в конце разговора, что это его собственное и самостоятельное решение, что он сам к этому пришёл.

Конечно, комбинат этот более серьёзный объект, оборонный, не то, что пара предыдущих заводиков. Но там-то всё получилось!.. Распродал всё как надо, на всём малоперспективном сразу жирный крест поставили – отдали на откуп местным предпринимателям, а им с отцом самые выгодные куски отошли, да и сам он, Кирилл, одним из главных акционеров вновь созданных предприятий стал.

Пока эти заводики банкротил, команду опять же подобрал под себя – юриста, бухгалтера, коммерческого директора... – словом людей грамотных и необходимых, чтобы без сучка, без задоринки «провести успешную ликвидацию» в собственных интересах, ну и чтобы его с полуслова понимали. С другой стороны таких, которые его во всём слушались, и побаивались, потому как в чём-то от него зависели. Понятно, Кирилл и им заработать давал, и даже акционерами сделал тех предприятий, что они вместе «ликвидировали». Понятно, что на месте старых, «бесперспективных» возникали новые, более мелкие предприятия, зато прибыльные и мобильные, с новыми собственниками.

И здесь бы так же надо действовать. А что, там получилось, и здесь получится! Уверен был, батя заведомо невыгодного дела не предложит.

Однако с комбинатом по накатанной не получилось, слишком уж предприятие серьёзное, и народ грамотный – жалобу в министерство накатали. Акционирование приостановили, вызвали Кирилла Владимировича в Москву, в министерство. Цыкнули даже, мол, чегой-то вы там юные засранцы творите, да за такое баловство!..

Министр особо в выражениях не стеснялся, Кирилл пока его слушал, виновато потупив глаза, семь потов с него сошло.

– Короче, понял! – Министр громко стукнул кулаком по столу.

– Понял. – Совсем как некогда отцу ответил.

Из министерства – домой, надо родителей навестить. Отец как-то непривычно весел, бутылку коньяка дорогого французского на стол из кабинета вынес, похохатывает, слушая рассказ сына, а мама суетится, всё подкладывает и подкладывает Кириллу в тарелку салата, рыбу в духовке запечённую...

– Смотри-ка, – отец подмигивает. – Мать-то помнит, что любишь. И салат этот специально приготовила, и рыбу запекла. Небось, думает, что ты там, в Сибири своей, оголодал совсем. Может, её с тобой откомандировать, чтоб тебя там с ложечки подкармливала? А, может, там – кого найдёшь? Пора бы...

– Тоже скажешь, отец. – Мама нарочито сердится на отца, а сама на сына поглядывает, что он отцу ответит.

– Может и найду. – Кирилл, принимая шуточный отцовский тон, как-то успокаивается после министерской взбучки.

Потом отец с Кириллом поднялись в кабинет, отец захватывает с собой недопитый коньяк и блюдо с нарезкой,

– Ну, мать, мы там, в кабинете с сыном посидим, о делах мужских посудачим. – Бросает он на ходу матери.

В кабинете, после первой рюмки коньяку, спрашивает Кирилла уже по-деловому,

– Сильно буйствовал Сергеевич?

– Министр?.. Да было немного.

– Ничего, он сегодня выкипел, завтра забудет всё. Мужик отходчивый. Понятно дело, ему с завода на неделе письмо возмущённое прислали, где порасписали дела твои в наилучшем виде, ещё и приукрасили... Там, кстати, и этот, ваш бывший секретарь партийный подписал, как его, Бобров что ли... Он у тебя там, кстати, нынче кем?..

– А этот-то чего? – Искренне удивляется Кирилл. – Партии теперь нет, так профкомом он нынче рулит, пристроили мы его, вроде ему-то грех обижаться...

– Грех – не грех, ты вот что, пока затихарись, да создай видимость, что пытаешься как-то комбинат из долговой ямы вытащить. А я тут пока что-нибудь придумаю... А к Боброву этому присмотрись повнимательнее, надо бы его с завода как-то неназойливо попросить, только не впрямую, предлог какой-нибудь найди... Понял?

– Понял.

...Собственно, письмо это Виталий Васильевич подписывать не собирался, так получилось. На профкоме, поначалу всё вроде спокойно было, а потом разговор зашёл о комбинате, как всегда все председатели-цеховики поплакались, мол, дело плохо, подводят завод под банкротство...

– Какое банкротство! – Убеждал их Бобров. – У нас завод государственный пока, значит хозяин – государство. Чтобы завод банкротом объявить, нужно, чтобы государство себя банкротом объявило! Возможно такое?..

– Сейчас всё возможно... – Гнули своё цеховики. – Акционируют и разорят...

Тут-то и возникла у народа цехового стихийно идея письмо в министерство написать, и подписи со всех цехов собрать,

– Ну что, Виталий Васильич, пишем?

– Решайте...

– Ты сам-то подпишешь!?

– Как все, так и я...

Письмо, как всем показалось сначала, дало свои результаты. Какие-то движения на комбинате начались, вроде, новое производство на площадке товаров народного потребления открыли, стали мешать взрывчатку для «мирных» шахтёров, прибыль какая-то пошла. Какой-никакой госзаказ на основное производство получили, тоже деньги.

Никто никакого подвоха не разглядел. Пожалуй, только Кирилл, знал, всю новую схему, отец его регулярно подробно инструктировал, когда и какие шаги предпринимать. По-прежнему гонял он по территории комбината на своём мокике, с рабочими за руку здоровался, спрашивал, как дела. Этаким демократичный руководитель.

Едет он по территории, впереди мужик идёт, знакомый вроде мужик. Помнит он имя какое-то чудное у него,

– Здравствуйте! Уважаемый, э-э...

– День добрый. Калина Иванович – я.

– Чего хмурый такой, Калина Иванович?

– Да так, не улыбается что-то...

Обогнал мужика, действительно странный... Калина... Из керجاков что ли?..

Калина Иванович тоже директору вслед поглядел. Странный какой-то парень, вроде – мужик, а ведёт себя как пацан... А туда же – директор. Чего от него ждать?

Разве ж прежний директор мог себе такое позволить. Тот солидный, представительный, всё на «Волге» чёрной ездил, даже по территории комбината, никогда он не останавливался, рабочих про дела не расспрашивал...

Между тем, всё шло своим чередом. Постепенно Василий Васильевич, опять же через связи свои, подкинул министру идею, что для пользы дела можно и нужно акционировать вспомогательные и неосновные цеха. Так выделились из состава комбината акционерные общества, образованные на базе механическо-ремонтного цеха с уникальным оборудованием и производство товаров народного потребления с цехом по производству промышленных взрывчатых веществ для гражданских отраслей.

При этом все долги остались за госпредприятием, новые акционерные общества начинали работать практически с нуля и приносить доход. Понятно, что Уткины себя не забыли, по существу они и стали хозяевами, вложились, конечно, однако знали, овчинка выделки стоит – да и вкладываются они уже в своё предприятие, не в государственное.

Тем временем госзаказ на основную оборонную продукцию комбината снова сократился до минимума, соответственно сократились и потоки госинвестиций, оборудование и здания постепенно пришли в негодность, разрушаться стали, а ремонтировать и обновлять не с чего. Тогда на уровне министерства и было принято решение признать комбинат нерентабельным и ликвидировать предприятие, а его долю государственного заказа разместить на аналогичном предприятии в европейской части России. Словом, опять на те же грабли...

После закрытия комбината, в городе сразу образовалась длинная очередь безработных на бирже труда, повысилась преступность, особенно среди молодёжи. Многие, кто полегче на подъём, в поисках работы и лучшей жизни уезжали из города в большие и малые столицы, а кто не смог уехать, те либо приторговывали на местном рынке, либо спивались и постепенно опускались на дно общества.

Руководить новыми, уже своими заводами, небольшими, но самое главное – правильно они всё с отцом рассчитали – прибыльными, Кирилл назначил исполнительных директоров из числа своих помощников. Василий Васильевич обеспечил оба новых акционерных общества заказами: механический завод перепрофилировали на изготовлении запчастей к буровым установкам для нефтяников и газовиков, а завод по производству промышленных взрывчатых веществ, как это изначально и предполагалось, работал с шахтами соседнего Кузбасса.

Сам Кирилл Васильевич женился на местной модели – некоей Даше, впрочем, девушке скромной и не ленивой, выпускнице местного пединститута, но родом из деревни. Как он сам шутил по этому поводу перед свадьбой,

– Главное, чтобы будущая жена корову доить умела. Остальному научиться.

Поселились они с молодой женой в соседнем курортном городишке, купили там огромный коттедж, с виду больше похожий на замок, наняли экономку, домработницу, садовника, которые занимались всем хозяйством, а сами просто жили в своё удовольствие.

Прибыль заводики приносили исправно, и на жизнь, и на развлечения им с женой хватало. На заводах Кирилл появлялся крайне редко, и только когда присутствие его было остро необходимо. Впрочем, отслеживал ситуацию на своих предприятиях Кирилл внимательно. Хотя, все текущие вопросы на местах решали директора, но они же присылали ему еженедельно по электронной почте полные финансовые отчёты о деятельности, получив которые он на сутки запирался у себя в кабинете, сделанном по типу отцовского, в доме на втором этаже. Потому-то всегда был в курсе всех заводских дел.

Как-то родители приехали навестить их. Мама впервые была дома у Кирилла здесь, в Сибири, да и отец в новом его коттедже ещё не бывал. Раньше как-то Василий Васильевич приезжал к сыну больше наездами, на завод, чаще одним днём. А если ночевать приходилось остаться, останавливался в заводской ведомственной гостинице. Но в этот раз сын сразу в новый дом родителей повёз, надо же показать, похвалиться.

Отец внимательно осмотрел участок с садом, потом они с Кириллом сходили в баню, шикарную, из цилиндрических – одно к одному – брёвен, поставленную без единого гвоздя здесь же на участке. Попутно Василий Васильевич расспрашивал сына о том, как идут дела на заводах,

– Всё бы ничего, папа, да только люди ворчат, заработки у нас небольшие, не то, что у вас в Москве. А больше платить пока не могу, разоримся...

Отец слушал Кирилла, чему-то кивал головой, о чём-то молча, задумывался, нахмутив лоб. Потом был ужин.

– Вы уж извините, – нарочито как бы приbedнясь, хотя больше напрашиваясь на их похвалу, говорил Кирилл родителям. – У нас тут всё по-простому, по-деревенски... Картошка вот со своего огорода, огурчики Даша сама мариновала, грибочки... селёdochка с Телецкого озера,

Отец с хитринкой улыбался, но сдерживался, хотя было видно, что он доволен сыном. А мама принимала все слова Кирилла за чистую монету,

– Да что ты Кирюша, всё хорошо, всё просто здорово!.. Всё свежее, всё экологически чистое!..

А после ужина отец с сыном поднялись к Кириллу в кабинет, оставив своих дам общаться в гостиной. Мама первый раз встретилась со своей невесткой, на свадьбу у родителей приехать не получилось, поэтому тем для разговора у женщин было множество.

– Молодец. – Спокойно похвалил сына Василий Васильевич, удобно и непринуждённо расположившись в уютном кожаном кресле напротив сына. – Всё правильно, всё основательно устроил.

Кирилл довольно улыбнулся, конечно, скупая похвала отца была ему приятна. Но на всякий случай он спросил,

– В смысле, что всё?

– Всё. И дома, и на заводах... – Немного помолчав, добавил. – А о том, что зарплата у нас невысокая, об этом зря думаешь. На Москву говоришь, народ ориентируется?.. А сколько у вас в городке сегодня безработных, после того, как комбинат закрылся?

– Много...

– То-то и оно, ворчать-то они ворчат, но умом всё равно понимают, где они ещё здесь в этой тьмутаракани такую работу найдут. У местных предпринимателей, так у них у всех – люди минималку получают, а то что сверху в конвертах, так оно то есть, то нет его... Или на базар торговать пойдут, так там и половину того, что на заводе у тебя получают, не заработают... А здесь, хоть и немного, но по крайней мере – стабильно, и главное вовремя. Стало быть, не печалься ты за них, за работяг своих, они сыты, одеты, жильё у них опять же есть... Чего ещё!.. Словом, счастливые люди. В отличие от всех иных, тех, кто без работы сегодня мается. Поэтому они у тебя за эти места держаться будут и руками и ногами... А то, что якобы эксплуатируем мы их труд, так это по жизни всегда есть, было и будет, сын. Одни живут, чтобы жизнью наслаждаться, другие на них работают, чтобы выживать... Помнишь, как Булат Шалвович пел: «И пряников, кстати, всегда не хватает на всех...»

– Кто? – Машинально переспросил Кирилл.

– Окуджава...

Мудрый он всё-таки отец, как с ним не согласиться. Вот и дружок Кириллов – Семён, который его востоком заразил, тоже говорит, что главное дать людям ощущение сытости и стабильности, потому как голодный человек, который не знает, что ему ждать от завтрашнего дня – страшный человек. Конечно, Кирилл хоть сильно и не говорил с отцом про Семёна, ну внутренне чувствовал скепсис Василия Васильевича по отношению к его другу, да и к увлечению восточной философией тоже. Зря он так. Семён – парень умный, хоть и увлечённый. Он даже какое-то время жил в Тибете в монастыре, постигал, так сказать, восточную мудрость на практике.

От него Кирилл для себя много полезного взял. Скажем, из разговоров с Семёном, он хорошо усвоил, что подчинить кого-то своей воле, заставить делать всё как ты хочешь можно двумя способами: либо завоевать силой, либо включить его в своё целое, как часть. То есть, всё просто, главное направить сознание человека по следующему пути: да ты считаешь так – и я тебя понимаю – твоё мнение находится в пространстве моего понимания – значит, ты часть этого пространства. А дальше уж совсем просто – частное существует, хотим мы того или нет, по законам целого. Если рассудить, сам отец – видимо по наитию – всегда именно так и поступает, просто не отдаёт себе в этом отчёт. Словом, как говаривал красноармеец Сухов: «Восток – дело тонкое»... И если мы его в себе не видим, это не значит, что его нет. В русском евразийском человеке, восток всё равно незримо присутствует.

Почувствовав, что заставил сына своими словами задуматься, Василий Васильевич, желая снять напряжение, одобрительно сказал, как по плечу похлопал,

– И с городом ты хорошо придумал... Правильно, что своих людей в Думу продвинул, и председателя там своего поставил... Молодец! Да и с партией вы хорошо угадали, сегодня единокороссы в тренде.

Похвалил, а про себя так подумал, удовлетворённо: да, меняется сын, в лучшую сторону меняется. Хватка у него, пожалуй, что, не хуже его – отцовской будет. Опять же дальше отца пошёл, у него-то, у Василия Васильевича про город как-то и мысли не было, как-то недодумал он, что город – это и целевые федеральные программы, стало быть, и денежки федеральные, их контроль, ну и всё остальное отсюда вытекающее...

Глава восьмая. Калинкина пасека

Снег валил и валил, уже и куски труб, что Калина Иванович с Васькой успели нарезать, да сложить вдоль стены, присыпало. И кучку песка, которую он ещё с лета запас, зимой дорожки посыпать, – тоже. Часть-то песка Калина Иванович сразу в металлические бочки загрузил, да сверху обрезками листа фанеры прикрыл от снега. Ну

и на всякий случай ещё эту кучу нагрёб трактором, а вдруг на всю зиму песка в бочках не хватит.

«Надо же, как разошёлся. – Подумалось про снег. – Так, глядишь, и ляжет уже в зиму. Хотя, рано, наверное...».

Зашел в бытовку, поставил чайник. Надо чаю попить, он у него душистый, на травах. И мёда немного осталось. Обдумать всё. А какие же думы без чаю с мёдом, к этому Калина Иванович с детства приучен...

...Сколько он себя помнит в детстве, на столе в отцовском доме у них всегда стояла большая глубокая чашка с мёдом, и черпали они из неё мёд большими деревянными крашенными ложками, каждый своей, так уж заведено у них было. Родители Калины Ивановича из староверов были, впрочем, не то чтобы ревностно они всему следовали, но обычаи всё же старались блюсти.

Отец Калине рассказывал, что пасеку эту строил ещё его Калинин прапрадед, из переселенцев Огнёвых. Которые пришли сюда в середине XVII века после реформы патриарха Никона в поисках легендарного Беловодья – земли свободной и обетованной. Да так здесь и осели. Жили по Заветам Божиим, своей отдельной общиной несколько семей: Огнёвы, Атамановы, Бочкарёвы. Среди них и был Калинин прапрадед Порфирий. Мужик основательный и самостоятельный, хоть и считался он в общине, но поселился несколько на отшибе, дом поставил крепкий и надёжный. Строил на века, для себя, да чтобы внукам и правнукам хватило.

Тот народишко, что позже сюда заселяться стал: осёдлые беглые людишки, казачки да столыпинские переселенцы, говорили про кержаков, мол, воды у них напиться не выпросишь. Да только враньё всё это. Отец так Калине и говорил: «Врут люди, у нас на пасеке испокон веку, сколько себя помню, жили с рождения по совести, веру православную блюли да исполняли. А уж коли приходил человек за водой – как не подать-то? Правда, нынче прослабление вере дали, но это за счёт всяких бесовских штук – телефонов да телевизоров разных».

Калинка хорошо помнит, телевизора на пасеке отродясь не было, опять же, слова отца вспоминались: «А чего его смотреть-то?.. Всё, что человеку знать надо по жизни, так про то в Библии прописано». А вот радио у них в доме было, небольшой такой динамик на кухне висел, отец говорил, что с войны ещё. «Тоже конечно бесовское это, только как иначе жить, – рассудительно объяснял отец, – случись что, война, как тогда, революция какая... мы как про то узнаем? А знать-то надобно...».

Согласно всем законам неписаным их размеренного пасечного быта, у Калинки тоже своя ложка была, расписанная чудным чёрно-красно-золотистым узором. Иногда мёд в чай добавляли, но он, Калина, особо любил намазывать свежий мёд на свежий, только-только испечённый матерью хлеб – на огромный, пахучий, горячий ещё, отломанный от булки кусок.

– Гляди, Калинка-малинка, кусок-то в роток не пролезет. – Бывало подсмеивалась над ним мать.

А отец, Иван Калинович, говорил как можно серьёзнее, хотя и прятал в густой бороде своей добродушную улыбку,

– Да, ничё, мать, пусть смачнее намажет, мы ежели что, лучше ему уголки рта-то подрежем слегка, про-ойдёт кусок...

Маленький Калинка тогда боязливо поглядывал на отца, а ну, как и взаправду, возьмёт отец свой большой нож с рукояткой из лосинного рога, с которым он на охоту обыкновенно ходит, да подрежет ему уголки губ. Однако, отец, видя боязнь сына, на время освобождал свою улыбку из-под бороды и усмехался уже более открыто и широко, трепал светлые вихры сына, приговаривая,

– Кушай, кушай, от мёда, от него – только польза одна, не зря его пчёлки собирали, ну а хлебушек сам Бог нам велел... Такой-то... да мамкин... да прям из печки...

Калинка всматривался в темные лики Христа на иконах в красном углу, и думал, не иначе, добрый Он, справедливый, коли Сам велел ему хлебушек кушать. А хлебушек мамкин, и взаправду, такой свежий да душистый, по всей горнице тот запах расходуется, втянешь этот запах ноздрями – слюнки текут.

И правда, хорошо нынче дома, тепло, хлебом пахнет. Особенно сейчас, когда за окном снег валит, землю тепло укрыл, ели вон по округе всей в шапки огромные приодел, не иначе, если к ночи снег поутихнет, – завтра пойдут они, Калинка с отцом, петли на зайцев ставить.

Нынче ночью зайчишки тропки набегают, ещё с вечера приготовит отец проволоку тонкую сталистую, нарежет он её кусками по полтора – два метра, наделает из них петель, прокипятит их в бане с еловым да с берёзовым веником, чтоб запах человека отбить, да и сложит их в вещмешок. Не голыми руками сложит, в рукавицах, опять же чтобы ничем человеческим петли не пахли.

А завтра с утра встанут они на лыжи самодельные – отец их своими руками и себе, и Калинке готовил, широкие, охотничьи, шкурой обшитые, чтобы в одну сторону скользили – да пойдут смотреть, где ловчее те петли поразвесить. Промежду кустов, между деревьями, прямо на тропках заячьих в местах, где проход между кустами поуже. Снежком сверху подмаскируют, да ещё пару былинки сухих воткнут, чтобы из-под снега немного торчали, как будто всё всегда на этом месте так и было. Разбежится зайчик, да с ходу в такую петлю, тут уж ему не выбраться.

Понятно и жалко Калинке зверька, да что сделаешь, так жизнь здесь у них в тайге устроена. Опять же, отец с детства приучил его: полезного у природы много, потому бери, сколько для жизни надобно, но так чтоб без вреда, лишнее брать – грех. Да, запас в доме у человека должен быть, но меру знать во всём необходимо.

Вот, к примеру, когда бруснику люди собирают. Приезжают порой из города, так чуть ли не граблями брусничник гребут, всё до самой земли сдирают, вместе с брусничником и верхним слоем почвы. А слой этот тоненький плодородный, он в тайге десятки лет перегнивает, из листочков опавших, из хвоинок, из веток, из кусочков коры... Если его нарушить, понятно, на следующий год на этом месте брусничник вряд ли уже уродится, может только лет через десять – двадцать... Кому это нужно, спрашивается? Людям? Природе?..

– Жадность всё это, сын. – Отец обыкновенно хмурился, объясняя Калинке, когда они с сыном находили в тайге такую выгребенную – «убитую» поляну. – Жадность всё это людская и полная бесхозяйственность... Всё – сейчас, всё – сегодня... а завтра – трава не расти...

Калина, после его слов, живо представлял тех ягодников, сгребавших дёрн, почему-то со злыми маленькими колючими свинными глазками, с огромными железными скребками-когтями вместо пальцев, и скребут они раскидистый брусничник, как отцовская лайка Дымка передними лапами, всё под себя и под себя, нагребая большие кучи ягод, и при этом хрюкают. Почему именно так? – он объяснить не мог.

Велико было Калинкино удивление, когда однажды они с отцом встретили в тайге двух милостивых городских женщину и девочку, одинаково одетых в новые брезентовые куртки-штормовки и в резиновые сапоги. Они гребли ягоду. Здесь же неподалеку, на поляне стоял новенький «Москвич-402». А за машиной, в небольшом ложке – его Калина как-то не сразу заметил – греб ягоду мужчина в защитной брезентовой робе, в спортивной вязаной шапке и в сапогах.

– Во, вишь, ягодники, легки на помине. – Показал отец, а когда подошли поближе, сказал, уже обращаясь к городским. – Вы брусничник-то осторожнее дерите, а то после вас нам ничего не останется.

Женщина растерянно закивала головой, выглядела она слегка испуганной, наверное, не слышала, как Калина с отцом подошли,

– Конечно, конечно...

А мужчина повернулся на голос, бородатый, рыжий, и взгляд колючий, холодный, только бородка у него не такая как у отца – аккуратная, стриженная, городская,

– Тайга большая, всем хватит. – И поглядев на них оценивающе, добавил. – Вам-то точно останется.

– Большая. – Согласился отец. – Однако, не бездонная...

Мужчина ещё что-то буркнул в ответ неласковое, мол, ходят тут всякие, а потом... отвернулся и продолжил своё занятие. Отец в ответ промолчал, да и что тут скажешь, не ругаться же с мужиком. Они с Калинкой дальше пошли, у них и своих дел невпроворот, успеть бы...

Потом уже, ближе к полудню сели они перекусить у ручья, отец сказал – себе ли, к сыну ли обращаясь – с нескрываемой горечью,

– Вот так многие нынче живут, одним днём. А что после себя вокруг оставят, своим же детям, про то у них думы нету...

Сказал, и задумался. О чём? Калина не знал, но понимал в такие моменты отца лучше не тревожить, спугнёшь мысли, и разлетятся они как стайка испуганных воробьёв в разные стороны, потом ох как трудно их вместе собрать...

...Со временем крепко усвоил Калина те отцовские истины – жить своими руками, своим трудом, не жадничать, не брать лишнего. Тогда и вокруг всё будет идти как задумано. Кем? Это уже вопрос другой. На него каждый сам себе отвечает. Лично ему, почему-то представляется тот образ Христа, с иконы, что в родительском доме в красном углу стояла. Глаза чистые, голубые и прозрачные, точно небо в сентябре. И запах материнского хлеба тут же вспоминается...

А иногда хочется у родителей спросить – кем задумано? Да вот только тридцать лет уже, как нет рядом с ним ни отца, ни матушки. В один год он их схоронил. Там же, на пасеке, рядом с домом. Прошлый год ездил туда, навестить да могилки прибрать. Помнится, дорогу еле нашёл, так густо заросла вся. И поляна, где дом стоял, заросла, от дома даже остова не осталось – вообще ни брёвнышка. Что-то сгнило, а остатки местные мужики на дрова порастащили.

Только небольшой пригорок на месте дома, а на нём шалаш ветхий поставлен – толи живёт кто? Может, бездомные какие, а, может, и беглый какой-нибудь народец обосновался. Только вид у шалаша не очень жилой. Видно, что кострище вроде недавнее, камнями выложено, рядом рогатки воткнуты, перекладина лежит, наверное, чтобы таганок или чайник вешать, да тряпки в шалаше какие-то старые понакиданы, видать чтобы укрываться... Хотя, может, и живут...

Сами могилки родителей – немного в стороне – два бугорка. Нетронутые – видать есть понятия у тех, кто здесь в шалаше ютился... или ютится – однако травой подзаросли холмики сильно. Расчистили их Калина Иванович с женой – затем и приехали – поправили, цветы посеяли, пусть растут цветы, родителей радуют. Подумалось ещё тогда ему – вот так жили люди, трудились, детей вырастили... Теперь – два холмика. Конечно, он помнит родителей, да ведь и он не вечен. Они с женой уйдут, потом дети их... А дальше что? Что после них на земле останется, какая память?

...Вот и нынче, думает Калина Иванович. А что же дальше-то? Ну, срежут они сейчас трубу эту, будь она неладна, сдадут... и так почитай всё уже оборудование, все коммуникации в здании повырезали. Сколько здесь станков и аппаратов стояло, даже

когда бытовую химию делали! А сколько осталось?.. И всё – не впрок, всё через мажорский карман куда-то утекло. Видать, карман-то дырявый... или бездонный, как его, мажорские желания? Ладно бы с мужиками делился – где там! – самому мало.

Васильевича он понимает – сын всё же – и не понимает, неужто, не видит, гробит же парня, что из него дальше вырастет?.. Хотя куда уж дальше, за тридцать барçonку перевалило... А ведь помнит Володьку Калина Иванович пацаном ещё, лет пятнадцати помнит...

Теперь вот, вырос...

Глава девятая. Родом из девяностых

Володя Бобров, сын Виталия Васильевича, в девяностые взрослел. Хотя взрослел, пожалуй, сильно сказано – да и не про него будто. Рос, приспособивался к текущей ситуации, ну, и созрел, в том числе и в половом смысле. Погулял в своё время, пока не женился. Теперь вот вроде поуспокоился, даже внешне остепенился, оно и понятно, свой сын у него уже растёт.

Не сказать, что вымахал Володенька этаким недорослем, просто соразмерно того – поверхностного самого по себе времени, все его знания, полученные по этой жизни, были хаотичны – хотя и достаточно энциклопедичны, а потому поверхностны. Он быстро схватывал верхушки, мог поддержать разговор на любую тему, и не попасть при этом впросак, причём у собеседников складывалось довольно твёрдое убеждение, Володя Бобров глубоко владеет обсуждаемой темой, казалось даже, высказывания его умны и глубоки, по крайней мере, в рамках обсуждаемого предмета.

Конечно, по жизни Владимир во многом брал пример с отца, однако не настолько, чтобы всегда и во всём тупо подражать ему. Можно сказать, что у него постепенно складывалось своё чёткое миропонимание о том, как нынче нужно правильно строить свою жизнь. При этом Бобров-младший был твёрдо убеждён, что своеобразная логика девяностых – либо, фигурально говоря, имеешь ты, либо тебя – это и есть тот скелет, на котором всё в этом мире выстраивается. По крайней мере, в настоящее время.

Кого-то кинуть, обмануть, если это было выгодно ему, он не считал таким уж большим грехом, скорее это было даже достоинством. Главное, всё сделать так, чтобы тебя в этом не уличили, чтобы потом отвечать не пришлось. А ещё лучше вину на кого-нибудь другого перевести. Иными словами, кто не пойман – тот и не вор.

Потому-то и стремление отца непременно строить свой бизнес на развитие производства, изначально казалось ему неким архаизмом. Ну, понятно, ностальгирует батя, привык, что нужно что-то производить. А зачем, для кого? Если всё «за бугром» купить дешевле, например у китайцев. Не понимает батя, сегодня куда как выгоднее заниматься сделками с недвижимостью – покупать, продавать, в конце концов, сдавать эту же недвижимость в аренду... ну, уж в самом крайнем случае, если и производить, то что-то очень высоколиквидное. Например, продукты питания. Они всегда людям по жизни нужны будут. Ведь человек – что? Если вдуматься, он поел, через час – извинюсь – в туалет сходил, и опять – ему кушать подавай. Как только батя этого не видит?.. Вроде не глупый, взрослый мужик...

То, что случилось с Виталием Васильевичем в начале девяностых, когда он быстро сориентировался – вышел из партии и начал заниматься бизнесом – не его, пожалуй, заслуга. Когда всё это только началось, он-то тоже не сразу понял к чему всё идёт. Но привычка всё слушать, анализировать, да и неплохая вэпэшовская закалка подсказала – коммунизм, пожалуй что, заканчивается, так и не наступив, лишь помаячив где-то за горизонтом, и не лишним будет теперь в нынешней ситуации обеспечить своё светлое капиталистическое будущее. Иначе, так и останешься на бобах. Да и Катя ему

постоянно об этом твердила, напоминала, что сыновей у них двое, что их на ноги ставить необходимо...

Поначалу не верилось как-то в глобальность происходящих перемен, но постепенно к нему пришло разумение – откуда ветры дуют. Знамо из столицы, от столичной элиты, которая уже себе собственности понагрела, а теперь соображала, как собственность эту к делу приспособить. Чтоб прибыльно было.

Двигалось всё это словно по чьему-то хорошо выстроенному сценарию. Сначала госзаказ у комбината резко сократили; стали, сперва неназойливо, потом всё настойчивей и настойчивей подводить комбинатовских к мысли, мол, не очень-то продукция комбината и востребована, не очень-то и нужна она стране.

Хотя... раньше наоборот талдычили на всех перекрёстках, что нужно переводить предприятие на самоокупаемость, на конверсию... С самоокупаемостью как-то не очень получилось. Впрочем, как и с конверсией. Всё потому что строился комбинат первоначально, как предприятие оборонного комплекса, и создать что-то новое, качественное и не очень дорогое мирного хозяйственного предназначения, в одночасье практически на голом месте сложно. В принципе, невозможно. А заново новейшее оборудование закупать, да технологию отлаживать – дорого, никакой конкуренции, с теми же китайцами, на рынке не выдержишь.

Потом новый виток пошёл: акционирование. Вроде как все работяги сразу хозяевами стали... Но и тут гайдары, чубайсы, и иже с ними поначудили через букву «м»... Через всякие законы свои хитро-мутные, да через ваучеры подложные постепенно активы комбинатские вывели совсем из государственной собственности, и тут уж москвичи ушлые поналетели что мошкара на свет. И каждый с одной целью кусочек себе пожирнее ухватить. Тем более, головное начальство комбинатское, похоже, давно уже с банкротством мысленно смирилось, думается не без личной выгоды... Короче, сдали комбинат москвичам, как Виталий Васильевич понимал, подсказывал им это кто-то сверху. Не просто так подсказал, а предварительно материально промотивировав свою подсказку весомым конвертом с банкнотами... К бабке не ходи, настолько всё явно прочиталось. В итоге, всё шито-крыто, и в накладе никто не остался, кроме работяг комбинатских.

С Кириллом Васильевичем – новым внешним управляющим, а впоследствии и генеральным директором Виталий Васильевич общего языка найти так и не смог, к тому же этот казус с подписанным письмом в министерство, дёрнул же его чёрт тогда руку приложить вместе со всеми!..

Вот и оказалось, что не нужны новому комбинату – точнее тому, что после всех катаклизмов с акционированием и разделом от него осталось – ни сам он Виталий Бобров, ни его опыт, ни его знания. Понятно, что всё прошло, как кем-то было задумано. Виталий даже знал, процентов на девяносто девять кем, но говорить об этом вслух по старой взпэшовской привычке воздержался.

Многое обо всём этом тогда на кухнях женщины да в пивнушках мужики говорили-судачили, мол, американцы во всём виноваты... С американцами, конечно, всё понятно, может и виноваты... По крайней мере, им-то точно выгодно, чтобы наша страна развалилась. Как говорят, разделяй и властвуй. Но растаскивают-то всё – свои, доморощенные!..

Когда понял это, точно стукнуло что-то Виталия: если не теперь, то – когда!? Тем более, о том же и дружок его взпэшовский Теплов давно ему в уши пел,

– Бери, что можешь взять сейчас. Пока ещё Москва вообще всё не забрала. Они-то проглотят ваш городишко, и не поморщатся.

– Как возьмёшь, Игорь? Знаешь, сколько нынче желающих!

– Как, как... Пряма в наглуую – приходи и бери! Пока водица мутная. Протелишься теперь, потом поздно будет.

Конечно, по серьёзному Виталий Васильевич с москвичами копыа ломать не стал. Да и куда с его-то деревянной сабелькой против ихних танков да чемоданов с деньгами! Но вот этот участочек с котельной – по существу цех, да пару комбинатских зданий в самом городе успел выкупить да на себя оформить. За те самые ваучеры чубайсовские, которые по его же поручению несколько нанятых им торгашей у комбинатского люда на рынке по дешёвке скупали.

Так что на девяностые грех ему жаловаться. Потом торговлей занялся, как и все тогда. Тот же Игорь Теплов ему из Новосибирска товар подгонял, всё же в Новосибирске товары оптом в разы дешевле, порой, до двухсот, а то и до трёхсот процентов прибыли накручивали. Словом, развернулись они с Игорем тогда неплохо.

К тому времени Катерина его уже на пенсию вышла, коттедж они огромный построили на окраине города. Всё как надо – и газ, и воду подвели, и титан поставили – всё своё, почти автономное, ни от кого не зависели. Когда строили, думал Виталий, вместе с детьми жить будут, комнат вон сколько понаделали, одних только туалетных – три штуки...

Да только выросли дети, разъехались. Старший в Москве выучился на экономиста, своё небольшое дело открыл, женился, там, в столице и осел. Редко он теперь к родителям с внуками навещается. Больше они к нему в Москву.

И младшему – Вовке тоже с родителями тесно стало. Купили ему квартиру огромную, в центре города. В аккурат к их с Маринкой свадьбе. Всё ничего, Маринка, невестка, вроде шустрая им попалась, оборотистая, а вот Вовка явно не в отца. Долго запрягает, а потом не едет. Наверное, сами они с Катей где-то виноваты, избаловали его. Младшенький, на всём готовом вырос, ни в чём ему не отказывали. Одно только плохо – время нынче жесткое, вот уйдут они с Катериной – все мы не вечны – как он без них выживать будет?.. Может Маринка со временем его подтолкнёт? Или сам повзрослеет? Пора бы...

К концу девяностых, в начале двухтысячных многие по городу в торговлю вдарились, промышленные и пищевые предприятия пораззорились, людям работать негде стало – вот и пошли кто на рынок, а у кого деньжата мал мала были – свои магазины пооткрывали. Магазинов теперь в городе едва ли не больше, чем жителей. С тем же Игорьком Тепловым, благо в партшколе и экономические знания им неплохие давали, сообразили, пора что-то и самим бы производить, а то скоро продавать нечего будет, кроме «ножеч Буша» да дешёвых, одноразовых китайских шмоток.

С той же химией бытовой неплохо у них поначалу получилось, благо в дефиците тогда порошки да пасты стиральные были. Теплов через своих знакомых снабженцев линию для производства нашёл, отгрузил ему. А Виталий производство запустил, промышленное здание со всеми подведёнными коммуникациями у него – слава Богу – было, да и сам он изначально-то инженер всё-таки, химик по призванию.

Только одному всё равно, сложно, Калину Ивановича вот подключил. Ещё по комбинату они с Калиной хорошо друг друга знали.

Пришёл он сам к Калине с бутылкой коньяка,
– Помоги, Иваныч!

Тот посмотрел на коньяк с пятью звёздами, поморщился неопределённо. Ему, Калине, как-то свой, домашний первак приятственнее и по градусу, и по запаху. Но пару стопок с Бобровым он все же выпил. Потом вытер усы, затылок задумчиво почесал, помолчал немного, и сказал спокойно так, без суеты,

– Помогу, конечно. Чего, не помочь...

Точно знал Виталий, сказал Калина – помогу, – сделает.

Мужиков они подтянули своих бывших комбинатских, токарей, слесарей, электриков, женщин – аппаратчиц. Все люди грамотные, а главное ответственные, как-никак на оборонном производстве не один год проработали. Благо тогда из

комбинатских многие работу искали, а в торговлю идти – не всякому дано, там свой талант нужен. Да и поздновато после сорока профессию менять.

Потихоньку начали, благословясь. Двух месяцев не прошло – производство запустили. Вроде и сбыт налачился. Рабочим Виталий платил, как договорились, и они довольны, и им с Игорем прибыль пошла.

Все бы и шло так нормально, другая беда подступила – китайцы все одно одолели. Вроде и дерьмо поставляют, но цены на свои товары так опустили!.. В итоге, своей дешёвой продукцией все наши рынки завалили, а народ, как известно, на дешевизну падок. Да и как здесь не поведёшься, когда каждая копейка почти в каждой семье на учёте.

Пробовали они с Калиной Ивановичем у себя на производстве себестоимость снижать, только и линия у них устарела уже, энергозатратная стала, технология нынче быстро вперёд бежит, не поспеть за ней; да и сырьё всё из-за бугра возить приходится, а доллар растёт. На какие только ухищрения они не шли, пробовали сырьё на местное заменять – качество сразу падало, зарплату работникам срезали – люди роптать стали, потом уходить. Постепенно других набрали за меньшие рубли, однако понятно, какие деньги – такие и работники, пришли алкаши, да те, кого никуда больше не брали... Конечно, и этим платить нужно... Хотя, грешен, сам понимает про то Виталий Васильевич, но задерживать он зарплату стал... И по сей день задерживает. Да ведь сейчас везде так – самому поясок затягивать приходится, а своя рубашка, как известно, ближе к телу...

А тут, недавно, ещё и Игорёк Теплов взбрыкнул. Что-то, мол, доллар вырос – цены на сырьё подскочили. То тридцать процентов ему Бобров отстёгивал, теперь тот половину затребовал. Они там, в Новосибирске ушлые все, даром, что «сибстоличные». Вспомнил Виталий, как Теплов в разговоре обмолвился как-то,

– Мы – сибиряки! В столице Сибири живём!

– А мы тогда кто, по-твоему? – Перепросил Виталий.

– Кто-кто... Алтайцы – вы, вот кто... – Так и ответил, вроде шутя, но суть своего отношения ко всем «нестолчным» точно передал.

Всё понятно, у него теперь, у Игоря тоже свои трудности, с женой развёлся, с молодухой какой-то живёт, гражданский брак у них, видишь ли... Да только он-то, Виталий здесь причём. Ну купил компаньон оборудование, Виталий и не отрицает этого... Ну сырьё закупает и поставляет, ну сбыт находит... А в остальном-то, сидит он в своём Новосибирске да денежки считает... а, Виталий, здесь всё отладил, запустил, да и теперь весь пригляд за производством на Калине, а стало быть, на нём, на Боброве. Он здесь – горбатиться! Какая может быть компаньону половина? Ему-то, Виталию, тоже ведь семью кормить надо, договаривались же сразу, что семьдесят на тридцать. С чего он теперь-то своё Теплову отдавать должен!

Короче разругались, рассудились, разделились, да и закрылись. Из всех доходных источников осталась у Виталия теперь вот эта кочегарка с производственным зданием, в котором надеется производство возродить; немного площадей в городе, которые он под магазины и под офисы в аренду сдаёт. Да магазинчик этот, который он сыну со снохой отдал, в надежде, что те своё дело построят. Ну, если уж правду говорить, строит там всё Маринка. Сам Вовка пока при нём, пытается Виталий его в производство вжить... Но что-то не шибко-то Вовка вживаться торопится.

Оно и понятно, смотрит сын на Маринку, она в магазинчике продуктами кое-какими торгует, да пиво продаёт. Там, какая-никакая, – живая копейка, а здесь... Пока – никакая. Вот и ноет Вовка каждый раз, как только Виталий Васильевич пытается разговор с ним затеять:

– Бросай ты, батя, геморрой этот! Давай пищёвку какую-нибудь замутим. Посмотри, вон мужики лапшу заварную делают, каши быстрого приготовления... Знаешь же, как пищёвка нынче в лёт идёт. С неё и выхлоп поболее будет...

Вы-хлоп... Ведь взрослый вроде парень, а того и не понимает, чтобы производство пищевых продуктов с нуля наладить, нужно вложить как минимум столько же, сколько этот цех стоит. Да ещё, сколько намаешься с оформлением разрешений разных. Опять же в деньги всё упирается: роспотребнадзору дай, санэпидемстанции дай... Где же на всех напасёшься-то. Иными словами, для раскручивания пищёвки немалые оборотные средства нужны, а где сегодня её, эту оборотку, взять-то?

Так что, с Вовкой у Виталия Васильевича один головняк пока. Хорошо, хоть сноха шевелиться, да и у старшего ихнего – Александра в Москве всё нормально складывается, вроде...

Глава десятая. Петропалыч и Поллитрович

Попивает чай с медом вприкуску Калина Иванович в кондейке, да о своём думает. Только вот, что-то думы у него невесёлые нынче, да и медок, вроде бы и сладок, но почему-то аромата от него никакого не ощущается, оно и понятно – покупной мёд, не свой, как прежде, с отцовской пасеки. То же, да, видать, не то...

Этот мёд они на базаре с Людмилой нынче брали, в один из редких своих выходов «в город». Купили, как помнится, у какого-то ушлого мужичонки, вида довольно неказистого, да и глазки бегают воровато из стороны в сторону. Впрочем, много здесь на базаре нынче таких, на одно лицо.

У Калины Ивановича душа к этому продавцу сразу не лежала, но шибко уж жене мёда захотелось,

– Давай, возьмём. Давно медка не пробовали!

Калина Иванович только плечами пожал.

– Мёд-то свой, или как?.. – На всякий случай спросил, да и то – неудобно как-то молчать, когда что-то покупаешь, приспроситься и поторговаться в такой ситуации первое дело.

Жена его за рукав было одёрнула, чего ты, мол?..

– Чё, – не понял Калина Иванович, – покупаем же, надо про товар узнать как след: откуда, какого качества...

– Понятно дело, свой! – Мужичонка всё так же упорно ёрзал глазами. – На вот сам попробуй. – И здесь же запричитал напевно, речитативом. – Что ни на есть самый настоящий медок, самый сладкий, самый душистый, с самого настоящего надёжного, таёжного разнотравья!..

– Сам собирал, али пчёлы помогали? – Усмехнулся Калина Иванович.

Зачерпнул мёд ложкой, попробовал, врёт мужик конечно, – скорее всего, пчёл этих сахарным сиропом подкармливали, да и не похож он, мужик этот, на пасечника, больно неказист с виду да скользок, что налим. Скорее – перекуп.

– Ясно дело – пчёлки трудились...

– А, ладно... – В конце концов, махнул досадливо рукой Калина Иванович, а жене так бросил недовольно. – Бери, уже...

– Точно говорю вам, не пожалеете, мёдок – м-м-ма!.. – Мужик причмокнул губами, пытаясь выразить этим качество продукта.

– Ладно, ладно... – Калине Ивановичу не терпелось отмахнуться от продавца, как от назойливой, даже не пчелы, мухи, и снова жене. – Бери уж, давай скорее!.. Медоедка, хренова, ёшкин кот...

Потом всю дорогу думал, а ведь верно, на наших рынках всё так и построено – два потенциальных дурака: один – покупает, второй – продаёт. И неизвестно, кто кого объегорит... Потом, уже дома, ещё раз вспомнил мужичка, и как бы невзначай,

безотносительно – на самом деле, хотелось её реакцию увидеть – поинтересовался у жены,

– Людмила, а помнишь, что Яша писал?..

– Что именно?

Калина Иванович взял с полки – где у него лежали, чтобы недалеко, всегда под рукой – распечатанные листки письма,

– Ну, вот это вот. – Нашёл в тексте нужное место и зачитал. – «Удивило меня как здесь, в небольших городках частник продаёт свои фрукты и овощи. У дороги висит объявление с ценами, написанное от руки. Рядом – коробки с товаром и «коробка честности» для денег. Самого продавца рядом нет. Цена, как правило, занижена, а на качество товара – грех жаловаться. Подъехал к такому «магазинчику», взял, рассчитался, уехал...»

– Ты про наших подумал? Раз-меч-тался!.. У нас не только деньги заберут и увезут, но и всё остальное до кучи...

Долго они с Людмилой этот мёд ели, и до сих пор полбанки дома стоит. Отложил немного Калина Иванович в маленькую баночку, сюда вот на работу принёс. Не пропадать же добру, да и чай не пустой хлебать при случае. Только и здесь он как-то не очень идёт... Нет, не пахнет мёд, нет в нём знакомого с детства аромата трав... Снова пасеку Калина Иванович вспомнил, перед глазами бугорки родительских могил так и стоят, как наяву... Зачерпнул ещё ложку – не тот мёд, не батин!

Опять же рукой махнул на все думы, и чё голову ломать, ну решил хозяин здесь всё посрезать последнее, весь металл, – ему-то, Калине Ивановичу, что в том за дело... Запил горечь душевную чаем. Дерьмовый мёд, зря жену тогда послушал... Не даром говорят – послушай бабу... А оборудования вырезанного жалко. Сколько его здесь разного было, и вся техника рабочая, сколько бы ещё лет работала... Нет, порезали всё автогенном, повывезли в металлолом...

...С техникой у Калины Ивановича ещё с детства всё складывалось обоюдно полюбовно. Начиная от телеги гужевой, у которой батя ему, Калинке всегда смазывать подшипники в колёсах поручал; дальше – больше, лет с десяти он уже почти полностью отцовский Урал освоил, причём, батя так и говорил,

– Кто катается, Калинка, тот и колёса на мотоцикле качает.

А он что, он и не против. Зато когда они с отцом ездили за мукой, за крупой ли в деревенское сельпо, Калинка всю дорогу почти рулил, только у самой деревни отец махал сыну рукой:

– Тормози. Меняем. Не дай Бог, Петрович увидит, права у меня отберёт...

Петрович это ихний райцентровский гаишник. Знал Калина, что Петрович как отберёт, так сразу потом за поллитру и отдаст назад, так что не очень-то его и боялись мужики. Да и то сказать, права он отбирал у мужиков крайне редко, только в исключительных случаях. Но только отец есть отец, сказал – надо слушаться. Пересаживался, по деревне уже отец рулил. А обратно, снова, на том же месте они менялись местами, и уже на пасеку Калинка снова въезжал самостоятельно под укоризненное ворчание матери в адрес отца,

– Малой ведь ещё! Куда ж ты его за руль-то!

– Ничего мать, неча парня жалеть зазря, пущай изначально мужиком растёт!

Позже и в интернате, где Калина десятилетку оканчивал, в районном центре, был у них такой предмет – автодело. Калина этот предмет, впрочем, как и все остальные школьные дисциплины, кроме «вредной» астрономии – ну, не давалась ему наука о звёздах! – «на отлично» окончил. И права механизатора по окончанию получил. Сильно ему нравилось представлять в уме, как всё внутри у машины устроено, что и куда крутится-движется, что и как работает.

И не зря он этому учился, пригодились ему права. Практически всё лето, пока вступительные в политехнический институт не начались, Калина в райцентровской МТСе на тракторе отработал. А после, можно сказать, только с трактора слез и... сразу на вступительные экзамены, и сдал ведь всё на отлично – поступил с первого раза, куда и хотел.

Пока экзамены сдавал в общежитии жил. Потом – а вместе с Калиной поступил в институт сын председателя совхоза из их райцентра, они вместе с парнем школу заканчивали – родители посоветовались и решили им на двоих с товарищем комнату снять. Правильно решили, так им и сподручнее будет – меньше искушений разных. Мало ли что в городе... И к занятиям готовиться удобнее, если что не понял, у товарища спросить можно.

Честно сказать, сам институт на Калину сразу произвел сильное впечатление. Прежде всего, тем, что отличие от школы разительное: аудитории здесь большие, с огромными светлыми окнами. Не то, что маленькие, хотя и уютные классы в их интернатской школе. И отношение у преподавателей к студентам совсем другие, чем у учителей к ученикам: здесь никто за тобой не ходит, не уговаривает сделать уроки, никто не воспитывает, не учит как надо жить... Всё проще. Не выполнил что-то, не выучил – получи что заслужил.

Позже понял Калина почему так, здесь люди взрослые, а стало быть, и отношения между ними взрослые. Иными словами, многое регулируется меж людьми обыкновенной материальной заинтересованностью, как и везде в жизни: учишься хорошо – получай повышенную стипендию, с тройки на четверку перебиваешься – стипендия тебе обычная, а коли задолженности по учёбе есть – так и вообще без стипендии сиди, лапу соси.

Хотя, если задуматься, для него, для Калины, главный стимул – это, конечно, возможность знания получить. Учиться он любил. А иначе как, ежели задуматься, зачем он в институт пошёл, не за корочками ведь.

Однако были среди его сокурсников и такие: кто-то просто поступил, чтобы родители не доставали наказаниями срочно определяться по жизни, а кто-то и элементарно от армии «косил», как-никак институт с военной кафедрой, а значит по окончании – погоны лейтенантские с двумя звёздочками и военный билет офицера запаса, как специалисту оборонного предприятия. И ни какого-нибудь второстепенного специалиста – технолога, главного руководящего звена всего производственного процесса!

Деньги на тот момент у Калины свои были, слава Богу, за два месяца ему в МТС хорошо заплатили. Потому свою долю за комнату он за полгода вперёд сразу внёс, а с продуктами... – отец два мешка картошки на своём Урале привёз, мать ещё солений с отцом разных передала, крупы всякие и всё такое необходимое по мелочи... Так что, жить можно, по крайней мере, первое время. Однако понимал Калина, дальше надо будет жизнь свою как-то устраивать самостоятельно, негоже ему постоянно у родителей на шее сидеть.

Из всего богатого многообразия институтских впечатлений, Калина сразу как-то выделил для себя особой строкой здание институтской слесарки, что-то, точно родственное, тянуло его туда, будто магнитом. Как-то на одном из первых лабораторных занятий по физике преподаватель послал Калину за гайкой на двенадцать, не простой, а со штуцером, что-то вроде переходника,

– Пойдешь в слесарку, найдёшь Петра Павловича. Скажешь, от меня, мол, переходник от баллона на двенадцать нужен, со штуцером. Под шланг. Он знает...

Как говорится, посылают – иди. К тому же, были у него свой тайный интерес к слесарке, а тут, получается, повод сам его, Калину нашел.

Первое, что он увидел, открыв дверь мастерской, огромную гору металла: обрезки листов различной формы, куски труб разных диаметров, запорные вентиля в сборе и по частям, прутки арматуры, болванки, какие-то другие непонятные заготовки... Все это

было навалено прямо посередине, на полу и, как показалось Калине, занимало бóльшую часть комнаты.

Вдоль одной стены был расположен верстак с тисками, небольшой наковаленкой и другими слесарными приспособлениями. За верстаком, в углу стоял большой сверлильный станок, у окна на специальном металлическом столике был расположен наждак, а напротив верстака, у другой стены, как-то, как показалось Калине, очень сиротливо стоял, пожалуй, главный персонаж всего помещения – промышленный токарный станок средних размеров. Темно было в слесарке, свет выключен, окно зашторено, и только в углу из двери в небольшую кандейку пробивалась полоска света, оттуда же голоса слышались, негромкие, точно о чём-то спорили мужики.

– Хозяевá!.. Есть кто? – Калина из вежливости сразу громко обозначил своё присутствие, сделал шаг и споткнулся не то о трубу, не то о швейлер. – Чёрт!

В кандейке примолкли, не сразу, спустя полминуты дверь открылась, и в её проёме показалась грузная фигура седого солидного мужика в очках. С виду он был похож на интеллигента, если бы не грязная, засаленная фуфайка, надетая на нём, с оторванным карманом и рабочая простеганная шапка с завязками-утяжками, которую обыкновенно монтажники зимой под каску поддевают,

– Это кой-то здесь богохульствует? Кто лукавого в нашем храме металла поминает? – Строго спросила фигура зычным голосом.

Таким зычным, что Калина даже как-то растерялся, сроду за ним такого не водилось ране, а тут нате вам,

– Меня это... Физик... Артём Николаевич послал... К Петру Павловичу...

К первой фигуре в дверях присоединилась еще одна, будто бы слегка засушенная копия первой, небольшого роста, тоже в возрасте, и тоже профессорского облика, в войлочной куртке-спецовке, в спортивной шапочке и тоже в очках,

– Кха-ха... Слышал, Поликарп Петрович! Физик его послал! Николаевич! Ха-кха... – Второй персонаж явно не мог сдержать смеха, смеялся одновременно откашливая. – Ну, коль послал, считай, что пришёл куда надо. Я – Пётр Павлович, директор, так сказать, этого храма огня и металла, а ты кто будешь, отрок?

– Говорю же, от Артёма Николаевича я, штуцер на двенадцать нужен для баллона!.. – И немного собравшись, добавил обиженно. – Чегой-то у вас тут свалка какая-то?

Сухонький мужичок, не переставая подхохатывать и подкашливать, обратился к своему грузному напарнику,

– Ха-кха... Сва-алка... Видал, Поликарп Петрович, молод, нахален, дерзит!.. Ха-кха...

– Да не дерзю я, говорю же, штуцер на двенадцать нужен! – Калина начал терять терпение.

– Штуцер! Да что их там Артём ест их что ли, штуцера эти? Или так просто, надкусывает?..

– Ладно, Пётр, видишь, парень совсем растерялся! – Вмешался зычный, уже более спокойно. – Проходи, отрок, попей с нами со стариками чаю, заодно и изложишь по порядку прошение своё – чего тебе надобно.

Чаёк у Петра Павловича и Поликарпа Петровича, или, как их все величали, да и сами они друг друга так же называли – Петропалыча и Поллитровыча, оказался скорее крепким до неприличия, густым чифиром. Калина отхлебнул немного из вежливости из кружки и почувствовал, как проявилось и часто затुकало внутри груди сердце, даже показалось ещё немного и выскочит оно. А мужики спокойно прихлёбывали этот чудо напиток из почерневших кружек, да нахваливали ещё,

– Хорош чаёк!

– Да-а... Пожадничал ты, пожалуй, нынче с заварочкой Поллитрович...

– Не в заварке дело, Петропалыч. Вторяк! Не напарился ещё...

Несмотря на беспорядок нужную гайку мужики Калине нашли быстро, они были заготовлены и наздёваны на одну проволоку, связанную в кольцо. Все одинаковые, аккуратно проточенные и ровно приваренные к штуцеру с диаметральными утолщениями под шланг.

Провожая Калину, Петропавлович усмехнулся по-доброму, похлопав парня по плечу,

– А ты, юноша, говоришь, беспорядок. Беспорядок, это, паря не там, где металл в кучу навален, а там где в головах свалка и неразбериха царит, как в нашей госдуме. Вот с этого любой беспорядок и начинается. А здесь, в этой куче, я точно знаю, где и какая железякина у меня лежит. Так-то, молодой человек...

Спорным показалось тогда Калине это утверждение, особенно в той части, что про госдуму, по тому времени как-то не принято было деятельность верхов обсуждать, да и информации, кроме идеологически выверенной нигде не публиковали. Это вам не нынешняя разнузданная демократия СМИ. Но Калина почему-то промолчал в ответ, сразу не нашёлся, наверное, что Петропавловичу возразить.

...А сегодня как-то особо про это ему вспомнилось, подумал, как бы обращаясь в тогда, в то самое время, к Петропавловичу: «Эх, Пётр Палыч, Пётр Палыч, знал бы ты, какая свалка и неразбериха в головах у нынешних...». С сожалением так подумал, ведь, нет уж ни Петропавловича, ни Поллитровыча, не пережили старички девяностые.

А тогда, с первого знакомства, проникся он к хозяевам слесарки невольным глубоким уважением – трудяги, хотя и странноватыми они ему поначалу показались. Помнится, взяв нужный штуцер, прощаясь, уже на пороге спросил,

– А можно я к вам заходить буду?

– Заходи. – Согласился Поллитрович. – Ты хошь и богохульник, но, видать, парень, толковый, правильный...

Глава одиннадцатая. Победители

Грустно, грустно смотреть ныне Калине Ивановичу, как люди сегодня к работе относятся, всё абы как делается, на отъе... в смысле, как попало, лишь бы сегодня, лишь бы сейчас заработало, а завтра – хоть весь мир тресни.

Взять того же Григорьевича – лет мужику уже под сра... в смысле много, а тоже туда же. Ставит он паронитовую прокладку на паровую трубу – и ведь энергетик и по образованию, и стаж у Григорьевича огромный, прекрасно знает, что ровно вырезать и обжимать паронит равномерно надо, нет, вырезает как попало, с заусенцами, и тянет – глаза бы не глядели! – сначала два болта с одной стороны затянет почти до упора, потом вторую протягивать начинает... Мать его, кто ж так!... Ворчем ворчит на Афоню Григорьевича Калина Иваныч,

– Уж ты-то, Афоня, знаешь же прекрасно, перетянешь ту же одну сторону, сразу на стыке труб свистеть начнёт... Это же – па-ро-нит. Равномерно его тянуть надо, понимаешь, рав-но-мер-но...

– Да брось ты, Калина! Как засвистит, так и засрё... в смысле, заткнётся, а нет – ну, новую вырежем да поставим. Делов-то... Не своё ж поди тяну – барское...

– Но-ву-ю... Сразу-то по нормальному, не судьба сделать!?

– Кому оно нынче надо, по нормальному-та-а... – Вздыхает Григорьевич.

Или Васька давеча гайку на фланце насоса начал ключом с трубой надетой на него протягивать. Понятно, труба – чтобы рычаг у ключа поболее был. Да так сдуру дёрнул, что всю резьбу сорвал. Силы-то у парня немеряно...

– Что, Васька, силушка в дурь вся попёрла, так и ума не надо?

– А то! Чего голову-то зазря ломать, Иваныч? Она, небось, у меня одна-единственная, любимая... – Васька гладит себя шутливо по затылку.

– Три, три – глядишь, может лысину протрёшь! – И уже немного помолчав. – А-а... – Калина Иванович досадливо машет рукой. – Ну вас, недоделкины...

Действительно, чего с них ущербных взять-то? Благо бы они одни так, нынче все вокруг не только работают, но и живут по тем же принципам – было бы сегодня, а завтра... Точнее, выживают. Вся страна, вся Россия, куда ни глянь – сплошь одни ущербные да обиженные...

Наверно, потому-то с тоской огромной, с чувством большой благодарности вспоминает Калина Иванович ранешнее – то, своё, вроде бы и недавнее по меркам вечности время, и тех людей, конечно, у которых учился он чему-то действительно настоящему, полезному и нужному. Как тех старичков – Петра Павловича и Поликарпа Петровича.

Так уж у Калины сложилось – в силу его характера, воспитания ли – учиться он предпочитал самостоятельно, чтоб всё досконально узнать и понять. Как работает? Почему нужно делать так, а не иначе? И всё это в независимости от того спросят с него учителя потом или нет. Знал, в конце концов с каждого спросится. Так и батя его сызмальства приучал. Мол, присматривайся ко всему, примечай всё, смекай что к чему, в жизни авось и пригодится. Вот он и смотрел, сперва, как люди делают, уяснить пытался, почему именно так, а не иначе, почему именно в таком порядке. Потом, когда понимание приходило, сам пытался повторить увиденное. Сделать так, чтоб не спеша, чтоб аккуратно, чтоб надолго.

Особенно шибко интересовало Калину железки разные – всё, что касалось работы механизмов, машин; всё, что так или иначе руками делается. И в институте, недаром его в слесарку тянуло. Петропавлович и Поллитровыч, как он потом понял, люди редкостных качеств были, настоящие мужики. И специалисты они отменные: Пётр Павлович – сварной, как говорится, от Бога; а Поликарп Петрович – слесарь и токарь наивысочайшей квалификации. Такие штуки на стареньком токарном 1А616, сделанном ещё на московском заводе «Красный пролетарий», он вытачивал – залюбуешься!.. Без всяких там нынешних ЧПУ.

Вначале Калина заходил в слесарку в свободное от учёбы время частью по делу, частью по «личному интересу» – просверлить ли что-то, железку какую по мелочи проточить для хозяйственных нужд – Петропавлович с Поллитровычем ему позволяли, видели, парень старательный и дело слесарное ему к рукам. Потому и к станкам его допускали.

А то и просто заходил, посидеть – послушать мужиков. Слушать людей знающих, опытных куда как интереснее, чем самому что-то рассказывать. Это Калина знал. Бывает, что некоторые говорят сплошным потоком, слова не вставить, а если даже скажешь что, так понимаешь, говорящий кроме себя ничего не слышит. Словно глухарь на токовище. Это ещё отец ему в детстве объяснял, есть у глухарей такая особая косточка в ухе, и когда они токуют, косточка это барабанную перепонку птице перекрывает, потому глухарь и не слышит ничего. В этот момент охотник к нему близко подойти может...

Со временем прижился Калина у Петропавловича и Поллитровыча. Пригляделись к нему мужики, оценили старание, и Петропавлович, на правах старшего, помог пристроиться Калине в слесарку лаборантом. Калине только польза от этого, деньги, хоть и небольшие, но ему не лишние, не с родителей же всё время тянуть, они и так уже старенькие, впору уже самому им помогать. А подрабатывать в институте, так тогда многие студенты в разных лабораториях подрабатывали. И здесь у Петропавловича с Поллитровычем тоже официально – «лаборатория по механическому обслуживанию институтских лабораторий», так прям и записано в штатном расписании.

Видят мужики – паренёк Калина нормальный, от работы не бегаёт, да и рукаст, даром, что из деревни, ну и сходил Петропавлович в учебную часть, попросил за парня. В учебной части тоже с пониманием к этой его просьбе отнеслись,

- Пусть подрабатывает. Но, только чтоб после занятий!
- Знамо дело, во время занятий я его сам из слесарки метлой поганой выгонять буду! А так... и нам с Поллитровычем – подспорье будет. А то стары мы уже, зрение вон никакое...
- Зрение-зрением, зато руки золотые...
- Ну да, зо-ло-тые – зо-ло-тые... по-зо-ло-ченные...
- Всё б тебе, Пётр Павлович, на себя наговаривать. – Улыбнулась Людочка – молоденькая заведующая учебной части. – Вы у нас с Поликарпом Петровичем – мужчины ого-го!..
- Были ого-го лет этак ...надцать тому... а теперь одно «го» только и осталось...
- Скажете тоже...

Скромничал он, конечно. Залюбуешься, например, смотреть, как Пётр Павлович трубу заваривает. Кусок трубы в системе отопления прогнул совсем – свищ на свище – вот и нужно новый сварить. А труба прямо по полу лежит, и снизу к ней совсем не подлезть. Как быть? Да просто. Вырезает прогнувшийся кусок, торцы зачищает, потом отрезает из новой трубы кусок точно по размеру, у него с обеих сторон сегменты срезает под углом примерно 45 градусов, вставляет кусок на место и нижний швов изнутри трубы проваривает, получается, что варит-то он сверху – удобно, никаких проблем. А потом сверху вырезанные сегменты на место вставляет и обваривает их – опять же сверху – вот и всё, труба как новенькая! Называется операционная сварка. Калина сам сразу до такого не додумался бы, а так, посмотрел, да и взял на вооружение, теперь он и сам всегда так делает. Спасибо Петропавловичу.

А ещё помнит Калина, как однажды отчитывали его Поллитрович с Петропавловичем на пару, когда он гайку сдуру перетянул, да ещё и резьбу на длинной шпильке сорвал, в конце – и шпильку обломил, так, что её потом рассверливать пришлось, чтоб выкрутить из блока,

– Не руки у тебя, Калина, чисто оглобли. Тут не силой надобно, нежностью! В аккурат, как бабу!.. А ты... блин... дорвался и рад тянуть во всю ивановскую... Ильюша блин Муромец, крестьянский сын... Не успел с печи прыгнуть, как уже лавку проломил! Кто ж так крутит-то... Кто ж так тянет!.. Э-эх, молодёжь...

– Я ж потихоньку. – Оправдывался Калина.

– Потихо-оньку! – передразнил язвительно Поллитровыч. – Тут усилие на «плечо» должно быть не более... столько-то, столько-то... килограмм сил на сантиметр квадратный... – И далее как по тексту «Справочника машиностроителя» шпарит...

Сначала Калина думал, от фонаря шпарит старый, рисуется перед ним, однако потом многие его подобные изречения с этим справочником самолично сверял, нет, не ошибается Поллитровыч ни на килограмм, ни на сантиметр, будто помнил он этот справочник наизусть, как прилежный школьник таблицу умножения.

– Запомни, Калина, нельзя гайки перетягивать, нигде и никогда. Резьбу сорвёшь, новую такую же на эту деталь уже не нарежешь.

– Да-а, твои бы слова, Поллитровыч, да руководителям страны нашей в уши. – Подакивал Петропавлович. – А то крутят, крутят гайки – скоро так уж закрутят, что у людей точно не только резьбу, но и крыши посрывает...

...И снова, и снова в голове у Калины Ивановича слова старичков, словно разговаривает он с ними, советуется, свои мысли с ними соизмеряет: «Э-эх, дорогие мои старички, на сегодняшних бы правителей вы посмотрели... Не то что резьбы, уже и терпеж у людей давно кончился, а там вверху всё тянут и тянут упорно ключом да ещё и с трубой на него надетой, так поджимают, что всё вокруг пищит. И когда уже успокоятся-то? Когда насытятся!?!».

Но самый, пожалуй, впечатляющий урок для Калины случился, когда зашёл он в слесарку во «внеурочное» время, на праздник Победы – 9 Мая. На сгоне ему резьбу нужно было проточить, отопление на съёмной квартире потекло, поменять решил. Тоже трубы прогнили, дом-то старый. Когда ему ещё делать, как не в праздник. В будни-то учёба, работа...

Зашёл в слесарку, а там Петропавлович с Поллитровичем. Знал Калина Иваныч, что оба старичка – фронтовики, награды, вроде, боевые имеют. Пётр Павлович на флоте служил, на Балтике, юнгой ещё, а Поликарп Петрович всю войну от Москвы до самых границ Германии артиллеристом прошёл, в конце войны ранило Петровича, так что День Победы тогда он в госпитале встретил. Не раз Калина в рабочие дни слышал, как подварчивают старички друг на друга,

– И чего ты, Петропавлович, жалишься? Проплавал всю войну на своём корыте!..

– Плавает, знаешь что?.. Я на противолодочном катере по Балтике ходил... А ты, всю войну из своей пушчонки пропукал!..

– Ежели насчёт ходил, так то я со своей сорокопяткой! Почитай всю Европу пешком, да ещё и руками потолкать железякину эту пришлось...

И как-то привык Калина к этим их перебранкам. Внимания не обращал, да и не особо вдумывался в их слова. Представишь так, два мужика в спецовках, пожилые, сидят, чифир попивают, дружески переругиваются, незлобно так...

А тут зашёл Калина в слесарку и обомлел, они, два старичка в костюмах отглаженных – видать, только-только с торжественного собрания вышли, естественно, через магазин да в слесарку. Домой со спиртным не пойдёшь, там бабки им такой разгон устроят, стало быть, – сюда.

А на костюмах у них наград, больше чем звёзд на небе в ясную погоду! И чего тут только нет: и медали «За отвагу», и «Слава» солдатская... И... словом, у каждого свой полный «иконостас»! Никогда их такими Калина допрежь не видел. Глаза у парня округлились, так молча, на пороге столбом и застыл.

Глянул на него Поллитрович, всё понял и усмехнулся хитро так:

– Чего, Калина, не от блеска ли ослеп? Ты уж, брат, не серчай, мы с Петропавловичем сегодня поблестим маненько, а завтра опять здесь в нормальные куфайки вырядимся, по-привычному, по-рабочему...

– Лучше к нам давай, не побрезгуй, поддержи уж дедов... – Кивнул, согласившись с другом, Пётр Павлович, указав Калине на стол с нехитрой закуской и начатой бутылкой водки.

Другой раз отказался бы Калина, конечно извинившись перед мужиками, но точно бы отказался. Как-то не любил он этого баловства. А тут не посмел отказать, уважил стариков.

Да-а, где они нынче те геройские мужики Пётр Павлович с Поликарпом Петровичем!.. Лет десять, как схоронили...

Глава двенадцатая. Васькины Марушки, Сашкино Солнышко, Афоново счастье и зарплата в конвертах

...На следующий день привёз им хозяин пропан, срезали Калина Иванович с Васькой трубу, сложили. А сегодня вот все вместе они вышли, чтобы нарезанное погрузить. Сидят машину ждут, Васька по обыкновению байки травит, чтоб не скучно сиделось, уж чего-чего, а языком молоть он горазд, особенно когда кураж поймает. Видать, на зоне хоть чему-то полезному научился. Хотя, и не любит Калина Иванович, когда языком зря чешут, но с другой стороны, машины пока нет, не сидеть же с постными лицами, пусть мужики хоть чай попивают не впустую, а вприслух с Васькиным брехом.

Ваське, хоть и сорок, но он здесь в кочегарке на болоте – самый молодой. Все остальные по сравнению с ним «деды» – Сашке-ленину под пятьдесят, Афоне Григорьевичу – и того больше. Хотя, что касается жизненного опыта, школа у Васьки посуровее, чем у прочих будет. Так это Калине Ивановичу видится. Ведь, ежели разобраться, у Васьки свои «университеты», одни его «командировки» в места не столь отдаленные чего стоят.

Родители Васькины всю жизнь на комбинате вкалывали. Отец в комбинатском гараже – шоферил, сначала на газике полста первом, потом на зилу сто тридцатом. А матушка в строительном цехе – маляром-штукатуром так и трудилась всю жизнь до самой пенсии.

Оба родителя – рабочая косточка, труженики, честно работали, только своим трудом жили. Васька, не сказать, что не в них пошёл – работать он тоже умеет, руки у него под то, что надо заточены. Да и, когда объясняешь ему что-то, схватывает быстро. Только оступился парень в молодости, а дальше пошло-покатилось. По дурости с дружками подломили они киоск Союзпечать, и взяли-то всякую мелочёвку, в основном за сигаретами полезли. Выпили. Очень уж курить захотелось. Как-никак Васька с пятого класса курит, а тут как назло сигареты и у него, и у всех его дружков как-то враз закончились. Вот и полезли. Дураки, конечно, но что с пьяных взять...

А взяли их тогда тут же на месте – милицейский УАЗик мимо ехал – и загремел Васька по малолетке,

– За всю свою жизнь столько не ржал, сколько на хате. – Конечно, это теперь Васька хорохорится, мужикам заливает, не думает Калина Иванович, что сладко ему там «на хате» пришлось. – Там если не смеяться, во-отще, крыша набок накренится...

– Во, смеху-то... – Бурчит недовольно Калина Иванович. – Кому что, а нашему дитяте, что не бумажка, то – фантик для кота.

– Всё тебе Иваныч ворчать по-стариковски, – Васька продолжает хорохориться. – Тебя б туда на годик хотя б, и ты бы наржался до сблёвиков. Особенно когда зелёных в хате прописывать начинают...

– Благодарствую, лучше уж вы к нам, а я как-нибудь и здесь погожу... Дурень, Васька, как есть, дурень.

– Спасибо, Иваныч... Ругай, от меня не убудет. – Васька Калину Ивановича сильно уважает, говорит с ним в меру вежливо, хотя своё упрямо гнёт чертёнок поперечный.

Ещё и пропел шутливо вприхлопку:

– Меня мама всё ругала, чё ни тем не то давала. А я ж поманенечку, я ж давала семечки!..

– Точно, дурень! Ещё и маму приплёл...

– Не, Иваныч, не прав ты. Мамка – это святое. Кто ещё нас дождётся и простит? Маруськи что ли? Хрена там!.. Мамка, токмо мамка...

Заметим, что все особи женского пола старше восемнадцати для Васьки – Маруськи, младше – соплюхи. Причём всё это ласково, и обижаться за это на Ваську не стоит.

– Это чтоб не путаться. – Объясняет Васька. – А то ошибёшься невзначай, скандал. А так, Маруська и – всё...

Даже Наташка, с которой он теперь сошёлся, по разумению Калины Ивановича, серьёзно, и живёт уже года два, тоже – Маруська.

Васька и дочку Наташкину – соплюху – обожает, по утрам её в школу самолично отводит, деньги постоянно на шоколадки ей даёт, когда у самого есть. Да и к Наташке своей Маруське он тоже неплохо относится,

– А чё, Иваныч, девки у меня нормальные – и Маруська, и маленькая соплюшка... Верись – нет, Иваныч, придёшь вечером домой с работы, то Маруське чё-нибудь прибьёшь, гвоздь какой, чтоб полотенце вешать, то с соплюшкой примеры школьные

порешаешь – я ведь, Иваныч, оказывается ещё считать не разучился – и никуда уже к друзьям-собутыльникам не тянет... даже воровать не хочется. – Последнее Васька как бы в шутку говорит, но глаза при этом серьёзными остаются, грустными.

Калина Иванович молчит, но такой настрой Васькин одобряет, даст Бог, исправится парень, глядишь, станет как нормальные люди жить.

А Васька, знай, дальше мужикам под чай заливаёт-рассказывает,

– Короче так, был у нас на конюшне мерин здоровый, Семенным звали. Я на нём воду в столовку возил, а оттуда говно всякое на помойку...

У Калины Ивановича дальше уже слушать Васькин трёп – терпежу нет, да и времени на это жалко. Не понимает он, чего это они там так весело ржут – Афоня Георгиевич да Сашка-ленин – третий кочегар, этакий чудик и везунчик с точностью до наоборот.

Во все дурацкие ситуации Сашка по жизни обязательно попадает, ни с одной не разминётся. А Лениным его мужики промеж собой величают, подначивая. Наверное, за лысину его огромную, и зато что сам ростом невелик. Только Сашке дела до их глупых подначек мало, он всё на шутку сводит,

– Зато умище, умище-то куда девать!

– Умник... Мать твою! – Это Георгиевич хмыкает.

– А ты думал! – Ерепенится Сашка. – Не глупее поповой собаки, что в постных щах кость ищет...

– Может, и не глупее... – Ворчит Калина Иванович.

Вообще, что касается Сашки, Калина Иванович давно для себя уяснил – не мужик, одно сплошное ходячее недоразумение. До пенсии ему лет пять ещё, а стажу год-два и обчёлся.

Однако к Сашке у Калины Ивановича особое отношение. Чувствует он себя не то чтобы Сашке обязанным, но что-то такое... Так уж получилось, что Сашка ему, когда они с ним на комбинате работали – город небольшой, поэтому все здесь через одного либо родственники, либо на комбинате работали – невольно жизнь спас. Запускали тогда новое производство. Народу на монтаж оборудования понагнали со всего комбината. Калина Иванович как раз одной из таких ударных слесарных бригад командовал. А Сашка у него в подчинении был.

Начальство торопит, им быстрее отчитаться, что запустили перед министерскими надо, все бегают, суетятся. Бардак полный. На одном здании оборудование уже обкатывают, на соседнем – ещё монтируют... И везде полные здания людей.

Так случилось, что Калина Иванович с Сашкой насос финский вместе разбирали, чтобы его с двигателем состыковать, нужно было подшипник с вала насосного сдёрнуть. Попробовали по-русски с помощью лома и какой-то матери, не получилось. Посмотрели инструкцию, а там прописано, что для снятия этого подшипника нужен специальный гидросъёмник с усилием несколько тонн. Вот тогда Сашка Калине Ивановичу и сказал,

– Ну-ка на фиг, Иваныч, наработались, однако, пойдём курнём!

– Всё б тебе курить. – Проворчал Калина Иваныч, однако пошёл за Сашкой на проходную.

Метров тридцать от здания отошли, а оно сзади рвануло, потом ещё, ещё... Никогда так быстро Калина Иванович не бегал. Спрятались за рабочим вагончиком, когда сверху на них камни и пыль посыпались, буквально по стенке размазались. Переждали, и дальше отбежали. Мимо мужик идёт, глаза у него навывкат, качается что пьяный, а из-под рукава кровяца хлещет, вокруг него мастерица с соседнего здания бежит, истерит.

– Тихо ты! – Цыкнул на неё Сашка.

А Калина Иванович оторвал от своей нательной манишки рукав, перетянули мужику руку выше локтя, довели до медпункта.

Как оказалось, из того помещения, где оборудование обкатывали, охлаждающий рассол на соседнее здание с повышенной температурой отходил. То есть, шел перегрев аппаратов. Но почему-то никто тревогу не забил, и команду людей из здания вывести не дали. Бардак и разгильдяйство.

В итоге, здание, которое рвануло, развалилось полностью. И только по счастливой случайности – в момент взрыва кто-то вышел как они, кто-то в безопасном месте находился – происшествие обошлось без серьезных человеческих жертв, больше напугались люди. Да этот мужик, как оказалось, строитель, с вышки соседнее здание из краскопульта красил. Стекло из окна выскочило и ему по венам...

Так вот и получилось, не уведи его тогда Сашка курить...

Голова у Сашки огромная, приплюснутая, точно глобус, сам роста – метр с кепкой, да ещё и прихрамывает на правую ногу. Травму эту Сашка на производстве получил, да только так тогда всё оформили, что, мол, по своей вине. Работал он тогда на комбинате, дежурным слесарем. Со смены домой возвращался, шёл по территории, глаза в небо пялил, звёзды ли разглядывал, или ворон считал – теперь и сам не вспомнит – а под ногами канализационный люк неприкрытый незнамо как оказался, ну и свалился Сашка в него, ногу сломал, да пару ребер. Гипс наложили. Рёбра быстро срослись, как на собаке, а вот на ноге косточки сикось-накось встали.

И ведь, помнит Сашка, не было у люка того никакого ограждения, но в акте по форме Н-1 написали – было, мол. Мастер из цеха пароводоснабжения к Сашке в больницу приходил, уговаривал Ленина. А то, мол, засудят его, мастера, а у него – и жена, и детишек трое. Ладно бы порожняком пришёл, там бы всё понятно, а то литр коньяку армянского Сашке приволок. Ну, Сашка сдуру и согласился, подписался, что, мол, сам он ограждения не заметил.

Два раза ему потом кость на ноге ломали доктора, но хромота у Сашки так и осталась. Теперь вот он на ногу западает, как щенок-подранок, но ничего, привык... Беда только, после травмы почти нигде официально не работал, все больше по шабашкам, а в последнее время вот здесь на болоте прижился...

...Раньше-то, Калина Иванович историю эту знает, у Сашки своя квартира была, от бабки ему осталась. Бабка, перед тем как помереть, квартиру Сашке отписала, а после её смерти он сразу в бабкину двушку переехал. Как только вступил в права наследства, сразу продал двушку. Купил себе Нисан, не старый ещё – вполне нормальный, хоть и с рук. И комнату в малосемейке. На работу приехал на Ниссане, в новеньком модном спортивном костюме, в чёрных очках. С мужиками через губу поздоровался, прямо читалось в его тоне, мол, крут я нынче, а вы кто такие, голь перекатная!.. Мужики плечами пожали, чего на больного обижаться. А через неделю, кувыркнулся Сашка на своём Ниссане, да ещё раза три кряду.

– И как смог-то только, на ровном-то месте? – Недоумевали мужики.

Нисан, и не то чтобы всмятку, но помят здорово, крыша, стойки, да и всё остальное. На штрафстоянку Нисан Сашкин эвакуатором утащили. Ленин лысину почесал, забрал, да и отвез Ниссан на авторазборку. Сдал как металлолом, а на те деньги, что выручил, купил мокик импортный.

Опять Сашка крут, опять с мужиками через губу разговаривает. Только в первый же выезд, гибэдэдэшники его остановили, мокик у Сашки не зарегистрирован, да и в правах категории соответствующей нет... Короче, навешали Сашке лапши на уши, по...нацать килограмм на каждое, отобрали мокик. На штрафстоянку поставили.

Тут уже Сашка расстроился. Запил. Даже забирать своё имущество не пошёл. Гибэдэдэшники ждать Сашку долго не стали, продали мокик по дешёвке. А Сашке вообще ни копейки не дали, видят, парень блажной, ну и догрузили его по полной. Мол, сам виноват, за стоянку платить надобно, а ты не забираешь мокик свой, вот вырученное в оплату за стоянку и ушло.

Почесал Сашка лысину, продал комнату – снял комнату, да на разницу купил велик скоростной, на нём на работу и добирался, почитай круглый год. Как только снег сойдёт, Сашка на велике, и так – до самого зазимка. На работе тоже часто вокруг здания круги нарезал.

Спрашивают мужики,

– Никак, Саня, на чемпионат мира по велоспорту готовишься?

– Не... Просто ногу разминаю.

– Вот дурень, – промеж собой пожимали плечами мужики. – Меньше чем за год всё бабкино наследство профукал.

А Сашка в ответ только над собой подхихикивает, не жили, мол, богато, не фига и начинать.

...Слушал Калина Иванович, слушал трёп мужиков, надоело ему лясы точить, лучше уж в цех сходит, глянет, всё ли там у них приготовлено к погрузке. Впустую языками лязгать – только зазря время терять, про то ещё батя Калину Ивановича учил. Правильный он мужик был батя, не любил пустобрёхства, потому как надо, чтобы у человека руки делом заняты были, тогда и дурь разная в голову не лезет.

Только он от мужиков вышел, машина пришла, металловоз. Специальным «пауком» с лапами для погрузки оборудован, зацепит водитель этими лапами пачку труб и – в кузов. Полчаса не грузили, быстро справились. В аккурат к концу погрузки барчонок подъехал, заглянул критически в кузов,

– Маловато, пожалуй, металла будет!

– Всё, что нарезали. – Пожал плечами Калина Иванович.

– Мало!? Так, давай твоего мерса догрузим!.. – Как всегда Васька со своим длинным языком встрял.

– Обязательно догрузим, только за твой счёт... – Огрызнулся барчонок. – Ладно, поехал металл сдавать, некогда мне тут с вами бездельниками прохлаждаться...

Только вслед мерсу всем скопом и поглядели мужики молча, один Васька не сдержался, бросил задним числом, как плюнул,

– Чуйка какая-то у мажорчика на бабло что ли? Чуть запахло, он тут как тут...

...На следующий день снова и кочегары все собрались, и Калина Иванович тут же с ними, снова чай попивают да байки травят. Настроение у всех хорошее, металл вчера барчонок увез – сдал, сегодня, глядишь, деньжат хозяевá подкинут.

Васька, знай себе, заливаает, знамо язык у него без костей. Сашка его внимательно по-детски слушает, и ржёт, Афоня Григорьевич тоже иногда Сашку ржанием поддерживает, ну а Калина Иванович так – нехотя слушает, вполуха...

– Ка-ка-как заливаает, чёрт! – Сашка через силу сглатывает хохот, обращаясь к Калине Ивановичу. – Семенной и пять тёлочк?.. Ха, ха...

Калина Иванович не стал с ним в разговор вступать, только рукой махнул равнодушно, мол, мели Емеля, твоя неделя. А Васька знай, трепет и трепет,

– Ну да, пять! – Рассказывает он артистично, руками жестикулирует, на зоне в художественной самодеятельности, поди-ка, участвовал, вот и поднатаскался байки травить. – Короче, выстраивает он тёлочек в шеренгу, и как настоящий генерал... обход им устраивает...

– Ха-ха-ха... Знатно, Васька, по ушам паришь!..

– Что – ха? Что – паришь? Банщик я тебе, что ли! – Наезжает с ходу Васька, не со зла он так вдЫбки сразу, это у него просто защитный рефлекс такой выработан. – Как дитё ты, Ленин! Я ж тебе дураку правду истинную глаголю, чё младенец...

– Младенец! Глянь на него, т-твою мать... – Это Григорьевич, слушал, слушал, да, видно, не утерпел Васькиного вранья, возмутился. – Эх, Васька, тебе б хучь теперь на сцену, вместо самогó Миши Евдокимова...

– Ага, и Петросяна с Петросяншей... Да твоему Мишке Евдокимову до меня, что мужику до вора!..

– А сам ты-то – вор что ли?

– А то!.. – Васька нарочито шутливо подмигивает, и картинно приподнимает свою знаменитую кепку, мол, наше вам. – Вона, видал!

И зимой, и летом, и в холод, и в жару у Васьки один головной убор – кожаная восьмиклинка, настоящая воровская,

– Это дружбан один... – спец! – мне её подарил, когда я последний раз откинулся. Кожи у нас в хате на складе полно было. «Зелёных» многих, из тех что по дури первый раз попадали, так в кожаных в хату и привозили. Им, понятно, спецуху выдадут – штанишки да подштанники, пиджачок да куфайчонку, а кожан ихний – на склад. Там он и гниёт, пока фраер чалился. Ну а, чтоб добро не пропадало, умельцы из них кепки шить намастырились...

– Да-а, знатная кепка. – Завистливо тянет Сашка.

– Тебе бы такую. – Ухмыляется Васька. – Точно, а, Ленин! Да ещё броневилок для комплекта, чтоб речуху с него толкать сподручнее было...

– Правда Иваныч говорит, дурак ты, Васька... – Обижается Сашка, идёт курить, на ходу доставая мобильный телефон.

– Первый пошёл! Опять своё «Солнышко» по всем значным местам вызванивать будет... – Григорьевич шутливо подмигивает Ваське. – Не иначе, на час на мобилу подсел, одно слово – Ленин.

Все на болоте знают, пока Сашка на смене, благоверная его вполне запить по чёрному может. Сошелся он совсем недавно с одной бабёнкой разбитной – Ленин, есть Ленин – комнату в трёшке сняли. Теперь вот и телефонирует ей по делу и без дела,

– Привет, Солнышко моё! Чем ты занимаешься, лапуша? Телевизор чё ли смотришь?.. Да, да, когда в магазин пойдёшь, хлеба не забудь на ужин взять, макарон ещё, сигарет мне пачку, а то у меня закончились почти... – Сашка буквально прилип к трубке, деловито расхаживая вдоль здания. – Куда, куда? К подруге?.. Не-е, не ходи, вечером приду вместе сходим... Чего мерить? Какую ещё кофточку?.. Чё денег лишних много! Говорю, не ходи, потом вместе сходим, тогда и посмотришь кофточку свою! Нет, и пива больше литра не бери! Поняла?.. Ладно, Солнышко, мне работать тут надо. Пока, пока...

– Ну что, дома ещё Солнышко твоё, не закатилось ещё куда-нибудь? – Это Григорьевич с Васькой подошли.

– Дома... – Сашка вздохнул. – Опять к подруге мылится. Кофточку, вишь ли, смотреть ей надо срочно. Подруге велика, вот и сватает моей дурёхе. Только, чую, не в кофте там интерес, опять пива надуются, как всегда. А то и за самогонкой в соседний барак сгоняют... Там бабка одна постоянно торгует, и днём, и ночью. Чтоб ей пусто было! Для таких вот как эти... ну просто мать родная, мать её...

– Не пойму я, Саня. Она бухает, а ты потом, как дурак, её бегаешь ищешь, чего не выгонишь-то? Неужто, самому ещё не надоело? – Поинтересовался Григорьевич.

– У меня-то как раз всё понятно. Солнышко, знаешь, как ножки раздвигает! А шевелиться – чисто гимнастка! – Сашка даже глаза закрыл, представив удовольствие. – А вот ты со своей бабкой живёшь... Зачем, знаешь?..

Григорьевич задумался,

– А, действительно, зачем?.. Мы с ней, Сашка, уж лет сорок как живём... Привык, видно, уже. Без неё под боком и заснуть не могу...

Брешут так, перебрёхиваются, а тут как раз и зарплату подвезли. Не хозяин, не барчонок даже – бухгалтершу послали, сразу подозрительно как-то показалось. И точно, как показалось, так и случилось, сунула бухгалтерша им конвертики из стандартных

листов формата А4 свёрнутые, каждый пофамильно подписан. Сунула, да в машину прыгнула шибко уж проворно. И по газам, никто из мужиков конверт ещё и развернуть не успел, а её уже след простыл. Конверты какие-то подозрительно тонкие...

Развернул свой конверт Васька и сходу смачно матюгнулся,

– Блях... Нах...

Другие мужики тоже конверты развернули. Далее последовала чисто немая сцена. Потом, через недолгую паузу, всех точно прорвало:

– Совсем охренел барин! Чё мне бабке теперь говорить? – Григорьевич возмутился.

– Опять барин с барчонком всё располовинили! Там металла тысяч на сорок-пятьдесят отгрузили!.. – Сашка растеряно мнёт в руках одну-единственную тысячную бумажку. – Мне ж этого даже за хату хозяйёвам отдать не хватит! Как пить дать, сгонят нас теперь с Солнышком, выставят на улицу! Чё теперь делать? Как дальше жить!? А, Калина Иванович?..

Тут ещё и Васька ему припомнил,

– Говорил тебе, Иванович, давай немного закуркуем. Хоть на сигареты бы копеечка была...

...Точно, помнит Калина Иванович, предлагал Васька вчера часть труб припрятать да самим втихую на приёмку отвезти и сдать. Вспылил на него тогда Калина Иванович, редко он таким себя помнит,

– Дурень! Мало тебя жизнь учит – не твоё, не лапай! Опять на зону захотел!?

– Да, чё ты, чё ты... Иваныч, он же завтра нас всех кинет!..

– Кинет и кинет... Его проблема. А тебе сказано, не твоё – не трожь! Только попробуй мне, паршивец... Руки пообрываю!

– Ну и ладно, пусть баре этими деньгами подавятся... – Обиженно согласился Васька, да и как не согласиться, когда Калина Иванович так разошёлся,

– Вот и пусть давятся, а ты – не трожь!

А сегодня Калина Иванович только вздохнул и молчит в ответ. Конечно, он и теперь уверен, не твоё – не трожь! Да только ведь и Васька прав, кинул их барин. Понимает Калина Иванович, надо бы чего-то мужикам теперь сказать, поддержать как-то, успокоить, а то ведь – сердце ему вещает тревожно – пойдут сегодня его орлы в пивнушку, и с обиды огромной всё до последней копейки там просадят. Вообще ничего домой не принесут... Кому от этого лучше?..

Только что тут скажешь-то, какие тут слова найдёшь? Правы они, как есть правы мужики – охренел Васильич, зарплаты уже под сотню тысяч каждому должен, не меньше, а отдавать непонятно из чего думает, да и думает ли вообще?.. Пожалуй что, и с этим долгом кинет он мужиков, как пить дать, кинет.

Видать, его нынче крепко накрепко за горло кредиторы ухватили... Да только это его дела, его долги, его проблемы, занимал-то когда, что-то поди думал – как потом рассчитываться будет. А то, что с мужиками не рассчитывается, это – плохо. Причём мужики-то здесь, у них, у каждого свой расчёт на эти деньги...

Глава тринадцатая. Свой дом, своя крепость...

Нет, не зря, не зря сердце Калине Ивановичу вещало, на следующее утро, как и предполагал он, мужики на работу по одному подтягиваться стали, хмурые, помятые, нехотя, кое-как...

Ведь и Григорьевич-то – пень старый! – и так уже весь сморщенный, согнутый, как крючок, и тот всё нынче воду с утра попивает, да на давление жалуется. Какое там, на хрен, давление! Видно, что колотит мужика, и нешуточно подтряхивает... У Васьки, у того, вообще вся морда повдоль и поперёк содрана как наждаком, точно парень всю ночь носом землю пахал.

– Чё, Васька, асфальтовая болезнь?.. – Недовольно поинтересовался Калина Иванович, впрочем с нескрываемой издёвкой в голосе.

– Она, она, Иваныч, будь она неладна... – Васька на удивление спорить не стал, только нахмурился виновато, сам, поди, чует шельмец, – начудил вчера с избытком.

Знает опять же, промолчит Калина Иванович, глянет так укоризненно и промолчит. Вот и опускает глаза, мол, знаю, Калина Иваныч, всё знаю, всё осознаю, повинен. Да только куда деваться...

Да что Васька!.. Сашка-ленин, тот вообще учудил, даже мозг сразу поверить в такое отказывается! Оказывается, ещё с вечера привёз он сюда в кочегарку с собой на велике, на багажнике огромный рюкзак со своими вещами, да одеяло стёганое, старенькое, дырка на дырке. Расположился в углу на лежанке и дрыхнет, паршивец.

– Ты чего это, болезный? – Потряс его утром за плечо Калина Иванович. – Никак, жить сюда совсем переехать собрался?

– А-а? Чё? – Очухался Сашка.

Что-то невнятное в ответ бормочет, а что – Калина Иванович толком разобрать никак не может.

– Чего случилось, спрашиваю?..

Только потом, спустя какое-то время, более-менее внятная картина начала складываться у Калины Ивановича из Сашкиного сбивчивого рассказа.

А произошло вот что. Хозяин квартиры, где Сашка со своим Солнышком снимал одну комнату, тип мутный и странный весьма, похоже, из полукриминального круга, в очередной раз – уже в который – зашел к ним за арендной платой. Сашка с Солнышком к тому моменту уже всосали в себя с горя по полторашке пива и, никому не мешая, отдыхали себе мирно на диване, осмысливали случившиеся.

Увидев такое, мужик прямо с порога начал свой бесцеремонный наезд на обнаглевших – как ему представлялось – постояльцев:

– Чё, пиво халкаете! Бомжары!.. Где деньги за квартиру!? На пиво находите, а за жилплощадь кто платить будет!?

В то время как полуодетое Сашкино Солнышко расплылось в дурацкой улыбке – глупее, наверное, и не придумаешь – сам Сашка попытался было приподняться на одном локте и объяснить полукриминальному хозяину квартиры всю сложность ситуации с оплатой его труда:

– Па-па-нимаешь, зар-зар-плату за-за-держивают... пятый ме-ме-сяц уже...

– Не па-па-нимаю... – Передразнил полукриминальный.

– Ну, то-то-чно говорю...

– А мне, что с того? Легче что ли от твоих разговоров? – Напирал мужик. – Деньги давай!

– Ну-у... Нет же... пока денег...

– Твои проблемы! – И, бросив взгляд, на развалившееся на диване Сашкино Солнышко, как бы призадумавшись на время, словно соображая что-то про себя, точно нехотя уступая, неопределённо продолжил. – Хотя...

– Чего? – Как за соломинку ухватился Сашка за это спасительное, как ему показалось, «хотя», подвоха он как-то не услышал. Как оказалось зря.

– Короче, так, малохольный! Ты сейчас отсюда выметаешься быстро... Понял!

– К-как?.. – До Сашки как-то туго доходило сказанное полукриминальным, которое как-то не стыковалось с предыдущим его этим обнадёживающим «хотя»...

Внутри Сашка почувствовал противную внутреннюю дрожь. Это у него ещё с детства. Отчим по любому случаю за дело и без вины, напившись, орал на него и на мать, а зачастую мог и смачную затрещину пасынку отвесить, если был сильно не в

настроении. Сашка тогда часто из дома убежал. Один раз даже матери ультиматум поставил,

– Ты этому своему скажи, будет руки распускать, к бате уйду!

– К какому бате!?. – Мать грустно посмотрела на сына, горько вздохнула. – Нету нашего бати, потерялся он... Ты, Сашенька, терпи...

– Пусть потерялся. Я найду! А этого – сама терпи!

Ничего мать не сказала, только вздохнула ещё горше. Слышал Сашка от соседей, что отец уехал на Севера, деньги зарабатывать, да там где-то и сгинул. Написали, пропал без вести. Непонятно было, как это без вести, вроде не война, но с тех пор о судьбе Сашкиного отца никто ничего не слышал. На фотографиях Сашка отца в детстве видел – так-то плохо помнит – большой, красивый, сильный.

Потом этот появился, отчим. С ним у Сашки сразу не заладилось. Орёт, руки распускает. А однажды, Сашка нечаянно его стопку с водкой, что на столе стояла приготовленная, пролил. Отчим взбешённый, глазищи красные, кровью налились, как у быка, схватил Сашку за шкурку да за ремень сзади, поднял над головой... Хорошо, мать вмешалась, остановила. Не то бы точно швырнул Сашку с размаху об пол. Сильно Сашка тогда испугался, даже в штаны слегка брызнул.

А с тех пор – спасибо отчиму – когда на Сашку грубо ругаться начинали, тем паче орать, терял уверенность – куда-то она у него пропадала – вместо неё, где-то в районе грудной клетки, возникала эта противная внутренняя дрожь. Которая, точно напрочь, парализовывала всю его волю, Сашка только растеряно молчал и ничего не мог поделать с собственной беспомощностью...

– Как, как!.. Да вот, так! – Продолжал свой наезд полукриминальный.

Сашке ничего не оставалось, как сильно потрясти головой, таким образом он попытался вернуть себе способность соображать, а вместе с ней и способность что-то возразить. Получилось как-то не убедительно, тогда он ещё раз потряс головой, уже сильнее. Видимо что-то до него всё же дошло, по крайней мере, он осознал, что в жильё им сегодня окончательно отказывают,

– Собирайся, Солнышко. Пошли...

– Куда? – В глупой, ещё глупее чем прежде, улыбке расплылась рядом с ним его Солнышко, при этом сладко зевая, не понимая, о чём, собственно идёт речь.

– Выгоняют нас, говорю...

– Не вас, а тебя! Баба твоя пока здесь – в аренде остаётся. Как деньги за квартиру принесёшь, заберёшь своё Солнышко! – И уже нагло подмигнув Сашкиной подруге, спросил. – Чё, согласна, дорогуша... Сол-ныш-ко... В самом деле, не на улицу же тебя выставлять, отработывай...

– Ты! Ты!.. – Ленин понимал, что ему нужно сейчас заорать на мужика, ударить его, в конце концов, хотел было подняться, но локоть с дивана соскользнул, и Сашка едва не грохнулся на пол.

– Не на улицу. – Солнышко открыла глаза, и лицо её расплылось в невероятно блаженной пьяной полуулыбке. – Сог-лас-на-я я...

– Ты! Ты!.. – Сашка буквально захлебывался от возмущения, такое откровенное предательство Солнышка, буквально спёрло ему дыхание. А она улыбнулась Сашке, будто ничего не произошло,

– Сказано же тебе, дорогой, деньги принесёшь, заберёшь своё Солнышко... – И снова закрыла глаза блаженно, как бы засыпая.

Сашка не то чтобы растерялся, он просто задохнулся от происходящего, совершенно не зная при этом, как ему теперь на всё реагировать. Солнышко глупо улыбалась, полукриминальный ухмылялся с ощущением своего внутреннего превосходства, а ему... ему-то что надо делать!?.

В конце концов, Сашка выдохнул с трудом, встал, спокойно собрал вещи в рюкзак, велик свой взял... Куда ехать? Да, наверное, в кочегарку. Ключи у него в кармане, переночует, а там видно будет...

– А эта... сука!.. – Сашка весь кипел изнутри, рассказывая Калине Ивановичу и мужикам. – ...Хотел взять поллитру и напиться, не стал. Сдержался. Знал ведь, что она шалавится, Солнышко, мать её!..

Никто из мужиков и слова Сашке не сказал. А чего говорить-то! Действительно, ведь всё знал про неё Сашка, только глаза на это закрывал. И допреж, до последней поры, пока деньги какие-никакие домой он приносил, видно всё его в Солнышке устраивало. А теперь – ни подруги, ни дома – всё в одночасье потерял. Что тут скажешь...

Жаль, конечно Сашку, хоть сам дурень... Свой дом – дело великое, это Калина Иванович твёрдо знал. На этом вырос, на этом и стоял крепко.

Лет через пять после окончания института женился он – совпадение, а скорее всего, нет – на той самой Людочке, молоденькой заведующей учебной частью, которая когда-то помогла ему на подработку к старичкам в слесарку устроиться. Ей-то с первого взгляда приглянулся этот самостоятельный, крепкий парень, хозяйственный, умеющий многое делать руками, и опять же с головой дружит. Но скромный очень.

Помнится, сначала зашел он её поблагодарить, что позволила ему тогда устроиться на подработку. Шоколадку принёс – слышал от кого-то, что так благодарить в городе принято – и встал в дверях, молча, неловко переминаясь с ноги на ногу.

– Проходи, чего стоять дверь загораживать! – Хохотнула Людочка. – А-а, шоколадка!.. – Увидела. – Сейчас чай пить будем.

Калина растерялся вдвойне, представил почему-то, что сюда в учебную часть пойдет кто-то из его сокурсников, а они здесь чай с Людмилой распивают. Что подумают? А Людочка по-хозяйски включила чайник, чашки достала, заварку, сахар, застелила газеткой стол, всё расставила, и на стул Калине указывает. Куда деваться, пришлось ему чаёвничать.

С этого всё и началось. Людочка, к тому же, оказалась дальней родственницей Поллитровыча, какой-то внучатой племянницей что ли, или ещё как-то... Калина Иванович плохо во всех этих семейно-родственных связях разбирался. Он тоже подсознательно почувствовал к девушке какое-то влечение. А что! – самостоятельная, безо всяких там сложностей и выпендрёжей, и симпатичная. Долго Калина за ней ухаживал, диплом защитил, на работу устроился, и только когда получил должность начальника цеха, решил – теперь пора, теперь он крепко на ноги встал, куда ещё тянуть-то...

Как Калина разумел, по жизни – где семья образовалась, там и дом строить надо. Ну, или, учитывая, что в городе он живёт, покупать. Что-то Калина сам к тому времени подкопил, чем-то родители помогли, как раз мёд по осени продали, сваты тоже в стороне не остались, словом сбросились миром, решили – надо.

Стали Калина с Людочкой ходить смотреть, по объявлениям ли ходили, так ли узнают от кого знакомых... Сильно не спешили, выбирали основательно, домов пересмотрели много. Только, то район не очень удобный, то сам дом тесный, то участок при доме маловат, то построен дом неосновательно – это уже чисто по калиноивановически, то ещё что-то...

А этот дом Калине Ивановичу сразу понравился. Бревенчатый, ладно связанный, брёвнышко к брёвнышку, без всяких там гвоздей, почти как у отца был. Всё в нём аккуратно подогнано, выставлено, и с виду – ни дать, ни взять! – терем. Щели все до одной мхом плотно, наглухо законопачены. Вошел в горницу Калина Иванович, сразу понял, этот дом они купят. И район, почитай центр города, и остановки – и автобусная, и

трамвайная недалеко. С другой стороны, стоит он немного в сторонке от центральной улицы, нету шума такого, да и воздух не так переполнен выхлопными газами. Огород большой, банька во дворе, сарай, погреб. И даже гараж есть, воротами на улицу, но и со стороны двора тоже дверь в гараж сделана. Удобно.

С Людмилой переглянулся, жена сразу поняла – понравился Калине дом, плечами пожала и кивнула согласно, мол, берём. Ударили с хозяином по рукам, документы оформили, да переселились. Конечно, кое-что пришлось Калине Ивановичу на свой лад переделать, но это всегда так, всяк всё под себя подстраивает даже любую малую мелочь, а тем более дом. Всё в нём должно быть как надо – чтобы ничто не мешало тебе, не причиняло даже самых малых неудобств.

В самом доме он котёл поставил, чтобы внутри отапливать, печку переложил, тоже пусть будет, на ней и готовка вкуснее получается, чем на плите газовой, да и какой же дом без русской печи!

В огороде трубы везде пробросил, на них отводы с головками для распыскивания врезал, чтобы грядки поливать. В баню воду завёл, а то вёдрами-то воды не натаскаешься. Крышу всю проверил, забор поправил да покрасил...

Вроде много сделал, а ещё бы надо. Впрочем, в своём доме всегда так, без работы никогда не останешься. Это и к лучшему, такая работа – когда для себя – она и для здоровья полезная, и для души приятно, делаешь и внутри удовлетворение какое-то. Хозяином себя чувствуешь!

Всё хорошо бы, одно внутри свербило, очень уж хотелось разузнать Калине Ивановичу, когда этот дом и кем построен был, с какими мыслями? Кто до него здесь жил, что за люди?.. Специально для этого он в музей краеведческий сходил, там с человеком знающим познакомился. Старичок-краевед Кадушкин Иван Игнатьевич. Один из старейших сотрудников, бывало, как начинает рассказывать, – заслушаешься. И не просто информацию на горá выдаёт, так всё в лицах представит живописно, что всё как будто сам наяву видишь.

Говорили про Ивана Игнатьевича, мол, привирает иногда старичок, только какая разница, если где и привирает даже – веришь, а значит, правда всё. Поэтому на разговоры те Калина Иванович рукой махнул. Пообещал Кадушкин в архивах покопаться, а сроку по времени месяц Калине Ивановичу обозначил.

Найдет, нет ли?..

Как они сговорились, через месяц пришёл Калина Иванович к краеведу. Вообще, в первый раз он в краеведческий музей зашёл. Здание старинное, купеческое, состояние... – лет десять ремонта точно не было! Штукатурка снаружи здания со стен кусками осыпается, внутри ещё немного как-то краской замазано, но всё равно древнее всё, сыростью пахнет. Зашли в комнатёнку, которую краевед ему представил, как свою келью.

В ней тоже запах плесени, почти всё пространство здесь занимали огромные старинные шкафы и стеллажи с множеством папок, посредине стоял письменный стол, со старенькой настольной лампой, тоже заваленный папками и бумагами, рядом со столом – два стула.

Да-а... Калина Иванович критически осмотрел «келью», ремонтом здесь тоже не пахло. Вспомнилось по случаю, Яков писал ему в своём послании, что в Новой Зеландии очень много небольших музеев по любому поводу, а то и вовсе без повода вовсе. Они, музеи эти, практически в каждом селении есть. Территория вокруг таких музеев обухожена, всё здесь для людей сделано – аллеи, газоны, беседки. А если музей на высоком месте находится, – обязательно смотровая площадка имеется, чтобы могли туристы окрестными красотами любоваться. Экспонаты, по словам Яши, сделаны там из ничего: старая домашняя утварь, посуда, предметы быта, на улице тоже можно встретить экспонаты, там больше морская и рыбацкая тематика преобладает – лодки, якоря,

штурвалы, рыболовные сети... И всё это прекрасно вписано в окружающий ландшафт, сделано с теплом, с любовью. И почему у нас не так?..

Желая подчеркнуть Ивану Игнатьевичу серьёзность своих намерений, Калина Иванович с собой медовушки прихватил, отцовской, с его пасеки медок. Хороша медовушка, да и крепка, собака.

– Здравствуй, Иван Игнатич! Как ваше драгоценное?..

– Спасибо. И тебе не кашлять...

– Удалось ли найти что-нибудь? По дому моему...

– По дому?.. – Иван Игнатьевич, явно смаковал момент, выжидал, не торопился выкладывать информацию. – По дому-то... да-а-а... кое-что...

Тем временем Калина Иванович переложил папки и бумаги со стола на стеллаж, получив предварительно согласие хозяина, неторопливо достал из сумки литрушку с медовухой, хлеб, несколько огурцов со своего огорода, пару помидорок, луковицу, да хариуса соленого. Аккуратно расстелил на столе предусмотрительно захваченную из дома газету, мало ли, здесь-то у краеведа все бумажки древние, не дай-то Бог, по ошибке замараешь продуктами какой-нибудь документ века, скажем, восемнадцатого. Греха потом не оберёшься!

Пока на столе раскладывал всё, да рыбу резал, музейная живность в комнатёшку понабежала – пёс да кот. Пёс небольшой, рыжий, дворняжка дворняжкой, но наглый. Калина Иванович, когда в музей заходил, пса того во дворе приметил, там, рядом с чёрным выходом у него будка устроена. И здесь, в комнатёнке у Игнатьевича, он себя сразу хозяином показал, крутится, всё на стул запрыгнуть норовит да за рыбиной тянется.

– Чубайс! А ну, пшёл вон! – прикрикнул на него краевед.

Пёс огрызнулся, но отступил. Улёгся под стеллаж с толстыми папками, в ожидании, что хозяин сподобится и ему всё-таки что-то перепадёт. Ну, да, ухмыльнулся Калина Иванович, сейчас так повелось в народе, что не рыжий – то Чубайс, народ у нас приметливый и за словом в карман не полезет.

Кот, тот похитрее оказался – сам из себя весь такой важный, серый, шерсть пушистая, под ней подшерсток белый проблёскивает благородно, но глянцево, точно голограммы защитные на купюрах, а на шее белое пятно у него совсем что галстук-бабочка. Мурлыкает котофей, подлизывается.

– Красивый котяра, породистый, наверно! – Кивнул на него Калина Иванович.

– Дворянин, ешкин кот!... Лучше б мышей ловил... – Хмыкнул язвительно краевед.

А котофей ластился, ластился... Дождался, когда Калина Иванович бдительность утратил, на секунду буквально, – ловко сбросил со стола на пол большой кусок хариуса, схватил его в пасть и был таков за шкафом.

– Ваучер. – Сказал, как бы объясняя такое поведение, Иван Игнатьевич, кивнув в ту сторону, куда убежал кот, впрочем, самого Ваучера уже не было видно, только его довольное плотоядное мурчание раздавалось откуда-то из-за шкафа в дальнем углу комнаты.

– Ну, у вас тут прям полный перестроечный набор... – Усмехнулся в усы Калина Иванович, и тут же спросил краеведа в лоб. – А стаканы-то у тебя есть?

– Най-дут-ся. – Иван Игнатьевич на всякий случай подозрительно глянул на Калинину литрушку. – Чегой-то у тебя там?

– Натурпродукт. Батин... Медовуха.

– Понятно. – Кивнул головой Игнатич, мол, наливай тогда.

Как оказалось, дом купленный Калиной Ивановичем действительно был с историей, хоть и не очень древней. Построил его некто Филипп Иванов, один из первых кооператоров-маслобойщиков в городе, а было это в 1907 году.

Здесь же за домом, где теперь брошенный пустырь, густо заросший сорными крапивой да лебедой, в небольшом сарайчике находилась небольшая Ивановская маслобойня. Кооператор Филипп Степанович Иванов закупал молоко у местных крестьян, да масло бил. Потом продавал его местному купцу, а тот собирал большие партии у таких же маслобойщиков, и отправлял их пароходами в Тобольск, оттуда уже дальше маслице наше шло – в Европу.

– Вот, видишь, воспоминания одного старожилы... – Иван Игнатьевич, уже немного разогретый выпитой медовухой, показывал Калине тетрадку. – Это я записывал лет пятнадцать тому назад. Дедок этот тогда ещё живой был, как говорится, в здравом уме и твёрдой памяти. Читай, читай!..

Калина напрягся, пытается разобрать не очень разборчивый почерк краеведа,

– «У нас, у та... у тяти раньше дойных коров было дви... двенадцать...». Ну и почерк у тебя Игнатич!..

– Почерк, как почерк... Как в школе научили, так и пишу. – Хмуро пробурчал собеседник. – Дальше-то читай, видишь: «Как подоят всех, сольют молоко во фляги и везет те фляги тятя на маслозавод к Иванову. Принимал молоко обыкновенно сам Филипп Степанович, а рассчитывался маслом...».

– Ну и что?

– Да дальше, дальше!.. – Иван Игнатьевич нетерпеливо тыкал в текст пальцем. – Вот сюда, сюда смотри!

И снова Калина Иванович читает, почерк и без того небрежный, да ещё и буквы перед глазами прыгают, тоже, видать, батина медовушка даёт о себе знать,

– «Мужики с окр... окрестных сёл сеяли сами ле... лён, сами дергали с корнями. Пучками связывали, ставили, су... сушили. Молотили вальками на досках и на палатку семя ссыпали. Семя тоже возили Иванову, по нашей стороне на Кривом переулке, двенадцатый дом. Там же рядом с домом и маслобойня была».

– Ну что, твой?

– Ну да, Коммунарский, 12, раньше он Кривой был... – Сам не заметил, как зацепился Калина за строки, интересно ему стало, и дальше читает. – «На маслобойне у Иванова конь вал крутит, и получается жом и масло. Льняное хуже постного, а конопляное лучше льняного. Но самое лучшее – подсолнечное. Гречиху намелешь, и блины вкусные пекли, пшеничные-то блины с виду жёлтые, но жёсткие, а гречишные счерна, но мягкие, вкусные...». Так он ещё и постное масло делал?..

– И коровье, и постное...

– Предприниматель, стало быть...

– Ну да, кооператор. Серьёзный мужик был, работающий. Похоже, из староверов, которые после никоновских реформ сюда приходили, из Атамановых...

Потом, когда Первая мировая началась, забрали Филиппа Степановича в армию, сгинул он где-то в окопах. Жена с детьми нужду сильную терпела без кормильца, потому вынуждена была продать и дом, и маслобойню, уже перед самой революцией, Великой Октябрьской.

В маслобойне сначала кожевенная артель квартировала, а в самом доме – контора была артельная. Потом, после революции отдали дом многодетным семьям под социальное общежитие. Хоть дом и большой, но явно на такое количество народа не был рассчитан. Строил его Филипп Степанович под себя, под семью свою с небольшим запасом. А здесь, в общежитии, порой, по три-четыре семьи ютилось, в каждой ребятшек по три и более. Конечно, за эти годы дом сильно пообветшал, и не удивительно то. Твёрдо знал Калина Иванович одно – плохо, когда хозяев много, а настоящего хозяина нет, и это не только у дома – у всего: у скотины, у машины, у завода, у города, у страны, в конце концов...

В середине 90-х купил этот дом мужик из зажиточных. Как это теперь говорят – только никак Калина Иванович к этому не привыкнет – из «новых русских». Но видать, хоть и из «новых», но мужик старых правильных принципов – действительно хозяин. Ничего не скажешь, дом он в порядке содержал.

Да только потом жена у него умерла, схоронил он её, тоскливо одному, вот и собрался да к детям переехал в краевую столицу. Потому и продал дом Калине Ивановичу с Людмилой, не то чтобы по дешёвке отдал, но, справедливости ради отметим, слишком цену тоже не загибал...

Глава четырнадцатая. Экскурс в прошлое с пьяным краеведом

Долго Калина Иванович тогда в музее подзадержался, допоздна они с Иваном Игнатьевичем в его тесной комнатухе засиделись, отцову медовушку дегустировали. А медовушка – ох и коварна, зараза! – хотел было встать Калина Иванович, но чувствует, задница у него к стулу вроде приросла. Ведь знал он про это последствие батиной медовушки, но, не то чтобы забыл, просто увлёкся. Кадушкина, того вон вообще понесло, похоже,

– Как я погляжу, ты сам-то, Калина, из кержаков, видать?

– Из староверов.

– То-то смотрю черты лица как бы знакомые... Тоже из Атамановых будешь?..

– Не-а, из Огнёвых я.

– Понятно. Не иначе, Порфирия прямой потомок...

– Да, вроде того.

Налил Калина Иванович ещё по стакашку, а Игнатьевич и не отказывается, да и как откажешься, когда так хорошо пошла,

– Да было раньше время, многие мужики уходили в Сибирь, сначала от никоновских реформ, спасали веру исконную... Семьями тогда переселялись, целыми общинами... На Север, За Урал... На Алтае строились, в Саянах, старались подальше от мест густонаселённых поселиться... А что! Земли-то в Сибири полно, практически никто её матушку никогда не обрабатывал, не тормозил веками... Здесь-то всё местные аборигены-язычники либо скотоводы-кочевники были, либо охотились да рыболовным промыслом жили... А чтобы огороды садить, хлеб сеять... так они отродясь ничего такого не делали, всё что нужно само по себе в тайге росло...

...Что верно, то верно, Калина Иванович и сам это прекрасно знает, и без краеведовых откровений. С детства он помнит, что пасека отцова их всегда кормила, а ещё тайга, что вокруг на сотни вёрст была, да речка Бурлюшка...

Бывало, по осени отец мёда накачает, сольёт его во фляги да большую часть везёт сдавать на центральную совхозную усадьбу. Немножко, конечно, и себе медку оставляет, да и на потом – зимой когда прижмёт с деньгами, мёд завсегда можно в городе и подороже продать. Сдаст отец мёд на центральной усадьбе, взвесят они всё с кладовщиком, выпишет тот бате бумажку, где вес означен, и идут они с Калинкой в бухгалтерию, как отец говорит «денюжки отслонявливать».

Почему отслонявливать? Да потому что новые денежки обычно в пачках друг к другу прилипают, пальцев не слушаются, не листаются, как следует, вот и приходится отцу большой да указательный пальцы слюнявить, чтоб каждую купюру пролистать неторопливо, ни одной не пропустить. Считает отец да Калинке подмигивает,

– Видал, как ловко получается! Десять, ещё десять...

– Листай скорей. – Торопит бату бухгалтерша. – А то так до вечера не пересчитаешь...

– Тихо ты, не сбивай! – Сердится отец. – А то заново придётся!..

– Не буду, не буду... – Соглашался бухгалтерша. – Только считай уж быстрее, а то видал, как Калинке твоему конфет хочется, аж неможется...

Знал наверняка, Калинка, заедут они сегодня с отцом в магазин закупаться – крупы, лапшу, муку, соль... Но, что обязательно, так точно, батя ему конфет купит круглых, обсахаренных, бо-ольшой кулёк. Мама их почему-то «Дунькина радость» называет. Спросил Калинка её как-то об этом,

– Мам, а почему радость-то Дунькина?

– Я-то откель знаю. – Усмехнулась мама. – Ты, Калинка, у Дуньки и спроси.

У какой такой Дуньки?! Сложно иногда их взрослых понять бывает...

И, конечно же, ягоды, грибы – в сезон их тоже Калинка с отцом и мамой вёдрами набирали, потом сдавать возили в райцентр в потребкооперацию. Какая – никакая, всё же копейка. Конечно, и себе запас делали. Белые грибы – боровики, в основном сушили, мама на ниточку их наздёвывала и вешала за печку. Там у них специальная небольшая каморка-сушилка была оборудована. А грузди отец в кадучке сам на зиму засаливал. Сначала бережно укладывал их плотными слоями – уложит один слой, пересыплет его солью, укропа положит, не мелкого, а того, что метёлками, которые сверху с семенами нарастают, чесночку положит. Уложит слой, переложит специями, потом следующий кладёт, а сверху специальную круглую крышку, сколоченную из строганных дощечек, а на неё ещё гнёт из камней-булыжников положит, которые специально для этого в сарае у отца запасены были.

Клубнику тоже в сушилке за печкой сверху на небольших палатках рассыпали, клюкву и бруснику свежую замораживали в зимнике, а чернику мать всегда с сахаром перекручивала. Варенье из ягод она варила редко, в основном из дикой малины, чтобы Калинку от простуды лечить, да из земляники иногда – побаловать его. На варенье расход сахара большой идёт, так и говорила,

– Неча сахар зазря переводить.

И ещё рыбы у них дома всегда в избытке было, вяленая всё время на чердаке висела – чебаки, щука, тоже ниткой толстой прошитые и со всех сторон папоротником завешаны, чтобы мухи на рыбах яйца не откладывали.

Ещё отец шуку иногда коптил, специальная небольшая печка у него для этого была, помнит Калинка, как он отцу помогал опилки для неё заготовливать, да веточки можжевельные и черёмуховые собирать. Ох, и вкусно получалось!..

Но самое вкусное, конечно же, хариус малосольный, как отец говорил – «с весла». Осенью в их речушке хариус валом шёл, они с отцом заготовку делали, чтобы насолить на всю зиму. Бывало, вытащит отец рыбину из воды, почистит, сделает по бокам ножом глубокие надрезы, посолит круто, и пока они с Калинкой перекусывали тем, что из дома с собой взяли – обыкновенно хлеб, яйца вкрутую сваренные, огурцы малосольные – хариус здесь же рядом на тряпке чистой лежит. На той самой, которую отец брал, чтоб руки вытирать. И пятнадцати минут не проходило, а отец уже нарезал рыбину огромными основательными кусками, нежными, розоватыми, себе брал и Калинке протягивал,

– На-ка, пробуй! Тает во рту?..

– Да ты хариуса, хариуса-то пробуй! – Настаивал Калина Иванович.

– Селёдку-то? Сейчас... – Было видно, что Иван Игнатьевич уже сильно хорош, язык заплетается, глаза осоловелые.

– Сам ты селёдка!.. Хариуса, говорю!.. – Усмехался Калина и подсовывал краеведу нежное розоватое мясо.

Иван Игнатьевич брал большой кусок рыбины, нарезанной крупными ломтями, и подставлял Калине Ивановичу свой стакан,

– Ну, наливай, Калина! За рыбу!

Калина Иванович смотрел на него критически, пристально,

– Смотри Иван, коварна отцова медовушка...

– Лей давай!.. За рыбу ещё не пили...

Ладно, думал Калина Иванович, мужик Иван Игнатьевич взрослый, сам разберётся, сколько ему пить. А тот снова и снова садился на своего конька,

– А ты знаешь, что после реформы 1861 года, которая открыла крестьянам из Центральной России дорогу в Сибирь, переселение стало нарастать с новой силой. С 1860 по 1880, представь, всего за двадцать лет в Сибирь переселилось более двухсот тысяч человек. Это только в Томскую и Тобольскую губернии... А сколько ещё на дальний Восток – в Иркутскую, в Забайкальскую области...

– Иван, а, Иван... – Калина Иванович осторожно потрогал собеседника за плечо. – Ты про что вообще говоришь-то? Мы ж вроде про староверов...

– Ну да, я и говорю, переселенцы!..

– То ж – совсем другое!..

– Какая разница!.. Ты только представь, с 1883 по 1905 год за Урал переселилось более полутора миллионов! Полу-то-ра мил-ли-онов!.. Из районов Черноземья, из Полтавской губернии, из Черниговской, Полтавской областей... Представляешь, полтора миллиона! Вот тебе масштабы освоения Сибири!..

Хотел, было, Калина Иванович краеведу возразить, мол, ехали-то сюда люди, потому как от нищеты, от гнёта уезжали, в поисках доли лучшей, чтобы хозяином себя на своём наделе земли ощутить, чтобы дом свой построить, да семья, чтоб крепкая была. А коли это всё есть, остаётся только своими руками свой достаток выстраивать, не от кого не зависеть. Своим умом и трудом жить...

И только у Калины Ивановича в голове эта мысль складываться начала, почувствовал внезапно – и зад у него к стулу крепко прирастать стал, и язык как-то враз отяжелел... А краеведа несло и несло, чем дальше, тем больше и больше.

Пожалуй, что хватит, подумалось. Безусловно, терпелив по натуре своей Калина Иванович, как любой русский мужик, но не беспредельно же. Тем более, ни с того – ни с сего, стал краевед ему байки рассказывать о кержаках, об их жизни...

Ему!!! Калине! Понятно, конечно, было, скорее, с чужих слов он это говорит, слышал где-то, или вычитал в книжке... Вроде бы пусть брешет. Но снова и снова слышал Калина не раз уже слышанные бредни,

– Кержаки, замкнуто они живут... общинами... чужих не любят... едят каждый из своей посуды... воды напиться незнакомому не дадут...

Вот те нате, плетет Игнатьевич невесть что, слаб, однако, на выпивку оказался, кра-е-вед!

Пришлось его ещё и домой провожать, почти всю дорогу на себе его Калина тащил. А когда он краеведа жене его из рук в руки сдавал, спросил у Игнатьевича ни с того, ни с сего,

– Слушай, а почему – Ваучер-то?

– Чего? – Краевед будто протрезвел от неожиданности.

– Кот, спрашиваю, почему Ваучер?

– Тэк... важный такой же... И бесполезный.

Так-то оно так, про себя подумал Калина Иванович. Краеведу ничего не сказал, какой-то небольшой осадок разочарования оставался у него от этого похода в музей.

Ладно, хоть про дом свой теперь всё узнал, любопытство удовлетворил, душа успокоилась...

Глава пятнадцатая. В которой Калине Ивановичу мысли разные в голову лезут: о языке, о песнях, о Родине, о государстве...

И раньше серьёзно задумывался Калина Иванович над соотношением Родины и государства. Какое место занимают они в жизни человека? Лично для него...

Теперь вот, эта нелепая история с жильём, которая с Сашкой случилась – не потому ли невольно вспомнились ему и приобретение своего дома, и тот давний визит в музей, и разговор с краеведом, да много чего ещё... не то чтобы напрямую, как-то опосредованно. И опять обострились, всколыхнулись с новой силой в его голове эти мысли. Не оформившиеся ещё в чёткое понимание происходящего вокруг – чего Калина Иванович категорически не любил, всё должно иметь свои причины, всему должно быть своё разумное объяснение. А здесь одни вопросы, только вроде на один ответишь, три других из твоего же ответа возникают...

Вот – Родина... Хорошо помнит Калина Иванович, песня такая хорошая есть – раньше-то её частенько пели, и по радио, и по телевизору, теперь как-то призабылась она – «С чего начинается Родина? С картинки в твоём букваре... А может, она начинается с той песни, что пела нам мать...»

Ведь действительно так. Тайга... отцовская пасека... лик Христа в Красном углу... хлеб мамин из печи... мёд травами пахнет... – это из детства. И ещё оттуда же – палаты за печкой с крепко настоящими ароматами клубники и сушённых грибов... чердак с сплошными низками вяленой рыбы, оторвёшь от нитки окунька, сядешь у чердачного окошка и глядишь вдаль, а там тайга, тайга... Бурлюшка журчит... Кажется, часами можно так вот сидеть, смотреть и думать, и мечтать о чём-то своём.

Потом, со временем, расширился для Калины мир – районный центр появился, интернат, друзья... Позже – институт, геройские, почти былинные старички Петропавлович и Поллитровыч, Людмила... Комбинат с его огромными масштабами, такие понятия как «долг», «надо», «государственный план»... Опять же купленный ими с женой дом Ивановский с его историей, который стал за столько лет таким своим и привычным...

И теперь вот, Гадючье болото, мужики – Григорьевич, Васька, Сашка, со своими бедами и проблемами... Так он живёт. Это всё его. И всё это, без исключения, укладывается в его нынешнее понимание Родины.

Россия – Родина... Россия – государство... Наверное, правильно, когда эти понятия идентичны. Скажем, для себя, Калина Иванович твёрдо уверен был – так и отец с матерью его воспитывали, да и сам он это осознаёт чётко: свой дом, свое хозяйство – это всегда основа нормальной семьи. А крепкая семья – она основа любого государства. На крепких семьях, на хозяйственных людях оно, государство и держится.

Иными словами смысл государства – пусть и немного упрощённо – он, Калина Иванович, объяснял для себя так: собственно государство предназначено, чтобы учитывать и соизмерять интересы всех, без исключения, его граждан от мала до велика. Чтобы находить и регулировать разумное пересечение и, непременно, единение этих интересов. Тогда и возникает, как говорил – хоть и не очень искренне, говорил, но по сути своей совершенно верно – один из первых перестроечных руководителей, «необходимый консенсус». Хотя по нему, по Калине Ивановичу гораздо более к душе пришёлся бы не какой-то там «консенсус», а просто – мир и согласие, которые в свою очередь основаны на благополучии и достатке в каждом доме, в каждой семье. Стало быть, и в государстве.

А на поверку сегодня – впрочем, как выясняется, раньше так же было – те, кто вверху государственной иерархии, почему-то всегда выдают свои личные интересы не иначе, как «интересы государственные». Так всем официально и объявляют. А, значит, все остальные, должны трудиться во имя обеспечения поддержания этих интересов. Хоть и от лукавого это, но так оно в реальности и происходит.

Если же выясняется – тут сарказм у Калины Ивановича в мыслях появляется, причём, сам по себе, независимо от его желания – что у кого-то внизу этой государственной иерархии тоже вдруг, совершенно неожиданно для верхов, проявляются некие свои интересы, то во имя тех, которые уже объявлены верхами, как «государственные», говорят этим нижним с неприкрытым цинизмом: «Денег нет. Но вы терпите».

Да-а... А вот во времена «стародавние» предперестроечные даже если верхние нижних надували, то об этом обмане как-то стыдливо умалчивали. По крайней мере, внимание на этом старались не акцентировать, стеснялись, что ли...

А сегодня всё делается, чтобы вытравить те времена из памяти людей – зачем им лишнее помнить из недавнего-то прошлого. Про Великую Отечественную войну пусть помнят, про революцию – пусть... А здесь – сравнения не всегда выигрышные могут в головах возникнуть. Зачем это. Тем вверху этого не надо.

Потому-то вот и делается всё сегодня ими, чтобы лишить людей их личных воспоминаний, личной памяти, да и вообще многого лишить из того, что в них жизни светлого было и ещё теплиться... Заменить всё это на память унифицированную – «общественную», ту которая выгодна тем, кто наверху.

Ещё интересно, что цинизм этот неприкрытый они, через СМИ им подконтрольные – а других сегодня и нет – порой за некое достоинство выдают, мол, так, честнее, историческая «правда»...

Честнее? Да нет, скорее, бессовестнее... Если по смыслу пройти, то так получается: «У нас – читай «у государства» – для вас денег нет. Но вы терпите». А чтобы как-то оправдать такой нынешний порядок вещей, причину и следствие местами поменяли, с ног на голову всё перевернули: нынче у них не государство для людей, чтобы взаимоотношения в обществе регулировать, а «государство» – в смысле те, что повыше на лестнице стоят – за счёт тех, что внизу живут-поживают. Причём, чем выше стоят, тем богаче поживают...

К примеру, вот Василичу с мажором, разве им придёт в голову интересы Григорьевича или Васьки с Сашкой, в конце концов, его, Калины Ивановича, как-то учитывать. Да на хрена им это нужно, начихали они на их интересы. Хотя по логике, ежели всё по правильному представить, вроде получается тех – двое, а их четверо. Чьи интересы превалировать должны? Наверное, большинства всё же...

Или, если ещё выше пойти: Уткиным – отцу и сыну – что им до Василича с мажором, у них таких Василичей, с которыми они дела ведут, несколько десятков наберётся, и за каждым тоже десятки люди стоят. Так в общей сумме на их два, уткинских интереса – несколько сотен, а то и тысяч, интересов простых работяг приходится. Калине Ивановичу невольно термин алгебраический вспомнился – геометрическая прогрессия, какая-то получается. И что они, Уткины, теперь, о каждом задумываться будут!?. Да нет же, они сами за себя, все остальные – сами по себе... Но, при этом, в любом расчете, именно их, уткинские, интересы – будут приняты как «государственные». Правильно это? Нет. Такие вот перекосы...

Уверен почему-то Калина Иванович, аукнется это когда-нибудь, рано или поздно, аукнется...

Ну и опять же вопросы, коли так происходит, что же делать, и кто виноват? Старые, как мир, и неразрешимые. Получается, что сами мы в итоге виноваты, потому так и живём. И ничего с этим не сделаешь.

К примеру, взять тоже переселение русских крестьян в Сибирь, о котором они с краеведом тогда поспорили. Что тогда они ни о чём не договорились, понятно, медовушка виновата, но говори они сегодня, пожалуй, так бы все разногласия неразрешёнными и остались. Вообще-то, как теперь Калина Иванович сам для себя

смекает, странная там история. И далеко не однозначная. Даже себе он не в силах ответить, что же там происходило.

Вроде как, уезжали тогда мужички из Центральной России в Сибирь – от государства в лице распоясавшихся бар да чиновников бежали, которые их со всех сторон прижали по самое не могу, непосильными податями обложили. А хотелось мужичкам жить самим, вольно, по-хозяйски, а если по-простому сказать – просто жить своим трудом, не от кого не зависеть. И, наверняка, так им думалось-казалось: переедут они с семьёй на новое место, построятся на свободной земле, обживутся – слава Богу руки есть к труду привычные – и всё в жизни у них наладиться.

А на деле, опять же, получилось вона как, оказывается, – они, мужички эти, сами это государство со всей его огромной чиновничьей надстройкой на своих плечах за собой сюда в Сибирь и притащили... Сами того не зная – не ведая.

К месту подумалось Калине Ивановичу, так, в начале девяностых, когда картошка на Алтае несколько лет подряд не уродилась, много её тогда с соседнего Казахстана сюда привозили на продажу. Местные картошку тогда не только на еду закупали мешками, но и на семена. Как иначе, всё равно сеять-то что-то надо, картошка она в Сибири – второй «хлеб». А та, что с Казахстана привезенная, она и на вид нормальная, ровная – картофелина к картофелине, и не гнилая, и проволочником как будто внутри не изъеденная...

Так – оно так, но именно с той поры и появился на полях наших картофельных эти на вид красивые, полосатые, но очень уж зловредные колорадские жуки. Отродясь, сколько себя Калина Иванович помнит, не было здесь этой пакости, никогда не было. А тут, вместе с семенной картошкой сами его по Алтаю и расселили. Попробуй теперь вытрави – та ещё проблема! Вроде и личинки убрал, и самих жуков в банку собрал всех, а он опять лезет и лезет. Вот зараза американская!

А в девяностые!.. А сейчас!.. Точно так же, вместе со всеми полезными новейшими забугорными новинками – компьютерами, сотовыми телефонами, другой бытовой техникой, тоже, сколько всякой заразы демократической в Россию понатащили... И их хваленную демократию, и цветные революции – надо же до такого додуматься, не где-нибудь, в центре Москвы, собственный Дом правительства из танков расстреливать!.. Не иначе всеобщее осеннее обострение у всех случилось. А иначе как объяснить, нашёлся один «гапон», кинул в толпу речёвку с бэтээра, и пошло-поехало...

За какой-то десяток лет всё испаскудили – и жизнь привычную, и мировоззрение, и историю, и даже язык. За примерами ходить далеко не надо. Взять те же песни – старые, хорошие. Скажем эту – «Первый поцелуй», под которую они с Людмилой в первый раз на танцплощадке танцевали. Мелодичная, красивая. Людмила буквально порхала под неё, молодая, невесомая, очаровательная. А он тоже топтался рядом с ней, точно медведь, что сделаешь, с детства не приучен был к танцам... Но всё равно приятно. Да-а, воспоминания...

А представить сегодня: выходит ансамбль «Голубые гитары» и начинают петь: «Пусть сегодня вновь нас память унесет в тот туман голубой...» Калина Иванович представил реакцию сегодняшнего молодняка... Ть-фу!.. Противно, да и только. Вот и думай теперь – с чего у них нынче родина начинается?..

Глава шестнадцатая. Предзимье

Как-то неуютно у Калины Ивановича на душе от этих мыслей ворчливых осенних. Вот, и Людмила его раньше как-то всё Калиной величала, а теперь моду взяла – всё старый, да старый,

– Ну что, старый, пойдем до магазина сходим.

– Пошли, бабушка...

Чего она, в самом деле, конечно, не молодой он, но зачем же всё время напоминать-то!..

– Да ты не обижайся, – Людмила ласково улыбается, приобняла его даже. – Стари-чок ты мой... Чего? И дети уже взрослые, и внуки вон...

Что – правда, то – правда. А мысли, и, верно, в последнее время больше невесёлые, путанные и туманные какие-то. То ли погода так на него действует, то ли ещё что?..

Сызмальства Калина Иванович особенно остро чувствовал каждой жилкой эту пору – сам момент приближения зимы. Ещё вроде бы и осень вокруг, и небо бездонно-голубое, но того летнего тепла уже нет, и чувствуется, что скоро грядёт впереди что-то студеное, тягучее, мертвее, когда время точно останавливается и неизбежно зависает в одной поре. Днями всё ещё обманчиво кажется, что невидимое прохладное дыхание природы ощутимо едва-едва, но уже всюду проникает оно в тебя тончайшими холодящими струйками, точно множеством иголочек-уколов пронзают тело и медленно и неизбежно замораживает каждую жилку изнутри.

Постепенно понимаешь, ещё немного и застынет всё вокруг, и остановится на́долго, станут статичными и поле, и тайга, и река со всеми своими перекатами... И даже здесь на пасеке, где в доме ещё останется живое тепло, но это внутри, а вокруг – всё живое погрузится в снежное глубокое безмолвие – и окрестности дома, и сарай, и пчёлы, которые ещё ползают едва-едва внутри своих ульев, спущенных на зиму в омшаник за сараем. И если открыть крышку улья – а Калинка тайком от отца как-то уже пробовал это делать – можно даже увидеть их полусонные ленивые движения, точно в каком-то замедленном старом фильме шевелят они своими мохнатыми лапками, но скоро и они тоже погрузятся в долгую зимнюю спячку, и тоже до самой весны...

...Вот и теперь это ощущение приближения зимы не покидает Калину Ивановича, с той лишь разницей, что снег вчера разошёлся не на шутку, и когда он уезжал с работы, все окрестные тополя и берёзы, ещё не сбросившие своё золотое убранство, стояли густо запорошенные белым. А снег всё продолжал сыпать лёгкими, объёмными хлопьями, которые медленно опускались с неба, но густо заполняли всё пространство воздуха под светильниками вокруг здания, над дорогой в свете фар и дальше за этим светом в сгущающихся сумерках. И хлопья уже не таяли на земле, едва коснувшись, а накапливались на её поверхности сплошным воздушным невесомым пухом, ложились тонким слоем, со временем всё толще и толще становился этот слой, но не слежался он пока в тёплое плотное стёганное одеяло, хотя землю вокруг уже прикрыл полностью.

Ночью снег неожиданно превратился в дождь, сильный и холодный, а утром, когда Калина Иванович выезжал на работу, он искренне похвалил себя, что вечером не поленился и «переобул» в зимнюю резину свою старенькую шестёрку, утром дороги подморозило и машины пробирались буквально ползком, выстроившись в огромные ряды. За дорогу Калина Иванович успел изрядно перематериться. К тому же и сам город сегодня, серый и мрачный с утра, с безлюдными пока улицами, с полуоборванными повсюду портретами вчерашних кандидатов, ныне депутатов, на заборах и автобусных остановках – вызывал у него какое-то уныние. При возможности он бы с удовольствием прибавил скорость, чтобы скорее проехать всё это наводящее тоску пространство, но был вынужден тащиться сквозь него в общем утреннем потоке машин.

Так уж получилось, что Калина Иванович никого из мужиков сегодня на работу специально не вызывал. Зачем. Сашка теперь здесь постоянно – как поселился после своего «развода», так и живёт здесь в кочегарке – а делать здесь на работе даже ему пока особо нечего. Соседи пара не просят, попритихли, то ли тоже заказов нет?.. Одно слово – предзимье...

Однако сегодня все мужики собрались с утра на Гадючем болоте, как-то сами по себе. Что делать? Не гнать же их, пусть сидят, поставит он им в табеле по восьмёрке, как говорится, всё чем может... Да и понимает Калина Иванович, видно, дома мужикам совсем уж немогут сидеть стало – денег нет, холодно, отопление в городе ещё не дали, потому как городские власти уголь экономят – боятся на зиму не хватит, а бабы дома у них ворчат беспрестанно, понятно опять же, потому как денег нет и холодно... Но, с другой стороны, так нудно ворчат, что мужикам слушать тошно...

Да-а, чего им делать, дома-то? Вот и собрались здесь, на работе, пусть хоть погреются, слава Богу, Сашка здесь ночевал, и в кочегарке нынче натоплено, тепло. Да и сидят они тихо, не хулиганят, без бутылки опять же... с другой стороны, в какую сторону не кинь, всё кругом понятно – на что её взять им бутылку-то, когда денег нет.

Зашёл Калина Иванович к ним в кочегарку, сидят хмурые, чай пьют. На удивление молча. Вон и Сашка никому не звонит, да и не кому теперь звонить-то – где оно его Солнышко, куда закатилось, кого нынче греет? И Васька языком не треплет – насупился, глядит настороженно, как-то зло глядит, из-под лобья, точно волчонок, того и гляди укусит. Хотя и не злой он вовсе Васька, Калина Иванович это точно знает. Просто погода такая – предзимье. Вон, если присмотреться, и Григорьевич точно в какой-то прострации. Не иначе со своей опять вчера пособачился...

Глянул Калина Иванович на кислые рожи кочегаров, невольно приободрить мужиков хоть как-то захотелось,

– Здорово, орлы. Чё, затихарились, точно тараканы за печкой?.. Не выпались что ли!?

– Привет, привет... И тебе – не чихать. – Это Васька первым откликнулся, нехотя, хмуро, зло. – Сам-то чего такой радостный с утра!? Не иначе барин денег отвалил...

Всё Васька по то знает – ничего барин Калине Ивановичу не отваливал, сунул так же как и всем конвертик с одной тысячной. Только не в духе Васька с утра, вот и норовит подколоть.

– Ага, Васька, отвалил мне барин, догнал да ещё добавил... – Так вот, как-то неудачно у Калины Ивановича получилось, хотел сгладить мужикам настроение, только самому ему что-то нерадостно.

Сам себя пожурил мысленно, действительно, не хрен других веселить, когда у самого на душе кошки скребут. Словом, предзимье...

Посидел Калина Иванович, с мужиками помолчал. Да и чего говорить-то, сам он не больше ихнего знает, и барин в последнее время тоже молчит, что партизан... Раньше хоть с ним откровенничал иногда, приезжал всё с какими-то прожеками, то производство химии возродить он здесь будет, то линолеумную линию откуда-то притащит... Слова, слова... Все так «ни о чём», поговорит да на завтра опять забудет. В следующий раз с новой идеей приезжает... К этому он, Калина Иванович, да и все мужики уже привыкли. А тут, молчит... К чему бы это?

Посидел Калина Иванович, да и подался восвояси к себе в каптёрку. Понятно, в таком настроении даже чай и тот в горло не лезет. Водки бы... Невольно подумалось. Впрочем, как подумалось, так и забылось.

Как говорится, помяни чёрта – вот он и Василич подъехал. Странно. Раньше бывало, обычно, когда Василич мужиков на деньги кидал, неделями не появлялся, все распоряжения ему, Калине Ивановичу по телефону передавал, а сегодня – и двух дней не прошло с той злополучной «получки»... К чему бы?..

Барин мужикам сухо кивнул, быстро отвернул взгляд, вышел из машины и сразу же, торопливо потопал, обозначая ровную дорожку следов на снегу, в каптёрку к Калине Ивановичу. Мужики ему и слова сказать не успели, за ним не побежали, захочет их услышать – сам придёт. Да и видно было, сегодня барин не в духе.

– Как вы тут, Иваныч?.. – Зашёл и невесело как-то спросил, понятно было, спросил, чтобы спросить, отвечать необязательно.

А потому пожал плечами Калина Иванович, да коротко ответил:

– Так.

А чего он хотел-то, каков вопрос, таков и ответ. Да и что ещё скажешь? В самом деле, не стыдить же ему барина в том, как он мужиков кинул... Ни к чему это, видно, что не до угрызений совести ему нынче, уж очень сильно какими-то своими мыслями озабочен. Чем?..

По опыту знал Калина Иванович, в таких случаях лучше всего занять выжидательную позицию. Так и сделал. Коли уж есть у человека, что тебе сказать, так или иначе – всё равно рано или поздно выложит, так чего ж из него по слову клещами вытаскивать.

Как думал, так и получилось. Налил барин себе чаю, даже завариться чай толком не успел, выпил барин всю кружку почти залпом, точно водку сглотнул. Помолчал, словно что-то обдумывая. Потом всё как есть и выложил,

– Вот так вот, Калина Иваныч, соседи наши у себя котёл газовый поставили. Недавно. Запустили буквально вчера. Так что, теперь наш пар им как бы по фигу...

Чего-то подобного Калина Иванович давно ожидал, и про котёл этот он знал, что соседи его купили, что документацию согласовали, газ к себе подвели от магистральной трубы, что неподалёку проходит, испытали вроде уже... Но одно дело просто знать, другое – знать наверняка... Значит всё-таки верная у него была информация. Однако на всякий случай всё же переспросил барина, как сказал бы в этом случае Васька – дурака включил,

– И что теперь? Всё?!.

– Что всё?

– С кочегаркой как теперь?

– С кочегаркой-то?.. Да закрывать будем!.. – Помолчал, и, выждав небольшую паузу добавил, как бы оправдываясь. – А что делать-то, Калина Иванович, воздух вокруг топить!? Так и для этого у нас и мазута – хрен да маленько... – Уже увереннее продолжил. – Что с котлом делать дальше решим, продать целиком или на металл разрезать... – Точно сам с себя в чём-то убеждал. – Здание, понятно, продадим, скорее всего...

Он вдруг заметил недоумение в глазах Калины Ивановича, спросил его,

– Ты чего, Иваныч?

– А люди?

– Чего люди?

– Их-то куда... как с ними рассчитывать будем?

Так и спросил – «будем». Конечно, правильнее было бы – «будешь». Но так уж он приучен был, никогда не снимать с себя ответственности перед людьми, если даже не всё от тебя зависит. Хотя, что в данной ситуации от него-то зависело? А вот от Боброва зависело, но его, похоже, сейчас судьба мужиков мало волновала,

– Как, как... – Бобров поскреб в затылке. – Знать бы как... Распустим людей, Калина Иваныч! Не волнуйся, тебе я место найду, посидишь пока охранником в головном офисе. А там что-нибудь совместно придумаем... Глядишь к весне производство здесь возродим! Мне бы только здание это сейчас удержать, чтоб за долги не забрали. А с мужиками... котёл продам... Авось, постепенно рассчитаюсь.

– Авось!?

– Не дави ты на меня, Калина Иваныч, и без тебя тошно. – Бобров смотрел на него воспалившимися красными глазами, то ли выпил он вчера изрядно, то ли от волнения давление у него скакнуло. – Дожал меня таки Уткин... Его ставленник – директор исполнительный, друг твой, кстати, всё улыбался, когда ко мне приходил, всё увещевал: «Парок давай, парок! У меня три цистерны скоро придут...».

– Нашёл друга!.. – Возмутился Калина Иваныч. – Не надо с больной головы на здоровую! Ты, Василич, похоже, всех теперь готов мне в друзья записать! Ты-то с ним больше яшкался...

– Ладно, не сердись, Калина Иванович. – В голосе Боброва почувствовались примирительные нотки, понял, наверное, что перетянул гайку. – Вчера вот самого Уткина младшего встретил. Приехал, наверное, посмотреть как котёл запускать будут... Сам ведь знаешь, у нас с ним ещё с комбинатских времён взаимная «любовь» – он тоже «по-дружески» так меня спрашивает: «Как дела? Как здоровье?.. – потом, с ехидной улыбкой, – Всё Виталий Васильевич дорогóй, не будем вас больше просьбами о парке утруждать, у себя газовую мини котельную запустили». Что за человек!?. Одно слово – сука! Нет бы, раньше предупредить, а то вчера взял и выложил. Знает ведь прекрасно, что я эту котельную только из-за него и держал ещё...

Знал Калина Иванович, и про их отношения, и про их бизнес... Однако, как уже говорено, одно дело просто знать, другое – знать наверняка.

Во всём этом одно Калину Ивановича удивляло. Вот встречаются они друг с другом, бизнесмены эти хрёновы, разговаривают, что-то друг другу обещают... и тут же назавтра кидают друг друга на деньги, причём не на малые... и, спустя время, как ни в чём не бывало снова встречаются – разговаривают – улыбаются – кидают... И всё это у них – норма. Ну, кинул, ну сумел, значит ты более предприимчивый, значит – прав ты, а тот кого кинул – просто лох.

Долго он не мог подобрать подходящего названия для таких взаимоотношений, а как-то однажды, вот здесь на болоте, смотрел один раз, как мужики металл копают. Черпанул экскаватор полный ковш грунта, да ещё с большой горкой черпанул, пока подымал ковш из ямы, горка на землю посыпалась, а вместе с землей и извивающийся клубок – сначала Калина Иванович даже не понял что, потом увидел – змеи это, гадюки. Видимо, на зимовку они укладывались, и когда в песок зарывались, там, в земле и сплелись клубком, поближе друг к другу, чтобы теплее зимовать было.

Упал клубок с ковша вниз, гадины расцепиться сразу не могут, лежит клубок на земле, извивается в разные стороны, десятки голов из него лезут, да ещё и укусить друг друга норовят!

Правда, минуты не прошло, распутались змеи из клубка, в разные стороны быстренько порасползлись. Тогда-то Калину Ивановичу и осенило точно, так и эти, бизнесмены чёртовы – клубок друзей, точнее не назовёшь. В поисках выгоды сплетаются в клубки, трутся друг рядом с другом, кто-то расслабился – другие его укусить норовят, поизвиваются так, поразгрызутся да расползутся в разные стороны, а чуть что выгодой где-то запахнет – снова их в клубок, будто магнитом, тянет. Насчёт выгоды нюх у них ого-го!..

У всех, но особенно у москвичей. Как делёж пошёл, много их сюда нынче поприбежало. Не раз уже обращал внимание Калина Иванович, смотрит на тебя такой «москвич», а у него в каждом глазу по доллару светиться, сверлит он всё глазами-долларами вокруг, точно сканирует, определяет, какую выгоду из чего можно извлечь. А коли увидел, не отступится, как клещук вцепиться.

В своё время как-то проглядел экс-директор комбината, он же его могильщик – Кирилл Васильевич со-товарищи эту вот котельную, недооценил, недосканировал. Не понял, что без неё заводу его, что он от комбината отприватизировал – никак. А может и тогда уже какие планы насчёт газа у него в уме были... Кто теперь про то знает, кроме его самогó.

Однако брошенная котельная не залежалась, Виталий Васильевич её тогда по совету дружка своего вэпэшашного Игорька Теплова к рукам прибрал. Удачно прибрал, и химию здесь производил, да и лет пять с Уткина деньги вытягивал за пар. Но сообразил Кирилл Васильевич, что много он, пожалуй, Боброву переплачивает. Сам ли, его ли

экономисты просчитали, что проще им свою газовую котельную поставить, да топиться. Пожалуй, за те пять лет она бы уже себя с лихвой окупилась. Теперь вот решил, что лучше поздно, чем никогда...

Что теперь? Ладно Васильевич – хоть и давно он Боброва знает, но за него у Калины Ивановича душа не болит, чего за барина волноваться – у него в городе ещё здания есть, он там площади в аренду сдает. Худо-бедно на хлеб с маслом барину тех денег хватит, с голоду помирать не придётся.

А Сашка, Васька, Григорьевич?.. Да в конце концов, и он сам?.. Хотя, пожалуй, сам Калина Иванович тоже не пропадёт, огород у него большой посажен, пенсию какую-никакую они с Людмилой получают... Тоже, не пропадут. Мужикам – сложнее. Какая судьба их ждёт дальше?

Взять хоть Григорьевича – он лет десять уже на Боброва отработал, как-то так всё без всякого трудоустройства, главное деньги платят. Только когда пенсию оформлять хватился, годы эти в общий стаж у него не вошли, а официального комбинатского стажа маловато. Потому и пенсия у него копеечная вышла, на кусок хлеба хватает, а на большее – увы... Вот и горбатится до сих пор на барина, да горькую попивает. Последнее время зачастил что-то. Сейчас закроет барин избушку на клюшку, дальше Григорьевичу куда? Уйдет с головой в свою пенсионную нищету – хотя и на эти копейки существовать как-то можно – ну загорюет, ну запьет, ну помрёт, чуть раньше, чем помер бы, здесь сутками вкалывая. Хотя и здесь ничего хорошего, трудновато ему сутками, чай не пацан...

Ну ладно, Васька, тот сразу честно барину сказал: «Не будешь платить, Василич, так и знай, опять воровать пойду!». Сказал и сказал, барину-то что за дело, хочешь – иди вору... А Васька не врёт, пойдет ведь, как ему иначе выживать. Жалко, конечно, парня, не глупый, ведь, не бессовестный. Да и руки у Васьки есть и соображаловкой Бог не обидел, хваткий. Женится вроде серьёзно, живут вот... Вполне бы мог жить и работать как все нормальные люди, без воровства этого... Но сегодня искать где-то работу, с его-то судимостями, практически без специальности... Где? Теперь, когда столько высококлассных специалистов в городе за работой в очереди стоят, с корочками по специальности, без судимостей...

Или этот-то, Сашка, тому-то вообще куда?.. Теперь он фактически лицо без определённого места жительства... Всё для него теперь здесь, в кочегарке – и дом, и семья, и родина...

Опять же с расчётом как? Они – и Григорьевич, и Васька, и Сашка – устроены здесь официально лишь по минималке, всё что свыше того хозяин обещал им из прибыли выплачивать. Обещать – обещал, да только обещанного долго ждут, особенно, когда у «обещалкина» – у самого проблемы. Скорее всего, в лучшем случае закроет он им расчёт по этой самой минималке, и всё. Не нравится – идите, ребята, жалуйтесь куда угодно. У барина в бухгалтерии всё по закону, всё шито-крыто, никто Григорьевича и Ваську с Сашкой и слушать-то не будет.

Что ему Калине Ивановичу делать? Спросить бы у хозяина обо всём этом... Не ответит барин, не тем у него нынче голова занята. Спросил о другом,

– Мужикам сам скажешь?

Нахмурился барин, покривился лицом, буркнул,

– Ты скажи.

– Чего так?.. – Спросил, хотя знал «чего», не хочет Василич мужикам в глаза смотреть, видать, не совсем ещё стыд потерял. – По совести тебе сказать надо бы...

В ответ пожал Бобров плечами неопределённо, про совесть, похоже, совсем не захотел услышать, не до того, собрался по-быстрому, вроде как других забот у него теперь полно, и уехал восвояси.

Уехал. А Калине Ивановичу теперь вот, сиди – мучайся. Думай, как к мужикам подойти, какими словами всё объяснить?.. Непростой разговор предвидится, знает он как это страшно и обидно, когда последней надежды людей лишаешь... Но и в неведении мужиков оставлять – совсем нечестно будет.

Глава семнадцатая. Как Калина Иванович слова искал, но ничего кроме ругательных не нашёл

Да-а... Какие такие слова ему найти? Откуда их взять, если сам понимает, что нет за барином правды. По сути дела кидает он мужиков...

Хотя сегодня вокруг всё так, не только здесь – у них, на Гадючем болоте, – во всём городе, по всей стране. В «зомби-ящике» из Москвы в телешоу разных политических, вроде и умные люди про всё что происходит рассуждают, вроде и правильными словами говорят: проблемы моногородов... проблемы российской оборонки... проблемы нашей экономики... Да только всё как-то мимо у них получается – всё абстрактно, а в итоге – ни о чём. Всё говорят, спорят, жуют-пережёвывают – то, да потому...

Только людям-то что с их слов, кому-то легче стало? Кому-то из тех бывших специалистов-оборонщиков, которые на центральном городском рынке сегодня китайским тряпьем торгуют?.. Или по таким вот полуподпольным гаражно-дворовым конторкам как у барина маются, перебиваются с хлеба на воду?.. Может, семьям этих людей?..

Знает Калина Иванович, нет, не стало. Их просто предали, лишили возможности честно зарабатывать на хлеб. И кто предал?.. Такие, как Василич? Они и сами наизнанку выворачиваются, чтобы при нынешней жизни семью обеспечить, детей на ноги поставить... Какое им до других дело! По их-то разумению, они сами в такой же ситуации находятся. Хотя, если внимательнее посмотреть, не совсем в такой, и хлеб с маслом да с икоркой могут себе позволить, и запивают не водой вовсе. А так, живут, как многие, по принципу – своя рубаха ближе к телу. Или, может, такие, как Уткин предали? Только и там – та же история.

Понимает Калина Иванович, выше брать надо. Только страшновато как-то, неуютно становится от этого понимания. Получается – даже подумать дико! – что предало этих людей их же государство. То самое, ради которого они своего здоровья, своих сил и знаний не жалели!

По жизни много раз Калину Ивановича люди предавали, порой даже самые близкие друзья... Обидно было, да только пережил он это всё, не то чтобы забыл, но пережил, успокоился, смирился. Как Библия учит. Что сделаешь, люди есть люди. У них свои недостатки, у каждого, опять же, своё понимание – что хорошо есть, что плохо.

А, ежели глубоко копать, многое ещё от обстоятельств зависит. Потому то, чаще всего, руководствуются они в такие моменты подсознательно простым природным инстинктом. Как животные.

Для примера взять хотя бы пчёл, уж про них Калина Иванович многое с детства знает. Формируется, скажем, в улье новый рой, старая матка, если вовремя новую распознает, тут же сожрать её норовит. Таков уж закон, оно и понятно, не сделай она этого, быстро своей власти в улье лишится. Не углядит – извиняйте! – новый рой во главе с молодой маткой быстро окрепнет и вон долой всех стариков из улья... Природа... Куда от неё деваться!

Однако, никак он в ум не возьмёт, ведь если государство своих граждан предаёт, как тот упомянутый политик изрёк – «...ну, вымрет тридцать миллионов... новые вырастут»... страшно... Вроде бы и те же принципы что у пчёл, только жестче, и речь не просто об одном рое идёт – о целом поколении. А дальше что? – «и ополчится брат на

брата, сын на отца, внук на деда...». Как прозорливо в Священном писании сказано, «ибо не ведают, что творят»...

Это к тому, что сейчас вот власть предержавшие пытаются кучковать молодняк. Играются, флэшмопят – то разоденутся в красные-синие-белые футболки, да флаг российский выстраивают; то шарики в небо запускают; то приди на выборы и сделай сэлфи – получишь «конфетку»... А потом прямой путь на площадь, чтобы поорать хором,

– Вперед, Россия! Давай, давай! Давай красиво!..

Нет, не так раньше было. Как-то иначе молодёжь воспитывали, не хором, не толпой. Вместо «давай» было «отдай свой труд и знания Родине!», «всё для фронта, всё для Победы!». И герои другие были Павка Корчагин, Александр Матросов...

А теперь, мотивацию молодым подавай. За какие такие заслуги, спрашивается? Приходят они на производство – желторотики желторотиками – не то, что гайку закрутить, ключ нужный подать и то не сразу смогут. Пока раз пять не объяснишь, сами не додумаются. Да и не очень-то они на производство идут, всё больше по офисам да по фирмам разбегаются после вузов и колледжей...

Конечно, на первый взгляд ничего страшного в этих их играх нет, пусть играют в нерабочее время, пока молодые. Другое настораживает, сознание, точнее инстинкт у них ройный вырабатывается. При этом пока ещё каждый сам по себе ничего из себя не представляет, зато в толпе – все герои. А последствия – представить жутко, и Калина Иванович этого не исключает! – целое поколение роев, выходит на Майдан и хором прыгает – «кто не скачет, тот – москаль!» Ройный инстинкт толпы... Страшно!..

Отсюда и понятно Калине Ивановичу – почему там наверху-то этого не видят? – нет большего зла чем, когда государство идёт против людей, против своих граждан. И оправдания этому нет. Ведь именно эти люди вся жизнь свою трудились на государство, крепили его обороноспособность, обеспечивали его становление, а оно всего за какой-то десяток лет, враз лишило их практически всего заслуженного, к чему они стремились! Веры лишило! Им-то, преданным, во что теперь верить? Ради чего жить и трудиться?..

Ради благосостояния какой-то кучки чубайсов! Которым, сколько ни дай – всё мало и мало. И всё больше и больше хочется!.. Чего они только ради этого не вытворяют! Казалось бы, всё уже «прореформировали» до состояния «ниже плинтуса» – Столыпина! Мать их ети! – и науку, и образование, и культуру, только ни одна реформа у них, почему-то практически не работает, всё скрипит и разваливается.

Пожалуй, на сегодня одна пенсионная структура и осталась ещё... Недаром нынче про демографию заговорили... Понятно, сколько ж можно под себя кучи грести, а теперь, когда у людей и желание и здоровье заканчивается, когда людям просто отдохнуть от всего этого безумия хочется, им говорят, нет, продолжительность вашей жизни по статистике – по ихней придворной статистике! – увеличилась, так что, будьте добры, поработайте на нас ещё, ещё и ещё!.. При этом цинично убеждают, мы вам, мол, прекрасную возможность даём полнее реализовать себя в жизни. Так и хочется Калине Ивановичу поправить «ещё при жизни»...

Реализовать себя для чего? Опять же, ради чего? Чтобы вот этим кучегрёбам-ликвидаторам, или своим местным недо- полубуржуям и дальше обеспечивать комфортное существование и благополучное потребление всех мыслимых и немыслимых благ?.. Какой ценой? Ценой затягивания своих личных поясков, ценой лишения всего жизненно необходимого себя и своих близких? Не слишком ли жирно? Морда у вас, господа хорошие, не лопнет!?

Спокойней, Калина, спокойней... Сам себя так убеждает. Ведь, тот молодняк, который роится нынче, пока этого ещё не понимает. Позже поймёт, когда при нынешней постановке вопроса о государственности, выяснится, что в «поезде» этом купейных и даже плацкартных мест на всех не хватает, остались одни общие, где и присесть-то неудобно, зато вкалывать можно, не останавливаясь... Пока не надорвёшься и не

упадёшь. Он-то, Калина Иванович, это понимает. И всё больше и больше пугается своего понимания... Невольно вспоминается – «не приведи Бог увидеть русский бунт»...

Да и вообще, о чём он? Как говорил один из его институтских преподавателей: «Давайте определимся с терминами». О государстве?.. Так нет, пожалуй, его сегодня в том виде, в каком оно вообще здравый смысл имеет: это когда оно, государство – для людей. Так нет нынче этого! Нынче оно для избранной кучки. Вот и получают одни голые лозунги про «якобы государство» из «зомбоящика», а на деле получается – каждый сам за себя, потому каждый из этой ямы, в которую все вместе попали, сам выгребает. И только иные, избранные, кто нынче наверху, пользуясь моментом, всё под себя гребут, руки у них так повернуты. И мозги...

А чтобы люди как-то поверили в эти лозунги и дальше на них работали, создавали им те блага, что они так усердно под себя гребут, партий понаплодили всяких на любой вкус. Опять же – разделяй и властвуй! Надо же людям глаза чем-то замазывать, да лапши на уши навешивать. Ну, никак, никак своим скудным умом не может понять Калина Иванович – «единая россия»... «справедливая россия»... «родина»... Какая между ними разница? И есть ли? Ведь если присмотреться, все они так или иначе из верхов КПСС и ВЛКСМ повылазили. Не потому ли сегодня переходят эти депутаты новоявленные из одной партии в другую, как из комнаты в комнату, ищут, где им в данный момент покомфортнее и повыгоднее...

А коли так, совсем непонятно Калине Ивановичу, чем одни других хуже, или лучше? Почему «единая россия» не может быть «справедливой», или наоборот? И почему ни та, ни другая, ни даже «родина» не имеют ничего общего с настоящей Родиной. По крайней мере, с его, Калины Ивановича, родиной, пусть малой, но такой родной, привычной, как, скажем, отцовская пасека из детства, или даже вот это Гадючье болото... Да, да, именно Гадючье болото, тот небольшой кусочек, который у него, Калины Ивановича остался от огромного комбината, с которым столько в жизни у него связано.

Мучают... мучают, не дают покоя Калине Ивановичу эти мысли. Хочется хоть какой-то определённости, какого-то понимания – куда этот мир нынче движется... Или же катиться он бульжником под откос?.. И хочется Калине Ивановичу справедливости, хоть какой-то всеобщей – для всей страны, для всех людей; хоть самой малой – для жителей их небольшого вымирающего медленно, но верно городка, для обитателей ли Гадючьего болота...

Да только где оно – Гадючье болото, а где та справедливость!?

Вместо эпилога. Глава, в которой у автора появляется риторический вопрос к главному герою

Когда Калина Иванович к мужикам в кочегарку зашёл, трепались они по обыкновению,

– Григорич, слышал, что по ящику сказали, нынче всех предпенсионеров переучивать на нянечек будут, и дальше в детсады посылать молодое поколение с пелёнок к труду приучать!..

– Ага, – подхватил Сашка. – А тех, кто пенсионеров увольнять будет, пересажают всех...

– Наив ты, Сашка. – Оборвал Васька Ленина. – Кто ж их посадит, они же памятники!..

– Ну-у, понесло!.. Нашли предпенсионера. Лучше сами думайте, как теперь вам эту пенсию заработать – Усмехнулся Григорьевич.

– Ну, пока до нас дойдёт, все наши пенсионные отчисления «ЕэРы» и «СэРы» сожрут уже. Их-то, партейцев да чиновников, ого-го сколько... Глядишь, к тому времени

ещё закон примут. Тогда уж точно, не государство нам будет выплачивать – мы ему, чтоб на пенсию до смерти отпустили... – Связвил Васька.

Как раз в этом месте разговора и вошёл Калина Иванович.

Как оказалось, совсем зря он так волновался. Мужики, как один, ко всему услышанному отнеслись на удивление спокойно. Понятно, давно уже это в воздухе висело, потому и ждали чего-то подобного. И вся их реакция ограничилась простыми односложными репликами,

– Понятна-а... – Выдохнул Сашка.

– Приехали... – Вторил Григорьевич.

А вот Васька промолчал. Другой раз Калина Иванович удивился бы, подковырнул бы Ваську наверное, а здесь как-то приметил между делом, но слова не сказал. Ну, молчит и молчит. Стало быть, так надо, соответственно момента.

Вспомнились Калине Ивановичу слова Яши из того самого письма. Как-то между строк он друга пожурить не преминул, мол, умный ты мужик, Калина Иванович, с твоей-то головой страной запросто командовать смог бы, а ты сидишь на своём Гадючьём болоте, воздух летом топишь...

К месту – не к месту ли, старый анекдот про Чапаева вспомнил: «– Ну, а ежели, в мировом масштабе командовать?... – Не-е, Петька, в мировом не сумею, пожалуй... Языков я не знаю!»

Вспомнил, и с горькой самоиронией усмехнулся в свои чапаевские усы... Как сказал бы в этом случае Васька, вот такая вот хрень получается!

Но Васька-то молчал. И остальные мужики тоже замолчали. Только где-то в самой глубокой тишине этого молчания, почудилось ли ему, или, в самом деле, почувствовал Калина Иванович вдруг ясно, как отдаляются они все в эти минуты друг от друга. До этого вместе были, одними радостями жили, одними проблемами, решать их вместе старались, можно сказать, хоть и небольшое, но своё «мини государство» образовалось у них здесь на Гадючьём болоте, со своими законами, со своими понятиями о зле, о добре, о справедливости, с пониманием друг друга. А теперь – всё! Дальше – каждый сам за себя!..

Конечно, можно было бы и дальше проследить за судьбами героев этого нехитрого повествования, тем более что очень схожи они с судьбами тысяч... миллионов простых россиян.

Однако автор вынужден решить иначе, не хочется делать из своего повествования трагедию, а потому, думается, настало самое время оборвать свой рассказ и попрощаться с вами, уважаемый читатель. Пожалуй, подошли мы уже к той грани, когда наступил конец этой небольшой повести... или огромной эпохи... А может, чьего-то отпущенного Богом времени... Словом, конец печальной истории Гадючьего болота...

Или это какое-то начало чего-то нового... Только вот, чего?

А, Калина Иванович?..